

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ

Таврический национальный университет
им. В. И. Вернадского

В. В. Буряк

**Динамика культуры
в эпоху глобализации:
ноосферный контекст**

Монография

Симферополь
«ДИАЙПИ»
2011

УДК 316.32:130.2:5:1

ББК 87. 633

Б 919

Рекомендовано к печати учёным Советом Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (протокол № 6 от 20 июня 2011 г.)

Рецензенты:

А. В. Швецова – доктор философских наук, профессор

Л. Ф. Малофеев – доктор философских наук, профессор

Монографія являє собою комплексне дослідження феномена культурної глобалізації. Розглянуто динамічний аспект глобальних соціокультурних трансформацій у ноосферному контексті. Представлено типологію вимірів глобалізації. Визначено фундаментальні протиріччя глобалізованого світу, механізм конфлікту між глобальним і локальним.

Буряк В. В.

Б 919

Динамика культуры в эпоху глобализации : ноосферный контекст : монография / В. В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.

ISBN 978-966-491-084-9

Монография представляет собой комплексное исследование феномена культурной глобализации. Рассмотрен динамический аспект глобальных социо-культурных трансформаций. Совокупность планетарных изменений исследуется в более широком ноосферном контексте. Представлена систематизированная типология измерений глобализации. Выделен и проанализирован принцип мобильности как основание социо-культурной динамики. Определены фундаментальные противоречия глобализирующегося мира, механизм конфликта между глобальным и локальным.

УДК 316.32:130.2:5:1

ББК 87. 633

ISBN 978-966-491-084-9

© В. В. Буряк

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Раздел 1. Глобализация как продолжение ноосферогенеза.....	15
1.1 Социо-культурная динамика в контексте глобальных трансформаций	15
1.2 Терминологические и методологические аспекты спецификации учения о ноосфере.....	26
1.3 Современное мировоззрение и ноосферное мышление.....	39
1.4 Глобальные трансформации в контексте расширения ноосферы	50
1.5 Глобализация как объект междисциплинар- ных исследований: основные измерения	64
1.6 Глобализация: к вопросу о дефинициях.....	81
1.7 Историческая рецепция концепта глобализации	97
Раздел 2. Антропологическое измерение глобализации	113
2.1 Антропологический поворот в эпоху глобальных трансформаций	113
2.2 Континентальный философско- антропологический дискурс и перспективы новой культурной политики....	126
2.3 Глобальная педагогика: ноосферный аспект	133
2.4 Образование как стратегический ресурс «технотронной эры»	145
2.5 Консьюмеризация образования в эпоху рыночной экономики.....	156

Раздел 3. Социальное измерение глобализации 173

- 3.1 Специфика становления гражданского общества в глобализирующемся мире 173
- 3.2 Гражданское общество как социальная идея европейской культуры 186
- 3.3 Гражданское общество в контексте ноосферогенеза и продвижения глобальных трансформаций 202
- 3.4 Проблема измеримости глобального гражданского общества: компаративные исследования 222

Раздел 4. Информационное измерение глобальных трансформаций 235

- 4.1 Глобализирующийся мир в условиях информационной революции 235
- 4.2 Ноосферизация социума в эпоху Интернет-революции 250
- 4.3 Парадигма сетевого общества 267
- 4.4 Социальные сети: экономика и социокультурные процессы в глобализирующемся мире 279
- 4.5 Планетарная мобилизация социальной коммуникации 286
- 4.6 Киберкультура в глобализирующемся мире 300

Раздел 5. Глобализированная культура и консюмеризированное общество 321

- 5.1 Маркетизация социокультурной сферы в эпоху глобализации 321
- 5.2 Феномен демонстративного потребления в капиталистических обществах в интерпретации Торстейна Веблена 329
- 5.3 Консюмеризм в постэмоциональном обществе 335

5.4 Макдональдизация как эффективная модель культурной гомогенизации	341
Раздел 6. Динамические особенности культурной глобализации.....	349
6.1 Мобильность как ключевой триггер динамики социокультурных изменений.....	349
6.2 Ускорение культурной глобализации: философия скорости Поля Вирилио.....	355
6.3 Культура в глобальном пространстве: скорость и мобильность	366
6.4 Био-социальные детерминанты культурного трансфера: (социобиологические и меметические интерпретации)	388
6.5 Миметическая трансмиссия и био-социальные аспекты функционирования культуры	402
Заключение.....	407
Литература.....	419

ВВЕДЕНИЕ

Очевидно, что в транзитивных обществах, к каковым можно отнести Украину, процессы интеграции в состоявшиеся продвинутые европейские экономические, социальные и культурные системы представляет собой совокупность шагов, предусматривающих адаптацию локальных социокультурных практик к региональным и глобализированным. При этом экономическая специализация и национальные приоритеты не должны быть утеряны, а напротив, могут обеспечить эффект результативности. В ходе интеграции многое зависит не только от генерации ценностей в рамках национальных культурных проектов, то есть традиционных форм воспроизводства социокультурных практик, но также от рецепции инновационных тенденций, присущих динамичным глобализированным трендам в политико-правовых, экономических и культурных сферах жизнедеятельности. Именно горизонтальный трансфер социальных и культурных практик обеспечивает ускоренную динамику на всех уровнях и во всех «точках роста»: политического, технологического, экономического, социального и культурного.

Социально-экономическая ситуация в Украине в силу её исторического развития, геополитического положения, транзитивности и специфической полиэтничности позволяет говорить о наличии перманентных экономических, политических, социальных, а, следовательно, и культурных кризисах, «культурных рисках», и, в конечном счёте, об угрозе деформации националь-

ной культурной идентичности. К этим «генетическим» историко-культурным в своей основе кризисным явлениям добавляется эффект воздействия культурной глобализации – гомогенизация культурной составляющей. В результате ускорения обмена культурным контентом, массовой интервенцией культурных образцов массовой денационализированной культуры, стереотипов, клише и рекламной продукции через Интернет и СМИ в условиях достаточно развитого информационного общества в Украине происходит ассимиляция отечественной культуры другими национальными культурами и глобализированной культурой в целом. Поэтому необходим комплекс экономических, политических, идеологических, социальных и культурных программ для сохранения национальных культурных традиций и, следовательно, национальной культурной идентичности, поддержание стабильного режима реального этнокультурного разнообразия.

На пути поиска и обретения культурной национальной идентичности и реализации государственных, региональных, локальных и индивидуальных культурных проектов могут и должны быть задействованы ключевые ресурсы (это относится к любой существующей сегодня культуре и к любому государству). Их можно разделить на несколько групп: 1) *экономические* (возможности финансирования национальной культуры, «национального культурного проекта»); 2) *организационные* (наличие специализированного менеджмента и подготовленных менеджеров управляющих национальными, региональными и ло-

кальными культурными проектами); 3) *идеологические* (наличие единой консолидированной многолетней перспективной программы, в виде концептуальной и реальной культурной политики); 4) *технологические* (интегрированные информационные технологии для обеспечения разнообразных культурных практик государства и гражданского общества); 5) *инновационные* (система соответствующей инфраструктуры для обеспечения реализации творческой деятельности на всех уровнях).

Исходной предпосылкой исследования является допущение того, что благодаря планетарной информационно-коммуникативной среде большинство индивидуумов и культурных локусов взаимосвязаны и взаимозависимы. Поэтому рассмотрение социальных и культурных практик, функционирование любой национальной культуры должно анализироваться в контексте процессов глобализации и наличия глобального масс-медийного пространства. На наш взгляд, одной из релевантных форм теоретической рефлексии по отношению к культурной динамике глобализирующегося мира является выделение двух взаимосвязанных, но разнонаправленных способов формирования современной социокультурной среды: вертикального и горизонтального трансфера культурных и социальных практик.

Очевидно, что социокультурное пространство представляет собой сложнейшую устойчивую сеть коммуникативных, поведенческих, образовательно-воспитательных практик. Современный академиче-

ский дискурс философии культуры акцентирует внимание на генезисе культурных форм, прагматике циркуляции и функционировании артефактов, меметических потоков, ценностей и смыслов в глобализированном коммуникативном социально-историческом пространстве. В центре этого континуума смыслов и ценностей находится человек, который благодаря присущей только ему креативности и инновационности формирует, конструирует это пространство, структурирует ноосферу в её «культурном сегменте». Современные культурные процессы носят скоростной характер. Поэтому трансцендентализм (как методологическая установка) не в состоянии обеспечить адекватную концептуализацию таких значимых феноменов как «скорость культуры», мобильность культуры», «глобальный культурный трансфер» и другие. Необходимы новые концептуальные подходы, терминологически и методологически ориентированные на достижения современной социальной теории.

Динамика глобальных трансформаций разнонаправлена и многовекторна, именно поэтому общество и культура в эпоху глобализации рассматриваются в контекстах экономического, политического, технологического и коммуникативного пространств, их трансверсальности, флексибельности и взаимодополнительности. Комплексный характер планетарных процессов требует выделения соответственно-глобального, регионального и локального (и глокального) уровней социокультурной динамики. Здесь необходим учёт двух противоречивых тенденций: *меж-*

культурного взаимодействия (с вариантами культурной интеграции, на основе взаимодополнительности, «гибридизации», «креолизации» и «ассамбляжности») и, напротив – *столкновения культур*, столкновения цивилизаций, вплоть до ведения «культурных войн». Для понимания механизмов становления новой культурной парадигмы необходимо исследовать предпосылки, причины и движущие силы глобализации, уровни функционирования социальных и культурных практик, воздействие вертикального и горизонтального трансферов культурных потоков на формирование глобализированного социокультурного пространства. Также необходимо учитывать реалии глобального информационного общества. В основе любых существенных планетарных изменений находятся не только экономические, политические, коммуникативные и технологические инновации, но, главным образом, коммуникативно-информационные потоки.

Институт национальной культуры и его функционирование обусловлены некоммерческим характером деятельности. Национальные культурные проекты фундированы, прежде всего, эволюционирующей традицией этно-национальных институций, поэтому имеют тенденцию к ретроспективности и аксиологическому консерватизму. Это проявляется в доминировании этнических, национально-исторических, эстетических форм и циркуляции этнокультурных архетипов. Глобальная культура в качестве популярных брендов ангажирована главным образом экономическим интересом, радикальной инновационностью, скоростью об-

новления культурных форм и эффективностью получения прибыли от вложенных инвестиций.

Необходимо выделить два основных противоречия современной эпохи в рамках глобализации социокультурного пространства. Основное противоречие между принципами консервативной этнонациональной культурной традицией и радикальной инновационностью коммерческой массовой культурой формирует глокальный фронт планетарной культуры. Другое фундаментальное противоречие находится в сфере самой культуры, и заключается в углубляющемся конфликте между народной (массовой) культурой и классической (в соответствующих контекстах – элитарной) культурой. Наконец, ещё одно значимое противоречие связано с антагонистическим сосуществованием множества автономных этнонациональных и индивидуальных культур / субкультур, существующих в режиме политики мультикультурализма и доминантой принципа политкорректности в условиях развёртывания глобальных транснациональных культурных трендов (таких как «макдональдизация», «голливудизация», «диснейлендизация» культуры и др.). Это ведёт к такому феномену как мозаичность и фрагментация культуры.

Монография представляет собой комплексное исследование феномена культурной глобализации. Рассмотрен динамический аспект глобальных социокультурных трансформаций в ноосферном контексте. Представлена типология измерений глобализации. Определены фундаментальные противоречия глоба-

лизирующегося мира, механизм конфликта между глобальным и локальным.

Научное исследование будет полезно специалистам в области философии культуры, социальной философии, философии истории, а также аспирантам, магистрам и бакалаврам гуманитарных и естественнонаучных специальностей, а также всех, кто стремится понять закономерности глобализирующегося мира.

РАЗДЕЛ 1.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ НООСФЕРОГЕНЕЗА

1. 1. Социо-культурная динамика в контексте глобальных трансформаций

При изучении социальных и культурных событий происходящих в эпоху глобальных трансформаций необходимо указать на существенное методологическое различие между континентальной культурно-философской традицией и англосаксонской интерпретацией культуры. Метафизические подходы сложившиеся в 19 веке в германской классической философской традиции с упором на трансцендирование культурных ценностей в конце 20 века стали нерелевантными для понимания механизмов трансформации глобализированной культуры. Намного более успешными оказались эмпирически и нарративно ориентированные методы социальной теории сформировавшиеся в британской и североамериканской философии и социологии. Современные англо-американские подходы в анализе определений культуры складывались во многом под воздействием географических и этнографических открытий 18, 19 и 20 веков. Кроме того большое влияние оказывали методологические установки искусствознания, теории культуры, культурной антропологии, социальной теории, философии культуры. Не говоря уже в «школьных» внутридисципли-

нарных дискуссиях и завершающих дефинициях. Если в континентальной философии культуры (теории культуры) доминировали цели фундированные трансцендентной фокусировкой на «вечные ценности» и «смыслы», то в англо-американской традиции исследования и определения предмета культурных исследований предпочтение отдавалось историчности, социальности и контекстуальности (даже ситуативности) культурной деятельности. Исследователи насчитывают более пяти сотен определений культуры. Решать вопрос о том, какое из них наиболее точное в абстрактном споре нельзя. Культура представляет собой исторически сложившуюся динамичную систему духовных и материальных ценностей. Чтобы понять «как работает культура», необходимы современные методы Схематизация и типология культуры А.Д. Шоркина [Шоркин, 1996], анализ стратегем и ключевых ценностей культуры Ф.В. Лазарева и Б. А. Литтла [Лазарев, Литтл, 2005] дают представление о способах изучения сложных процессах в рамках ноосферной реальности, частью которой является генезис культуры.

Определение нужно «затачивать» под предмет и особенности конкретного исследования. Поскольку динамика культуры в эпоху глобальных трансформаций тесно связана с материальным и информационным потоковым «товарооборотом» культурных форм и ценностей, консюмеризирована, локализована и глокализована одновременно, то именно «позитивистский», социально детерминированный подход к по-

ниманию и объяснению природы современных культурных процессов оказывается наиболее релевантным. Наиболее важными характеристиками культуры тогда становятся: социальность, деятельность, паттерны поведения, институции.

Один из крупнейших англоязычных онлайн-словарных ресурсов в мире – Dictionary.com [<http://dictionary.reference.com/browse/culture>], который посещают в месяц около 50 миллионов уникальных пользователей во всем мире, рассчитанный на академическую и университетскую аудиторию даёт несколько ключевых определений культуры, где отмечены именно эти характеристики:

1. Совокупность всех социально усвоенных моделей поведения (socially transmitted behavior patterns), верований, институций, художественных практик и других видов человеческой деятельности (технической и интеллектуальной).

2. Такие модели, черты и результаты деятельности (patterns, traits, and products), которые могут быть рассмотрены как выражение особенностей исторической эпохи, класса, сообщества (Эдвардианская культура, Японская культура).

3. Модели, черты и результаты деятельности (patterns, traits, and products), которые могут быть рассмотрены как отнесённые к какой-либо специфической категории, полю, предмету, способу выражения (средневековая религиозная культура, музыкальная культура, культура устной речи).

4. Преобладающие отношения и способы поведения, которые характеризуют функционирование группы или организации (functioning of a group or organization).

Несмотря на некоторые различия общим принципом является указание на трансмиссию (transmitted) социально востребованных и значимых паттернов. Благодаря институциям и «вертикальному трансферу» знаний, умений, ритуалов и социально значимых смыслов локальная культура обретает устойчивость.

Один из классических вариантов описания локального производства культуры даёт американский антрополог Маргарет Мид. На основании многочисленных полевых исследований и теоретических обобщений она определила три ключевых типа (модели) функционирования трансгендерных культурных знаний. Она показала, что между двумя поколениями «взрослыми» и «детьми» можно реконструировать несколько основных типов передачи знаний (по схеме «вертикального трансфера культурных форм», в нашей терминологии). Дискурсивные установки англо-американской этнографии и культурной антропологии позволяют интерпретировать передачу культурного опыта, «знаний» в корреляции с действием биологических механизмов, находящихся в основании человеческой жизнедеятельности. При всей флексibility термин «поколение» имеет темпоральные границы. Базируясь на таксономии поколений Мид предлагает использовать оригинальную типологию культуры.

Для понимания специфики процесса трансфера культурных знаний внутри одной культуры она показывает существование следующих трёх типов: 1) постфигуративный тип – процесс и результат передачи основополагающих знаний от одного поколения к другому (взрослые – детям); 2) конфигуративный тип – процесс получения взрослыми и детьми знаний главным образом от индивидуумов своего же поколения; 3) префигуративный тип – осуществляется в случае передачи знаний от детей к взрослым.

Разумеется, что это упрощённое представление о том как работает механизм развития традиционной культуры. Тем не менее Мид отметила главные особенности: непосредственная трансмиссия культурного опыта и практически биологическая связь между коммуникантами. В глобализирующемся мире разделены не только поколения (как и в традиционных культурах), отделены и «биологические опции». Люди находятся также в различных регионах и на различных континентах, обитают в разных социальных стратах. Единственное, что их прочно связывает, это медийные информационные потоки. Таким образом индивидуумы находятся «на перекрёстке» вертикального трансфера культурных форм и горизонтального трансфера культурных форм. Перед каждым ситуативно возникает выбор – культурный традиционализм или культурный космополитизм. Многое зависит от мотивации, экономических и политических обстоятельств. Однозначно то, что индивидуум имеет больше степеней свободы и одновременно подвержен мощным соблаз-

нам со стороны маркетинговых и политических брендов. Тем более важно развивать критическое мышление с целью самосохранения и максимальной самореализации личности [Мид, 2008].

Это порядок воспроизводства традиционных культур («тысячелетней культурной традиции»). Однако за несколько последних десятилетий произошли эпохальные изменения в экономической, технологической, коммуникативной, социальной и, конечно же, в культурной сферах. Все локальные, региональные и планетарные процессы сегодня зависят от двух фундаментальных факторов: хода глобальных трансформаций и продолжения информационной революции. В этой новой исторической ситуации необходимо выделить три системообразующие силы для формирования социо-культурного пространства: сети, потоки и сферы. Именно на их пересечении и как результат взаимодействия возникают актуальные экономические, социальные, культурные и политические события.

Если говорить о динамике культурного поля в контексте продолжения глобализации, то здесь необходимо отметить подвижность и даже турбулентность событий, в основе которых находится конфликт между традиционными («вертикальными», «осевыми») способами производства культурных форм (культурных продуктов) и глобализированными культурными практиками («горизонтальными», «инновационными», «скоростными»). Стратегии формирования традиционных культур ретроактивны и консервативны, главным образом замкнуты на локальные культурные

архетипы, в то время как глобализированная культура в большей степени актуальна и футуроактивна (делокализована, стремиться к максимуму планетарной экспансии космополитизированных культурных форм). Чтобы точнее определить диспозицию ключевых культурных трендов современности необходимо прибегнуть к помощи эпистемологического контекста, каковым является «картина мира».

Картины мира различаются не только эпохально и типологически (мифологическая, философская, научная, эстетическая, энвайронментальная и др.), но также имеют локализацию. То есть, речь идёт об этнических и национальных образах мира. Картины мира и образы мира не гомогенны, имеют комплексный характер и обладают специфической динамикой. Отвлекаясь от «материальной» части культуры, укажем на символический аспект организации картины мира. Разными путями происходит конструирование образа мира посредством символов и нарративов. Такая картина мира принимается сообществом и при этом происходит постоянное её «достраивание», появляются новые интерпретации и реинтерпретации. В традиционных культурах абсолютным центром интерпретаций являются автохтонные мифы, легенды, эпос и реальные исторические локализованные события. Благодаря непрерывному вертикальному трансферу культурных форм происходит фиксация картины мира и осуществляются её модификации. Знания здесь существуют в догматизированной форме. Научная картина мира выстраивается на основе рациональных базисных

допущений, которые постоянно дополняются, пересматриваются и опровергаются. Этим обеспечивается релевантность научной картины мира реальности и, что немаловажно, производятся прогнозы, реализуются проекты изменения природного положения дел.

Научное знание принципиально инновационно. В глобализирующемся мире культурная динамика постоянно изменяет скорость обращения культурных форм, они обновляются путём гибридизации и ассамбляжности. Происходит горизонтальный трансфер культурных форм, он определяется гораздо более высокими скоростями и преодолением символических границ автохтонных, этн-национальных, локализованных культур. Это центральное противоречие культурной глобализации. Эти две тенденции производства культуры исторически и процессуально различаются, находятся в идеологическом и динамическом конфликте. Но тем не менее они прочно взаимосвязаны и представляют собой разнонаправленные тенденции в рамках единого поля всемирной культуры. Консервативная и инновационная составляющие культуры всегда были взаимодополнительны. Их различие представляет собой сложную методологическую задачу. Культура может проявляться как окружающая среда (*culture as environment*) [McElroy, 2008: 121-123]. С одной стороны культура-среда защищает индивидуума и традиционные культурные формы от «культурной коррозии» (ассимиляция другими культурами или глобализированные культурные потоки), с другой стороны – замедляет ход культурного развития и

уменьшает конкурентные преимущества. Именно эта неразрешимая для многих локальных культур проблема (геттоизация или глобализация культурной деятельности) порождает ключевой конфликт, между герметичностью, органическим единством культурных форм с одной стороны и открытым характером, готовностью для либеральной комбинаторики.

В основе производства традиционных культур находятся «культурные архетипы», порождающие всё множество наличных культурных форм. Производство глобализированных культурных продуктов основано на конструировании (комбинаторике) постоянно новых и новейших форм, зависящих не от культурного архетипа, но от рыночных условий эффективного распространения и продвижения культурного продукта. Потоки глобализированной культуры «вымывают» культурный контент традиционных культур, адаптируют формы традиционной культуры для глобализированной массовой культуры, «затачивают» их под космополитические культурные бренды, что приводит к гибридизации, креолизации и культурному джеммингу. Так или иначе, но очевидна проблема нарушения культурного разнообразия, присущего «доглобализационной эпохе», когда этнические и национальные культуры формировались главным образом посредством вертикального трансфера культурных форм. Их относительная герметичность обеспечивала воспроизводство локально индивидуализированных культур. Размывание национальных границ, экономических, политических, правовых и, конечно же, куль-

турных, экспоненциальное ускорение мобильности и усиление горизонтального трансфера культурных трендов кроме прочего приводят к формированию монокультуры. Этот процесс анализирует энвайронменталистский теоретик Вананда Шива.

Фундаментальное противоречие между характером воспроизводства традиционных культур и характером производства глобализированных культурных форм проявляется в эффекте турбулентности современной культуры. То есть, её тенденции определяются не «заякорёнными» в исторической традиции культурными архетипами («символическими формами»), а коммерческими интересами, которые ситуативны по отношению к базисным моральным и эстетическим ценностям. Тем не менее, воспитание в семье и «общине» создаёт необходимый нормативный и ценностный фундамент личности, который в массмедийной сфере подвергается соблазнам и это взаимодействие (столкновение) «традиции» и глобализирующих культурных потоков ускоряет «турбулентность культуры», которая зависит уже не от вертикальных связей, а от комбинаторики мобильных (культурных) форм. В глобальной инфосфере (медиафере) происходит «вымывание» («выхолащивание») традиционного культурного контента, гибридизация культурных форм (эклетическое соединение имеющихся форм), и усиление потребительских качеств.

Одна из ключевых проблем, связанных с продолжением глобализации мирового культурного пространства связана с опасностью сокращения разнообра-

разия культурных форм. Меметическое разнообразие позволяет создавать новое культурное разнообразие и при этом сохранять фундаментальные качества культуры, возможность индивидуального выбора из множества «предложений». Наличие множества альтернативных культур и культурных форм обеспечивает и преемственность (сохранение уже существующих форм) и создание новых форм благодаря синтезу культур или даже простой комбинаторике форм. Вананда Шива в работе «Монокультуры разума: перспективы биоразнообразия и биотехнологии» (1993) проводит параллели между продуктивным существованием природы и продуктивностью культуры. Автор стремится доказать, что основополагающим принципом сохранения потенциала развития как в природе, так и в культуре является наличие разнообразия. Она считает, что «Разнообразие это альтернатива монокультуре, гомогенности и единообразию (uniformity). Живое разнообразие в природе (living diversity) соответствует живому разнообразию культур (living diversity of cultures). Природное и культурное разнообразие это источник благосостояния и источник альтернатив» [Shiva,1993: 37]. Выводы Шивы методологически небезупречны, поскольку эволюция биологических организмов имеет иные механизмы воспроизводства чем социо-культурная эволюция. Тем не менее, аналогия между угрозами сокращения биоразнообразия и рисками глобальной унификации культуры, через уменьшение культурного разнообразия заслуживает пристального внимания.

В любом случае, размещение культурной событийности в границах ноосферной реальности позволяет интегрировать биологические предпосылки и социальное содержание культурных процессов глобализирующегося мира.

1.2. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИФИКАЦИИ УЧЕНИЯ О НООСФЕРЕ

Поскольку предметом настоящего исследования является динамика культуры в глобализирующемся мире, целесообразно рассмотреть это явление в более широком контексте планетарных трансформаций. Таковой является ноосферная реальность. Чтобы прояснить методологические особенности глобальных процессов, нужно проблематизировать понятийный аппарат и актуализировать теоретическое содержание учения о ноосфере. Для этого же необходимо уточнить эпистемологические особенности термина «ноосфера», что, несомненно, будет способствовать эффективному рассмотрению процесса глобализации в целом и динамики культуры в глобализирующемся мире. Теория ноосферогенеза, была выдвинута в 20-е годы прошлого века В. И. Вернадским [Вернадский, 1989], [Вернадский, 1991], [Вернадский, 2001]. Наиболее полно и продуктивно учение о ноосфере выдающегося мыслителя развивают учёные, работающие постоянно над этой темой в Таврическом Национальном университете имени В. И. Вернадского.

Основанием теоретической схематизации глобальных трансформаций является концепция ноосферного развития, отражающая динамику ноосферных изменений, что наиболее полно отражено в работах Н. В. Багрова [Багров, 2001], [Багров, Ена, Лавров, 2004], [Багров, 2005], [Багров, 2010]. Понятие ноосферы имеет универсальный междисциплинарный статус, что и позволяет достаточно широко использовать его в области философии, естествознания, в социальных науках, а также в сфере гуманитарного знания. Вследствие различия смысловых интерпретаций этого понятия, очевидно, выявляются эпистемологические противоречия и семантические разрывы в рамках междисциплинарного дискурса. Поэтому необходимым методологическим этапом считаем определение общей диспозиции интеллектуальных стратегий и практик освоения ноосферной терминологии. Для достижения этой цели надлежит решить задачи по выяснению этимологических, эпистемологических и исторических особенностей формирования концепта ноосферы и её теории [Буряк, 2007].

В силу того, что в исследовании отражается междисциплинарный характер ноосферного теоретизирования, важно представить анализ прежде всего понятийного и теоретического содержания учения о ноосфере. Также необходимо рассмотреть эпистемологические характеристики значения термина «ноосфера» с целью продуктивной концептуальной фокусировки глобальных трансформаций. Наконец, феномен глобализации нуждается в адекватном понятийном каркасе,

основанием которого может быть категория ноосферы [Буряк, 2004].

Именно ноосферные процессы во многом определяют характер и темпы глобальных трансформаций. Объективная оценка трансформаций системы «природа – общество – человек – природа» непосредственно влияет на понимание феномена глобализации. Ноосферная история [Габриелян, 2008], ноосферная антропология [Шоркин, 2008] и другие аспекты ноосферизации заслуживают тщательного анализа в связи с расширением ноосферного пространства. Дискуссии, усиливающиеся в связи с социально-политической риторикой о катастрофических последствиях глобального изменения климата и окружающей среды, нуждаются в более широком контексте – ноосферизации биосферы [Лазарев, 2004]. Традиционалисты и антиглобалисты, сопротивляясь неolibеральной идеологии и практикам, едины в своём требовании остановить (или, по крайней мере, приостановить) экономическую глобализацию как несомненную угрозу социальному и культурному системному порядку. Ясно, что в данном случае необходима концептуальная фокусировка, не зависящая от идеологических, этических либо доктринальных установок по отношению к природе и перспективам глобализации. Такую эпистемологическую функцию может осуществить теоретическая ноосферология. Операциональным же основанием для систематического продуктивного теоретизирования в этом направлении оказываются понятия *ноосферы* [Назаров, 20001], [Наумов, 2002], информационного

общества в интерпретации Н. В. Багрова [Багров, 2005], В.А. Широкова [Широков, 2008], и *глобализации* [Буряк, 2002]

С начала своего возникновения академический статус понятий и мнения о границах их адекватной применимости были не менее спорными, чем сегодня. К концу XX и началу XXI века значение понятия «ноосфера» стало более ёмким и актуально востребованным в различных областях знания. Важнейшим его преимуществом следует признать открытость для междисциплинарных исследований [Цветков, 2008: 157-168]. Можно сказать, что «ноосфера» – эвристическая теоретическая оболочка для различных наук и тематических полей, тяготеющих к универсальности и холизму. Поскольку же культурно-историческая и идеологическая нагрузка смыслов играет в данном случае крайне важную роль, прежде, чем рассматривать базовые понятия в аналитическом плане, необходимо исследовать их происхождение.

Понятие *ноосфера* в последние десятилетия стало весьма часто использоваться в различных типах дискурса. Им оперируют в естественнонаучных и философских исследованиях, публицистических статьях, литературоведческих работах, в эзотерических трактатах и эколого-политических программах. Наиболее важной составляющей ноосферного мышления является концептуализация принципов устойчивости, аналитически и прагматически представленная в работах В. А. Бокова [Боков, 1999], [Боков, 2000] и И. Г. Черванёва [Черванёв, 2004]. Нейтральным в дискурсивном

измерении можно считать следующее определение, взятое из «Философского энциклопедического словаря»: «Ноосфера – новая, высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов в охваченной его воздействием сфере Земли глубоко изменяя её в ходе своей деятельности» [ФЭС, 1989: 441]. Попытка дать точную, адекватную дефиницию в данном случае – не квазиметодологическая дань схоластическому теоретизированию. Это возможность не допустить превращения такого ключевого, стратегически важного для современной науки, философии и культуры понятия в клише, красивый слоган, очередной «изм».

Усилиями некоторых говорящих, нарочито демонстрирующих мнимое знание актуального тематического лексикона, «ноосфера» порой превращается в размытую метафору, новомодное словечко. Как и большинство грекоязычных терминов, слово «ноосфера» кажется благозвучным, «красивым». Похоже, что оно наполнено тем же самым энигматическим содержанием, как и «космос», «хаос», «этос», «ойкумена», «мимесис», «катарсис», а также многие другие античные термины и выражения. В фонетическом плане слово «ноосфера» глубоко поэтично и эстетично. Вместе с тем оно не является «паролем» для междисциплинарного функционирования. Использование данного понятия в неакадемических дискурсах – вот один из основных вопросов, настоятельно требующий своего решения.

В связи с усилением «инфляционного» терминологического потока, так или иначе связанного с учением о ноосфере, необходимо предпринять денотативную селекцию, своеобразное тестирование на предмет релевантности понятия «ноосфера» академическому канону теоретизирования. Особые трудности здесь возникают в концептуально-теоретическом плане, когда явно или опосредованно происходит глубокое переплетение двух разноплановых дискурсов: «учения о ноосфере» и «русского космизма» [Владимирский, Кисловский, 2011].

Учение о ноосфере изначально тяготеет к естественнонаучному исследовательскому полю, эволюционизму (космоса, биосферы, приматов и гоминид) в широком смысле. В то же время, русский космизм возникает в условиях становления христианского модернизма в первой четверти XX века. Также необходимо учитывать и соответствующие влияния оккультно-эзотерических доктрин. Впрочем, теологические идеи в форме католического модернизма, оказавшиеся симметричными богословско-философским интегрально-универсалистским тенденциям в модернизме ортодоксальном, уже с самого начала содержались в работах Леруа и Шардена. Поэтому крайне важно принимать во внимание изначально междисциплинарный характер исследований *ноосферы*, заданный В. И. Вернадским, Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом. В частности, учитывать и генезис древнегреческих понятий «сфера» и «нус». Для понимания же сути феномена «глобальности» как современного социокультурного

явления необходимо рассмотреть все смысловые диспозиции, заключающиеся в термине «ноосфера», проследить особенности их формирования в античной философии и науке. Необходимы новые подходы концептуализации ноосферной реальности. В частности, заслуживает пристального внимания концепция О. А. Базалука [Базалук, 2003]. Такие подходы позволяют размышлять о перспективах продолжения традиции естественнонаучной интерпретации учения о ноосфере. Немаловажен методологический и праксеологический подход в направлении прогнозирования расширения ноосферы, считает В. А. Боков [Боков, 2009]. Такая постановка вопроса связана с научным предвидением и прогнозированием естественных и технологически обусловленных трендах мирового развития. Планетарный характер ноосферного дискурса показывает И. И. Кальной [Кальной, 2004]. В этом случае планетарность и глобальность становятся взаимодополнительными интервалами конституирования ноосферной реальности.

Древние эллины понимали под космосом упорядоченную вселенную, противопоставленную неупорядоченному хаосу, и считали его гигантской *сферой*. Греческий термин *σφαῖρα* (мн. число: *σφαῖρες*) полисемантичен. Из ряда его значений необходимо выделить следующие: шар; планета; небесное светило; небесное тело; модель планеты; глобус; орбита (небесного тела); небеса, небо; небесная сфера (англ. *celestial sphere*).

Астрономы древнего мира видели сферу (или сферы) шаровидной замкнутой поверхностью, внутри

которой находились другие, меньшего размера сферы, прочные и прозрачные полые шары, сотворённые «будто из горного хрусталя». К сферам, полагали древнегреческие учёные, прикреплены планеты, звёзды, Луна и Солнце. Отсюда берут своё начало выражения: «лунная сфера», «звёздная сфера» и т. д. Поскольку же закон всемирного тяготения в те далёкие времена ещё не был известен, такое объяснение специфики движения небесных тел, их существования, особенностей положения казалось вполне удовлетворительным.

Термин «нус» (греч. νόος) соответствует значениям «разум», «ум», «интеллект». В современном философском словоупотреблении он востребован как составная часть понятия «ноосфера» и чаще используем в историко-философских исследованиях. Следует отметить и его синонимичность таким античным терминам, как «архе», «логос», «пневма», и «гармония». Последние восходят к началу философской традиции постижения космоса как целостного, изначально «разумного», умопостигаемого, динамичного универсума, наполненного инвариантными устойчивыми «мыслеформами», «рациональными структурами».

Среди древнегреческих интеллектуалов термин «нус» имел различные интерпретации. В мифопоэтической культуре (например, у Гомера) он обозначал широко понимаемую умственную деятельность. У Анаксагора – тотальную, нематериальную, неперсонифицированную структурирующую силу, благодаря которой вселенная из первоначально неупорядоченного состояния (хаос) достигает состояния порядка (кос-

мос). Согласно же Платону, «нус» – это наиболее важная часть человеческой души, «разумная душа».

Собственно говоря, именно греческие философы и положили начало представлению о космосе как о тотально «умном», а потому и «умопостигаемом» (Парменид), всецело «умоуправляемом и умонаправляемом» (Анаксагор) бытия. Элеаты полагали, что бытие шарообразно, едино и умопостигаемо, оно есть мысль (только поэтому и может мыслиться). Платон уверенно постулировал существование бытия как совокупности идей, как абсолютно разумного начала, а потому и умопостигаемого. У Аристотеля же космический *нус* являлся перводвигателем, формой всех форм, целевой причиной всего существующего, а человеческий разум («разумная часть души») – средством постижения мира и самопознания.

Синтетическое понятие «*ноосфера*», созданное в начале XX века французским учёным и философом Леруа, включало в себя оба рассмотренных выше смысла. Вдобавок ко всему данный термин был нагружен ещё и дополнительными значениями, которые отражали комплексное знание о мире, характерное для первой четверти XX века.

Термин *сфера*, как, впрочем, и другие греческие слова, востребован академической наукой. Он давно и успешно используется в качестве продуктивного понятия учёными самых различных специальностей: математиками, физиками, геологами, биологами, географами. Под сферой в математизированном естествознании подразумевается совершенный геометриче-

ский объект симметричной формы. В нематематическом словоупотреблении термин используется для обозначения либо шара, либо двухмерной поверхности. Производными от термина *сфера* в «науках о природе» и в современном естествознании являются *геосфера, литосфера, биосфера, атмосфера, тропосфера, стратосфера* и т.д. Весьма частотными на сегодняшний день явились понятия, относящиеся к миру «искусственной природы»: *«техносфера», «инфосфера», «семиосфера», «социальная сфера», «сфера услуг», «идеосфера», «сфера влияния»* и др. В учениях о ноосфере Леруа и Тейяра де Шардена, наряду с естественнонаучными основоположениями, также сохранилась античная теологическая и телеологическая традиция, смешанная с модернизированной католической доктриной. В отличие от своих французских коллег В. И. Вернадский оставался на позициях естественнонаучного монизма, объясняя возникновение ноосферы из естественных, геологических, геохимических и биохимических причинно-следственных закономерностей. «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс, с одной стороны, и интересы свободной личности – с другой, определяют жизнь человечества... Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой» [Вернадский, 2001: 175]. Он также пытался найти фундаментальные корреляции между материальным, биологическим развитием и духовной эволюцией человека. Научная, политическая и просветительская стороны

деятельности великого учёного взаимосвязаны и взаимодополнительны. Наиболее полно взаимосвязь жизни и научной деятельности выдающегося учёного отражены в работе Г.П. Аксенова [Аксенов, 2010]. Научная работа и результаты её воплощения в планетарную человеческую рациональную деятельность отражены в резонансных работах В. И. Вернадского [Вернадский, 1989: 69-76] и [Вернадский, 1991].

С ретроспективной точки зрения, идея ноосферы – это реализация модернистского идеологического и философского проекта, в основных чертах уже прописанного к концу эпохи Просвещения («Век Разума»). Тогда состоялась успешная попытка утвердить позиции панрационалистического мировоззрения в наиболее прогрессивной прагматичной и универсальной форме. Своё наиболее оптимальное воплощение доктрина европейского рационализма обрела в рамках философской системы Гегеля, который и выразил её гениальной фразой: «Всё действительное разумно, всё разумное действительно».

Учение о ноосфере возникло в 20-х годах XX века, у его истоков стояли А. Бергсон, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский. Они фактически одновременно теоретически сформулировали ключевую проблему современности и постсовременности: необходимость мыслить глобально, междисциплинарно, синтетично, прагматично и ответственно, учитывая экспоненциальный рост научного знания и мощь новейших технологий. Будучи не просто мыслителями, а прежде всего учёными-философами, они ясно показа-

ли и доказали воздействие пресловутого «человеческого фактора» на биосферу («природу») и возвратным образом на самого же человека.

Актуальное на сегодняшний день учение В. И. Вернадского о ноосфере явилось результатом осмысления великим учёным ряда концепций, существовавших во второй половине XIX – начале XX веков. Эти теоретические системы преимущественно создавались геологами, биологами и философами, пытавшимися установить место и значение рациональной человеческой деятельности в ходе земной эволюции. Уже в XIX столетии американские геологи Д. Дана (1813-1895) и Д. Леконт (1823-1901) на основании многих естественнонаучных фактов пришли к выводу о том, что трансформации в мире живой природы имеют закономерное и вполне определённое направление, а интеллектуальная составляющая эволюционных изменений обнаруживает явную тенденцию к возрастанию.

Если Дана назвал этот глобальный процесс *«цефализацией»*, то Леконт квалифицировал соответствующий период как *«психозойскую эру»*. Очевидно, что учение о ноосфере основывалось не на абстрактных метафизических спекуляциях, но было глубоко подготовлено фундаментальными естественнонаучными теоретическими исследованиями. В своей работе «Биосфера и ноосфера» В. И. Вернадский пишет: «Дана указал, что в ходе геологического времени, т. е. на протяжении двух миллиардов лет, по крайней мере, а на верное, много больше, наблюдается скачкообразное усовершенствование – рост – центральной нервной

системы, начиная от ракообразных и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень мозга ... не идёт уже вспять, только вперёд» [Вернадский, 2001: 173].

Этому загадочному природному явлению придают важное значение и современные исследователи. Особо нужно выделить открытие Дана. Ведь именно этот учёный некогда указал на «неоспоримый факт, что в течение многих миллионов лет в природе осуществляется непрерывное развитие нервной системы, начиная от простейших земноводных и заканчивая высшими животными. Дана рассматривал цефализацию скорее как тенденцию. Очевидно, что появлению «человека разумного», *homo sapiens*, предшествовали сотни миллионов лет эволюции «разумного вещества».

Наука, техника, экономика постиндустриального мира с очевидностью доказывают экспоненциальный рост цефализации и развитие информационных сетей в планетарном масштабе (Интернет, мобильная связь). Интеллект, знание, образование стали наиболее востребованным и сверхдорогим продуктом на мировом рынке товара и труда. Независимо от своего восприятия концепт ноосферы и её теория играют всё более важную методологическую роль в решении современных вопросов, касающихся экономики, экологии и геополитики. На основе нового научного направления – ноосферологии – могут быть гораздо эффективнее решены и проблемы глобализирующегося мира [Ноосферология 2008]. Глобальные трансформации это один из существенных этапов развёртывание ноосферогенеза.

1.3. СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И НООСФЕРНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Глобальные противоречия современной цивилизации являются серьёзным вызовом для государственных деятелей, организаций, учёных и каждого индивидуума – хотя, конечно, степень их компетенции и мера ответственности за понимание этих проблем и принятые решения различны. Узкая специализация сегодня всё больше проявляется особенно в области науки и техники. Ноосферное мышление основано на объективном знании о целостном мире, о высокотехнологичных способах кардинального изменения окружающей среды и человека. Ноосферология – наука с огромным прогностическим потенциалом. Она не только позволяет выяснять, как устроен мир, но также помогает целенаправленно изменять его, понимая, что может произойти и чего нельзя делать ни в коем случае, если человечество хочет продлить своё существование.

Во Вселенной все материальные процессы взаимосвязаны на физическом уровне. Существование человечества и эволюция современной цивилизации непосредственно зависят от состояния биосферы и баланса геофизических, энергетических и экологических составляющих. Любые существенные изменения биофизических условий в глобальном масштабе влекут за собой позитивные или негативные следствия для настоящего и будущего развития человечества. Если люди фундаментально изменяют ландшафт, то преобра-

зуется и экологическое окружение этого теперь уже рукотворного ландшафта [Багров, 2001] .

Закон сохранения энергии работает всюду и помимо воли человека. Действие вызывает соразмерное ему противодействие. Понимание природных изменений в ноосферном контексте поможет избежать фундаментальных ошибок – в том числе и таких, которые могут быть непоправимы. Очень часто в погоне за эффективностью, прибылью, быстрым успехом учёные, инженеры, предприниматели забывают о взаимозависимости вещей и явлений. Иногда это приводит к малым проблемам, иногда к большим катастрофам. Авария на нефтяной платформе в Мексиканском заливе весной 2010 года очередной раз подтверждает тезис о том, что природа, как и человек, не должна быть только приложением к научно-техническому разуму. Интеллектуальное и технологическое преобладание бытовой аппаратуры, транспорта, коммуникаций и промышленного производства в современной цивилизации неуклонно возрастает [Буряк, 2011]. Это закономерный результат развития ноосферы. В свою очередь, научно-техническая насыщенность окружающей среды определяет трансформации ноосферной реальности – и, возможно, её деформации.

Ноосфера является органической частью биосферы [Назаров, 2000]. Их взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние привлекают всё больше внимания и становятся ещё весомее. В своей деятельности государствам, корпорациям и гражданам нужно поступать так, чтобы не нарушать баланс между биосферой

и ноосферой, не допускать необратимых последствий деградации окружающей среды. Ориентироваться и эффективно действовать в быстро меняющейся ноосферной реальности можно только в том случае, если компетентность в специальной области дополняется широким кругозором и подкрепляется глубоким пониманием механизмов производства рационального знания. Причём не только у индивидуумов, но и в пределах современной человеческой цивилизации.

Ноосфера – совокупность целерациональной осознанной деятельности людей в планетарном масштабе. Она является предметом междисциплинарных исследований [Наумов, 2002]. Предметное поле изучения ноосферы включает в себя генезис энцефализации, происхождение и формирование языка, семиосферы, техносферы и инфосферы. Понимание того, что представляет собой ноосфера на современном этапе, возможно благодаря знанию причин, следствий и механизмов технологических революций, производству инноваций и прогнозированию значимых для человечества научно-технологических прорывов. Концепт ноосферы играет всё более значимую роль в решении современных проблем, касающихся взаимодействия человека и природы, генезиса современной культуры, как показывает Д. С. Берестовская [Берестовская, 2003]. Расширяются возможности глобальной экономики, оптимизируется экологический баланс и усиливается тенденция конвергенции эмерджентных технологий. Изучение ноосферы как многомерного явления стало одним из перспективных междисциплинарных направ-

лений, разрабатываемых учёными Таврического национального университета имени В. И. Вернадского.

Понятие «ноосфера» сегодня используется в различных областях знания. Ноосферная тематика и в ещё большей степени ноосферная риторика расширяют своё присутствие не только в естественнонаучных и философских контекстах. Какое уже было отмечено прежде, слово «ноосфера» довольно часто употребляется в публицистике, популярной журналистике, эколого-политических программах и даже в эзотерических трактатах. По существу термин «ноосфера» теперь играет роль своеобразной метафоры, удобной для спекулятивного теоретизирования в различных научных и околонаучных контекстах, тяготеющих к универсальности и холизму. Ноосфера может быть и продуктивной «философемой» для тех типов дискурса, которые в той или иной мере исследуют и прогнозируют рациональную деятельность в планетарном масштабе.

Понятийный каркас ноосферологии формируется под влиянием гипотез В. И. Вернадского, справедливо претендующих на универсальность и тематическую междисциплинарность [Вернадский, 1989]. К таким понятиям, предполагающим дальнейшие теоретические обобщения, могут быть отнесены прежде всего биосфера, ноосфера, глобализация, информационное общество, искусственный интеллект и экзистенциальные риски.

В учении о ноосфере заложен большой эвристический потенциал, который наиболее результативен в

оценке перспектив и рисков ситуации, кризисной в глобальном масштабе – технологически, экологически и экономически. Нет никаких сомнений в том, что терминологический, предметный и методологический анализ в рамках ноосферологии позволит эффективно разрабатывать проблематику устойчивого развития человечества. Понятие ноосфера отражает наличие планетарного феномена, а именно разумной человеческой деятельности в интеллектуальном и материальном измерениях.

Выделение актуальных проблем развёртывания ноосферы является первоочередной задачей ноосферологии, презентующей современное учение о ноосфере. Его концептуальные основания предполагают знание мировых технологических, коммуникативных, экономических, ресурсных и политических изменений в результате целенаправленной разумной деятельности. Дальнейшее расширение и усложнение ноосферы увеличивает технологические и экологические риски планетарного масштаба.

Ключевой проблемой здесь является ноосферная безопасность, действенность механизмов управления глобальными процессами и рисками. Оптимизация позитивных векторов развития ноосферы предполагает реализацию эффективных рекомендаций по созданию новых форм устойчивого развития, контроль над механизмами глобализации. Системы «природа – технологии – общество» и «человек – ноосфера – природа» взаимодополняемы. Комплексный подход к анализу антропогенных рисков, техногенных катастроф и дру-

гих последствий научно-технического прогресса указывает на необходимость использования понятия «ноосфера» в современном экологическом дискурсе.

Исследование глобальных трансформаций в контексте ноосферизации Земли и околоземного космического пространства становится одной из важнейших прикладных задач учения о ноосфере. Поскольку же понятию ноосфера изначально присущ универсальный междисциплинарный статус, соответствующий термин следует использовать не только в философии и естествознании, но также в областях социальных и гуманитарных дисциплин. Междисциплинарная природа ноосферологических исследований становится гарантией создания сильной результативной науки. Достаточно распространённые и продуктивные междисциплинарные понятия, такие как «ноосфера», «биосфера», «техносфера», «инфосфера», «антропосфера», уже давно получили признание.

Изучение ноосферы предполагает не только специальную подготовку исследователей. Он требует широкой эрудиции в различных областях знания: биологии, теории эволюции, общей физике, космологии, экологии, геоэкологии, экономике, информатике, эпистемологии, социальной философии, философии культуры, философской антропологии, аксиологии, философии науки и философии техники. Построение «сценариев будущего» для развития ноосферы и глобальный менеджмент деятельности человечества, несомненно, будет способствовать экономической и экологической устойчивости.

Как уже было отмечено прежде, ноосфера – это органическая часть биосферы. Данные «сферы» теснейшим образом связаны между собой, их взаимодействие и взаимовлияние становятся всё более заметным и значимым явлением. Баланс между биосферой и ноосферой не может быть нарушен без необратимых последствий – в частности, разрушения окружающей среды и деградации человека. Эффективные действия в быстро меняющейся ноосферной реальности возможны только в случае безусловной компетентности и специализации. Фундаментальный труд В. И. Вернадского «Научная мысль как планетарное явление» [Вернадский, 1991] впервые раскрыл закономерности появления ноосферы как неизбежного результата эволюции рационального мышления, научной деятельности и целерациональной деятельности всего человечества. Разумный труд, научно-технический прогресс, преодоление примитивных сугубо биологических потребностей превращает человеческую цивилизацию в подлинную геологическую силу. Её влияние постоянно возрастает, превращаясь в собственно ноосферу благодаря именно интеллекту, а не только физической мощи.

В своих многочисленных исследованиях, долгие полувек проводившихся в разных областях науки, В. И. Вернадский последовательно развивал мысль о том, что, будучи неотъемлемой частью биосферы, ноосфера заметно ускоряет её динамику, существенно дополняя и преобразуя окружающую природу. Качественно новое состояние биосферы появляется не сразу, а в ходе

эволюции человеческого мозга. При этом каждый новый этап ноосферизации биосферы отличается всё большей интенсивностью и высокими темпами интеллектуализации окружающей среды. Ноосферное мировоззрение формируется с учётом сложности и многомерности меняющегося мира. Междисциплинарная рефлексия по отношению к глобальной разумной деятельности и прогнозирование безопасного будущего – неотложная задача, стоящая перед мыслителями независимо от дисциплинарной специализации.

Эволюция биосферы оказывает важнейшее влияние на формирование ноосферы, трансформации которой, наоборот, непосредственно воздействуют на структурирование биосферы [Вернадский, 1991]. С уточнением генетических данных эволюции человека, появлением новой информации об истории формирования Земли, ходе антропогенеза и особенностях процесса энцефализации моделируются и перспективы развития ноосферы. Теоретизирование о ноосфере предполагает широкую общенаучную эрудицию, использование инновационной методологии и междисциплинарного подхода.

Ноосферология исследует теоретические и практические аспекты бесконечной эволюции рационального мышления. Она изучает факторы, которые влияют на формирование современного мировоззрения, остро необходимого квалифицированным специалистам в области естественных наук, социально-экономических и гуманитарных дисциплин [Ноосферология, 2008]. Важным элементом подготовки в дан-

ном случае является изучение стратегий целерационального действия в условиях усиления экономической, административной, научной и образовательной конкуренции. Ноосферное мышление, несомненно, интегрирует знания о природе, об обществе, человеке и культуре, помогает создать целостную реалистическую картину мира.

Ноосферология как современное учение о ноосфере – это комплексная научная дисциплина, которая формируется в междисциплинарном пространстве естествознания, философии, гуманитарных и социальных наук [Цветков, 2008:157-168]. Её предметом является взаимосвязанная конструктивная разумная деятельность людей в планетарном масштабе. основополагающей темой ноосферных исследований является производство рационального знания и понимание механизмов трансформации биосферы в ноосферу. Ключевые дисциплины, необходимые для формирования ноосферологии, разнообразны: от космологии, учения о биосфере, эволюционной биологии и эволюционной психологии до философии истории, философии технологии и методологии научного познания. Важное место в конструировании современного учения о ноосфере занимают методология междисциплинарных исследований и прогностические принципы футурологии, а также аспекты стратегического планирования и управления. Ноосферология содержит понятийный и методологический междисциплинарный аппарат, а потому способствует расширению представлений о современном научном познании. Особое значение уде-

ляется изучению ключевых познавательных принципов и эффективных методологических подходов для понимания специфики устойчивого развития и геоэкологии. Поскольку процедуры получения объективной научной истины универсальны, ноосферология сочетает результаты комплексного исследования сложных многоуровневых объектов, интегрированных в системе «природа – человек – общество – ноосфера».

Учение о ноосфере междисциплинарно. Энциклопедически охватывая различные области естественнонаучного, социального и гуманитарного знаний, оно производит набор эффективных познавательных инструментов. Ноосферные исследования формируют новые тематические поля и актуальную проблематику – в частности, динамику эмерджентных технологий и перспективы их конвергенции. Такая стратегия всеохватности научного знания создаёт мощный объяснительный интердисциплинарный потенциал. На сегодняшний день очевидна его востребованность и необходимость в педагогической деятельности, в научно-исследовательском университете нового поколения.

Ноосферология способствует формированию современного научного мировоззрения, обеспечивает понимание основных принципов развития информационного общества и оптимизирует актуальное геоэкологическое мышление[Ноосферология, 2008]. Фундаментальные задачи ноосферологии как учебной дисциплины состоят в том, чтобы упорядочивать и интегрировать знания, основанные на рациональном системном мышлении, усваивать проблематику высо-

котехнологического развития. Ею также осмысливаются механизмы ускоренной трансформации информационного общества, прогнозируются экономические, технологические и социокультурные тенденции глобализации. Формирование ноосферного мировоззрения на основе интеграции специальных знаний и инновационных подходов способствует операциональной и практической подготовке к выполнению многоуровневых междисциплинарных исследований. Темы и проблематика ноосферологии способствуют оптимизации работы студентов в расширяющемся и усложняющемся обществе знаний. Результаты ноосферологических исследований незаменимы в тех областях, где человечество осознанно и ответственно вступает в масштабные взаимодействия с природой и обществом, используя высокие технологии и сопрягаясь тем самым с большими рисками. Поэтому знания о генезисе, структуре и функциях ноосферы могут быть полезными для понимания того, «как работает мир», каковы сущности рациональной коммуникации, механизмы социальных взаимодействий и модели трансформации экологической среды. Эти сведения также важны человеку для постижения своего места в меняющемся мире, эффективной самоорганизации, преобразования общества и природы. Более того, знание основ ноосферологии необходимо для реализации ключевых принципов университетского образования, расширения мировоззренческого горизонта и максимальной осуществимости своих конкурентных профессиональных возможностей в подвижном мире.

Ноосферология – это наука с огромным прогностическим потенциалом. Переход от ретроспективного мышления, исторически ангажированного прошлыми событиями, к перспективному видению, которое непосредственно обращалось бы к будущему, зависит от принятия или непринятия ноосферной парадигмы. Перспектива, присущая ноосферному мышлению, предполагает моделирование и научное планирование близкого и отдалённого будущего [Ноосферология, 2008]. Актуальным для современных ноосферологических исследований является формирование дисциплин «нооэтика» и «ноополитика». Этот процесс в условиях техносоциального ускорения следует признать наиболее адекватным ответом на вызовы настоящего. Ноосферология как «учение о ноосфере на современном этапе» имеет междисциплинарный статус и разрабатывается с учётом развития высоких технологий, а также естественнонаучного, философского, социального и гуманитарного знания.

1.4. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ НООСФЕРЫ

Глобализирующийся мир нуждается в таких научных, идеологических, политических дискурсах и практиках, которые бы учитывали разнообразие ценностей и интересов многочисленного населения планеты в условиях стратегического планирования. В учении же о ноосфере заложен большой, до сих пор

маловостребованный эвристический потенциал, который, думается, наиболее продуктивен для оценки складывающейся ситуации [Буряк, 2004]. Кроме того, разработка теории ноосферы позволяет прогнозировать развитие постиндустриальной цивилизации. А ведь данный процесс проистекает при всё больше усложняющихся высокопроизводительных технологиях, при возрастающих темпах экономических, социальных и культурных трансформаций [Буряк, 2002]. Поэтому терминологический и концептуальный анализ учения о ноосфере, вне всякого сомнения, позволит более ясно и конструктивно использовать соответствующую научную лексику с целью достижения устойчивого развития цивилизации.

Как и всякий исторически определённый объект, глобализация представляет собой достаточно сложное эволюционирующее явление. Эпистемологически его можно разместить в полях самых различных научных дискурсов. Так, глобальные трансформации рассматриваются как этап всемирной истории [Hopkins, 2002], [Osterhammel, 2005], как сегмент международной политики [Ervin, Smith, 2008], как предмет социологии и социальной теории [Urry, 2000], [Bauman, 1998]. Изучаются аспекты глобализации в терминах географического [Peck, Wai-Chung Yeung, 2003], [Macionis, Plummer, 2007], социально-антропологического [Bauman, 1998] и экономического анализа [Lechner, Boli, 2007], [Lechner, 2009]. Глобализация анализируется теоретическими средствами теории коммуникации [Castells, 1991], [Castells, 2009], а также использу-

ются энвйронментальные подходы [Greer, J. M. 2009], [Heinberg, 2010], [Heinberg, Lerch, 2010]. Данный перечень, хотя и является далеко не полным, без сомнений, показывает всю сложность определения методологических стратегий и средств достижения одного результата. Таковым является полноценное описание систематизированных процессов, происходящих в планетарном масштабе. Сформировалось специализированное направление глобальных исследований и устойчивый интерес к теме глобальных трансформаций обеспечивается усилиями известных учёных, показывает Эндрю Джонс [Jones, 2010]. Глобализация потенциально содержит в себе как позитивные качества, так и опасные тенденции. Предчувствия, интуиции и прогнозирование мрачного будущего человечества мотивировано глобальными изменениями климата, геополитическими противоречиями и планетарным энергетическим кризисом. Различные аспекты глобального постапокалиптического будущего анализируют Джозеф Тэйнтер [Tainter, 1990], и Крис Мартенсон [Martenson, 2011]. В нынешнюю турбулентную эпоху точные прогнозы рискованы, тем не менее, научное предвидение и моделирование сценариев необходимо с целью минимизации рисков.

Тема глобализации (и, опосредованно, глобализации культуры) с самого начала находилась в дискуссионном междисциплинарном поле. Эти дискуссии можно разделить на три дискурсивных сегмента: идеологические споры, дисциплинарные методологические подходы и «школьные» противоречия (различные интерпре-

тации внутри отдельных направлений). На поверхности обсуждения лежат идеологические дискуссии сторонников и противников глобализации (антиглобализм против глобализма), затем необходимо отметить ключевые методологические противоречия относительно самого предмета обсуждения, то есть чем же на самом деле является глобализация (если она и существует), и, наконец, внутридисциплинарные споры о природе и сущности глобальных изменений, особенностях и дополнительных характеристиках.

Глобализация и конфликт идеологий. В идеологическом плане необходимо отметить сильнейшее влияние неолиберальных идей на конституирование и упрочение глобализма как идейно-политического инструмента глобальных изменений («глобализации»). Противоположную точку зрения на глобальные перемены имеют представители леворадикальных движений, идеологически зависящих от троцкизма, неомарксизма (постмарксизма), энвайронментализма и традиционалистских доктрин, связанных с консервативными и неоконсервативными взглядами.

Глобализация и конфликт методологий. Основным вопросом методологических дискуссий, на наш взгляд, является признание или непризнание существенных глобальных изменений как новейшего исторического периода всемирной истории, как экономического, политического и культурного «поворота», который можно объективировать теоретическими и эмпирическими средствами. Поэтому ключевой вопрос звучит так: что такое глобализация как специфиче-

ский социально-экономический этап исторического развития человечества? Те исследователи, которые признают «факт» глобальных изменений, чаще всего обозначают это посредством понятия «глобализация». Сторонники более осторожного, скептического взгляда на планетарные многоуровневые взаимозависимые процессы используют синонимично понятия «глобализация» и «глобальные трансформации». На наш взгляд, ставить вопрос о том, существует глобализация «как объективная реальность» или же это некий неолиберальный миф, методологически правильно. Картезианский принцип радикального сомнения – неременный признак научности дискурса. Однако учитывая то, что уже более двух десятилетий термин «глобализация» находится в академическом обороте, то пересматривать целесообразность ключевого понятия и предпринимать тотальную реноминацию, «отменять» и «запрещать» частотные понятия и термины будет неверным шагом. В дальнейшем понятия «глобализация», глобальные изменения, «планетарные изменения» и «глобальные трансформации» будут употребляться в тексте как синонимичные или близкие по смыслу. Если потребуются уточнение, то оно будет либо контекстуальным, либо формализованным [McGrew, Held, 2007].

Глобализация и конфликт интерпретаций. Среди авторов, академических и неакадемических текстов, разделяющих общие идеологические взгляды и методологические подходы, существуют некоторые различия в толковании понятий, характеристик и оценоч-

ных суждений относительно глобальных изменений. Здесь очевидно речь идёт о включении или исключении каких-либо аспектов объекта, дисциплинарных предпочтениях, о смысловых оттенках и частных герменевтических процедурах. Однако согласие по стратегическим направлениям исследования и несомненность в существовании изучаемого объекта позволяют говорить о единой интерпретативной матрице.

Феномен глобальных трансформаций, их резонансный характер и возможные риски в течение последних десятилетий привлекают внимание исследователей различных специальностей: философов, социологов, экономистов, экспертов, изучающих международные отношения, политологов, культурологов, антропологов и представителей многих других дисциплин. Определяя исторические рамки, периодизацию, локальные и региональные особенности глобальных трансформаций, необходимо учитывать противоречивость, многоуровневость и многомерность явлений, совокупность которых называется «глобализацией».

Нельзя забывать, что во многом теоретизирование относительно глобализации происходит под мощным давлением двух конфликтующих идеологий: глобализма и антиглобализма. Глобалистский дискурс производится под идеологическим и доктринальным давлением неолиберальной идеологии. Антиглобалистский дискурс конструируется из идейно-политических фрагментов неомарксизма, троцкизма и алармистского энвайронментализма. Ещё одним направлением антиглобалистского сопротивления гло-

бализму является религиозный фундаментализм и этнокультурный консерватизм. Анализ и систематизация основных методологических подходов позволяет глубже понять причины и направленность планетарных процессов, характеризующихся ускорением, унификацией и денационализацией экономико-культурных исторических общностей – национальных государств. Прояснение оснований трансконтинентального движения капиталов, технологий, социальных норм и культурных форм даёт возможность не только познания непростых комплексных глобальных потоков, но также прогнозировать угрозы размывания социальной и культурной идентичностей, сложившихся во многих государствах при доминировании идеологием эпохи Модерна.

Актуальность исследования методологических подходов определяется потребностью обозначения и выявления способов познания глобализации как многоуровневого, многомерного объекта. Непосредственная цель заключается в определении основных методологических стратегий, направленных на изучение ключевых аспектов развёртывания глобальных трансформаций, включая идеологические, экономические, политические, социальные и культурные. Чтобы успешно реализовать эту цель, нужно решить ряд исследовательских задач: описать методологические подходы, выделить основные методологические направления, выявить эпистемологические элементы теоретических дискурсов о глобализации. Главная проблема заключается в поиске методологических

стратегий, определяющих познавательные средства для максимально точного описания механизмов производства разнообразных практик глобализации. Для того, чтобы добиться концептуальной ясности, нужно выделить такие понятия: «глобальные трансформации», «глобализм», «глобализация», «антиглобализм». Под глобальными трансформациями понимается объективный процесс стандартизации и унификации норм, технологий, практик, направленность которых очевидна – минимизация государственных барьеров для ускоренного перемещения финансов, товаров, услуг, рабочей силы, идей, образов, а также других материальных и символических ценностей. Глобализм – это идейно-политический комплекс, фундированный неолиберализмом, который служит для оправдания и продвижения капиталистической и империалистической экспансии в планетарном масштабе [Steger, 2002]. Глобализация – это эпистемологический конструкт, идеологический инструмент глобализма, и позиционируется как «объективный», исторически детерминированный процесс, эволюционный этап развёртывания всемирной истории. Антиглобализм представляет собой сложный конгломерат антилиберальных, антикапиталистических, антикорпоративистских настроений, идейных движений и социальных практик, направленных на торможение и, в идеале, на разрушение глобалистских стратегий.

Как исторический феномен экономической, политической, технологической, религиозной и культурной экспансии, «глобализация» может быть обна-

ружена ещё в Древнем мире [Stearns, 2009]. «Глобализм» как очевидное идеологически фундированное планомерное «освоение» экономик национальных государств со стороны транснациональных корпораций – недавнее явление, как считает Манфред Штигер [Steger, 2002]. Чтобы понять разницу между «старой глобализацией» и «новейшей глобализацией», необходимо применить прежде всего исторический подход. Затем нужно включать средства компаративного анализа, поскольку всегда были и сейчас существуют региональные различия между социумами и культурами. Среди важнейших факторов усиления глобализирующих тенденций в современном мире, несомненно, важнейшую роль играет экономическое развитие. В условиях «информационной эпохи» и расширения экономического глобализма значительно ускоряются экономические процессы, на что указывает Кристофер Чейз-Данн в своей знаковой книге «Глобальная формация: структуры мировой экономики» (1998) [Chase-Dunn 1998]. Автор анализирует множество различных микроэкономических и макроэкономических процессов и показывает, как эти новые формы глобальной формации (*patterns of global formation*), казалось бы, на первый взгляд, не связанные между собой явления, могут быть объяснены в рамках теоретических моделей, основанных на принятии парадигмы современной мир-системы. Этот подход открывает перспективы понимания последствий глобализации для ближайшего развития современной системы в планетарном масштабе. В сборнике научных статей «Глобализация

и идентичность» [Meyer, Geschiere, 1999] на основе богатого эмпирического материала, благодаря методологическим подходам современной социальной теории, авторами производится обобщённый анализ феномена «идентичность» в контексте глобализации. Ускорение и усложнение глобальных потоков товаров, людей и образов потенциально несут угрозу сохранению культурных различий, способствуют нарастанию социальной напряжённости и продвижению унифицированных культурных форм. Авторы исследуют специфику глобализационного парадокса сосуществования культурных «потоков» и культурной «герметичности» путём интенсивных тематических исследований в компаративистской перспективе (case studies in comparative perspective).

Отметим, что в области социологических, экономических, политических наук, в философских науках и антропологических исследованиях все больше уделяется внимания проблемам, связанным с противоречивостью процессов глобализации. В работе Мауро Жульена о пределах конвергенции в эпоху глобализации [Guillén, 2003] рассматриваются различные коннотации понятия «глобализация», которое размещено в историческом контексте. Представленная автором диспозиция теоретических и эмпирических исследований по проблемам глобализации организована вокруг пяти ключевых вопросов. Что же на самом деле происходит в современном мире? Если реально идёт процесс глобализации, то происходит ли многоуровневая конвергенция? Подвергается ли опасностям при

этих трансформациях авторитет национального государства? Отлична ли глобальность (globality) от современности (modernity)? Происходит ли развитие глобальной культуры? Исследование глобализации произведено на основе методов сравнительной социологии. При этом автор учитывает локальные особенности, характер деятельности в регионах, формы сопротивления глобализационным практикам, взаимоотношения различных акторов, причины и следствия глобализационных процессов [Gillén, 2003].

Наибольший интерес представляют собой междисциплинарные исследования, поскольку глобальные процессы многомерны и динамичны, а поэтому требуют значительного расширения методологической фокусировки. Коллективная монография «Глобализация и развитие» (2004) [Kalb, 2004] посвящена именно широкомасштабному изучению глобализации. Это межотраслевой научный труд исследователей, связанных с программой CERES в рамках Research School in Development Studies – научной школы в Нидерландах. Эта группа учёных, представляющих различные дисциплинарные поля (*fields of globalization and development research*) в рамках междисциплинарности и занимающихся проектами устойчивой глобальной экономики для XXI века, реализовала многоуровневое исследование, где сталкиваются различные концептуальные подходы (basic concepts and methods) и апробируются новые темы планетарных трендов. Эта стратегия имеет решающее значение для продуктивного изучения многомерного феномена глобализа-

ции. В этом интердисциплинарном исследовании преобладает критический подход к доктринальной и идеологической подоплёке глобализма. Исследуются ключевые проблемы глобализации (*issues of globalization*), становление идентичности, проблемы глобального управления, транснационализм (*transnationalism*) и производство знания в условиях глобальных коммуникаций.

Ричард Аппельбаум и Уильям Робинсон, используя методологию критического подхода в исследовании глобализации (*«Critical Globalization Studies»*, 2005) [Appelbaum, 2005], сформировали коллектив авторов, который достаточно эффективно продвинулся в направлении многостороннего объективного рассмотрения глобализации как многоуровневого явления. С позиций социальной теории, социологии, глобальных и международных исследований (*global and international studies*) учёными рассматривается широкий круг тем, которые прежде оставались на периферии проблемного поля глобализационных исследований (*margin of globalization studies*). Масштабный и всеобъемлющий подход исследований продуцирует новые и важные теоретические перспективы изучения глобализации. Важную роль исследователи отводят анализу глобальной социальной активности (*global social activism*). Работа представляет интерес как для теоретиков, так и для практиков.

В рамках международных социальных исследований (*international social studies*) группа последователей методологии мир-системного подхода (последова-

тели И. Валлерстайна), главным образом социологи и представители других дисциплин, предприняли экспертные междисциплинарные исследования для понимания природы глобальных социальных изменений (*global social change*) [Chase-Dunn, 2006]. В целом здесь используется ортодоксальная методология школы Иммануила Валлерстайна – так называемый мир-системный анализ. Именно в этой исследовательской перспективе изучаются дискуссионные вопросы действия механизма социальной эволюции человечества (*human social evolution*). Авторы используют исторический и компаративистский подходы для изучения развития институтов глобального управления, понимания причин роста и падения доминировавших гегемонистских государств, транснациональных социальных движений и возникновения глобальных экологических проблем. Они анализируют характер политической идеологии, так называемый «проект глобализации» (*globalization project*) Рейгана–Тэтчер, дискутируют проблемы гендерного и глобального неравенства.

Выделение хронологических интервалов экономической экспансии с сопутствующими элементами стандартизации и унификации деятельности на разных континентах представляет сложность и требует приложения географических, исторических, этнографических и антропологических методологических подходов. В ходе глобальных трансформаций, разумеется, возникают новые явления и процессы. Актуальность экономических и политических событий, как бы они не были важны, может отходить на второй план.

Наиболее важными становятся тогда культурные и технологические тренды.

В последние годы стало заметно, что средства мобильной связи (с подключением к Интернету), глобальная навигация и экспоненциально развивающиеся социальные сети становятся наиболее мощным триггером ускорения глобализации. Однако технологические достижения в инфосфере имеют и обратную, теневую сторону, на что обращают внимание исследователи. Марк Бауэрлейн доказывает, что цифровая эпоха отупляюще воздействует на молодое поколение и несёт в себе глобальные риски [Bauerlein, 2008]. В оригинальном исследовании Рендела Стросса «Планета Гугл» (2009) [Stross, 2009] анализируется деятельность и организационные ресурсы самой масштабной в современном Интернете поисковой системы – Google. Автор указывает на возможные глобализационные риски использования сетевых коммуникационных ресурсов. Другой исследователь «всемирной паутины», Николс Карр, пытается убедить читателей в том, что Интернет губительно действует на интеллектуальные способности пользователей [Carr, 2010]. Эти и многие другие авторы в пылу полемики часто сгущают краски, тем не менее, опасные тенденции глобального контроля корпораций над информационными потоками и коммуникативными практиками очевидны и несут в себе значительные риски.

Глобальное пространство – это продукт тотальности технологий и экономической стандартизации прежде всего культурных форм. Глобальные транс-

формации результат ускорения в направлении денационализации экономик и повседневной жизни, что является закономерным результатом дальнейшей ноосферизации биосферы. Междисциплинарные подходы в определении временных и пространственных параметров глобализации необходимы для выяснения динамики и природы глобальных изменений. Историческая и дисциплинарная «картография» глобальных процессов позволяют сформировать релевантные представления о фундаментальных тенденциях в планетарной экономике, динамике культуры и международной политике.

1.5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В течение последних десятилетий планетарные явления, связанные с ускорением интеграции региональных экономик в единую финансово-промышленную систему, стали предметом многочисленных экспертных, научно-популярных и медийных исследований. Особое внимание учёных, практических экономистов, политиков и журналистов привлекает быстрота изменений в социальном и культурном пространстве. Суть этих перемен состоит в стандартизации и унификации коммуникативных и культурных практик. С одной стороны, это неизбежное следствие технологических инноваций и унификации денационализированного стандартизированного потребления. Но с

другой стороны, это создаёт риски разрушения этно-национальной социокультурной матрицы. На наш взгляд, такое противоречие порождает ключевую реальную проблему – конфликт между консервативным традиционализмом и либеральной инновационностью, что особенно заметно в сфере культурной (или социокультурной) глобализации. Чтобы выяснить глубинные причины неравномерности глобальных трансформаций, агрессивность глобализирующих инвазий, включая и сферу культуры, необходимо рассмотреть и сравнить различные подходы в интерпретации сложных планетарных изменений, произошедших в последние десятилетия, поскольку именно в это время интенсивность глобализационных перемен ускоряется. Необходимо также разместить тему трансформаций современной культуры в контексте глобализации.

Для этого нужно определить принципы систематизации теоретических подходов, направленных на понимание феномена глобальных трансформаций как исторического многоуровневого, многомерного и динамического масштабного процесса. Поэтому цель заключается в выделении основных направлений концептуализации фундаментальных аспектов развёртывания глобализации. Для реализации цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть наиболее влиятельные теории глобализации, классифицировать их, выявить направления дискурсов о глобализации. Главная проблема данного исследования состоит в определении методологических диспозиций в сфере концептуализации глобальных трансформаций.

Сам факт существования многочисленных работ относительно причин и характера глобальных трансформаций, тематическое и дисциплинарное разнообразие исследований указывают на очевидную актуальность понимания механизмов взаимозависимости планетарных явлений. Одной из важных исследовательских проблем становится обнаружение порядка и конфигурации детерминированных глобальных процессов. Здесь необходимо отметить такой парадокс: глобализация переформатировала международные отношения, якобы в пользу эффективности экономики и социального благополучия, тем не менее, противоречия между странами и регионами постоянно углубляются.

Хотя бы отчасти понять сложность ситуации присутствия «глобального в локальном» и, наоборот, «локального в глобальном», позволяет сборник работ «Глобализация и вызовы нового столетия» [O'Meara, 2000]. Фактически это мощная антология работ влиятельных в академическом мире историков, экономистов, энвайронменталистов, биологов, корпоративных менеджеров. Разнообразие авторских позиций обеспечивает возможность междисциплинарного продуктивного диалога, участниками которого являются известные мыслители: Кофи Аннан (Kofi Annan), Бенджамен Барбер (Benjamin Barber), Френсис Фукуяма (Francis Fukuyama), Сэмюэл Хантингтон (Samuel Huntington), Роберт Каплан (Robert Kaplan), Пол Кеннеди (Paul Kennedy), Вальтер Лакёр (Walter Lacqueur), Билл МакКиббен (Bill McKibben), Лестер Турофф (Lester Thurow), Джеффри Сакс (Jeffrey Sachs) и другие. В этой

комплексной междисциплинарной монографии тема «столкновения цивилизаций» в глоболизирующемся мире контрастирует с тематикой «генетической инженерии» и с выходом на проблему рисков ускоренной биополитики в планетарном масштабе. Книга интересна ещё более тем, что, наряду с сугубо академическими текстами, здесь же опубликован революционный манифест перуанских радикалов-антиглобалистов, возглавляющих движение «Тупак Амару» (*Tupac Amaru*). Однако именно многогранность глобального гораздо лучше постигается в таком, на первый взгляд, «пёстром», эклектичном собрании дискурсов о разных гранях глобализации.

Малколм Уотерс [Waters, 2001] – один из первых мыслителей, для которых глобализация стала важнейшим объектом исследования современного мира во всём его разнообразии. Преодоление географических ограничений, по его мнению, даёт в результате эффект сжатия мира, который становится единообразным и унифицированным. Глобализация рассматривается автором с социологической точки зрения. Учитываются не только академические, но также и публицистические материалы по этой теме. Средства массовой информации скорее продвигали идеи глобализма, нежели критически оценивали негативные эффекты глобализации. Это одна из тем данного исследования. Прежде всего важен подход, уточняющий констатации, а не доктринальность и идеологическую ангажированность глобализма/антиглобализма. Разноуровневость глобального обнаруживается прежде

всего в экспликации основной темы – гомогенизации культурных идентичностей. Это проявляется в экспансии западных технологических, экономических, политических и культурных стандартов. В сборнике статей под редакцией Бенджамена Вилера, Джильды Вилер и Венди Чарч «Всё связано: полный путеводитель по глобализации и устойчивому развитию» [3] авторы излагают в дискуссионной форме взаимосвязанные проблемы, относящиеся к теме глобальных трансформаций. В ходе репрезентации материалов используются методы социальной теории, системный подход и методы энвайронментальной теории. Фактически представлен формат научно-популярной литературы, чтобы описать ключевые проблемы глобализации. Целевая аудитория книги – старшеклассники и студенты, интересующиеся глобальными проблемами современности. В доступной форме авторы показывают проблемный круг – трудноразрешимый конфликт локального и глобального модусов человеческой деятельности в современном мире.

Средствами *социологического анализа, методами политической теории, антропологической тематизации* и с помощью *исторических методов* изучения Пол Джеймс выстраивает оригинальный концептуальный каркас для понимания наличествующего конфликта между государственной политикой и гражданским обществом. Точнее, речь идёт о природе политических взаимоотношений между официальной политикой и гражданским обществом. Работа открывает беспрецедентные горизонты для акцентирования этих доми-

нирующих трендов. Джеймс предлагает схему, где обозначены противоречия и тенденции, с которыми люди сталкиваются в процессе ускорения глобализации. На масштабной шкале геноцида и терроризма, господства финансового капитала и засилья телевидения обнаруживаются экзистенциальные, экономические и социальные механизмы противостояния культур и субъективностей, определяемых своей историчностью и географическим (геополитическим) положением [James, 2006].

Снова и снова обнаруживается главная особенность глобальных трансформаций – их многомерность. В книге «Глобализация и культура» [James, 2009] под редакцией Пола Джеймса собран уникальный материал, связанный непосредственно с культурным измерением глобализации. Понять сущность глобальных изменений – считают авторы – лучше всего, произведя анализ экспоненциального роста глобальной коммуникации, темпов и направлений распространения мировых религий, развитие идеологических дискурсов рыночного глобализма и глубинного исследования такого явления, как трансфер культурных норм и ценностей. Разными способами авторы пытаются показать, что культурное измерение глобализации является определяющим, поскольку именно культурная идентичность определяет самосознание в быстро меняющемся мире и флексibility ценностей.

Работа Томаса Хайланда Эриксона «Глобализация: ключевые концепты» [Eriksen, 2007] фактически является теоретическим введением в сложный пред-

мет дебатов о природе глобализации. Здесь не только описано текущее положение дел, но также намечены определённые перспективы дальнейших дискуссий. Представлены аргументы в пользу компаративного анализа планетарных процессов. Автор выделяет, в первую очередь, экономические, политические, культурные и экологические аспекты глобализации как фундаментальные. Они связаны с продолжающейся стандартизацией экономик, культур и оказывают неизбежное влияние на практики повседневности. На протяжении всей работы используются теоретические подходы, учитывающие достижения наиболее разработанных и влиятельных концепций глобализации.

Попытки систематизировать теории глобализации характерны для обобщающих обзоров, предшествующих изложению своей версии глобальных трансформаций, и характерны в целом для большинства академических исследователей. Но сделать «концептуальную картографию» глобализации удавалось немногим. Андрю Джонс, автор недавно опубликованной книги «Глобализация: ключевые мыслители» [Jones, 2010], отмечает, что о феномене глобализации написано уже очень много книг, научных и популярных статей. Может быть, даже слишком много. По существу слово «глобализация» очевидно тривиально. Да и совокупность взаимосвязанных планетарных процессов, охватываемых в понятии «глобализация», становится каким-то непреложным и само собой разумеющимся фактом.

Только немногие мыслители задаются вопросом о том, чем же она является на самом деле. «Книг и статей, написанных о глобализации, настолько много, что все их прочесть, а тем более проанализировать едва ли возможно. Высокочастотному термину угрожает смысловая гиперинфляция. Существует уже множество тематических и проблематических повторов в этой области академической науки» [Jones, 2010: 1]. В некоторых работах, отмечает автор, отсутствуют компоненты аналитичности, теоретичности или эмпиричности. Джонс задаётся целью дать критический обзор и представить справочный материал к дебатам о глобализации, презентировать, дать понятия, идеи [Jones, 2010: 2]. Рассматривая и сравнивая концептуальные разработки, относящиеся к теме глобальных трансформаций, Джонс выделяет авторские подходы: Иммануэля Валлерстайна, Энтони Гидденса, Мануэля Кастельса, Дейвида Хелда и Энтони МакГрю, Пола Хёрста и Грехема Томпсона, Питера Дайкена и Саскии Сассен, Томаса Фридмана и Мартина Вольфа, Джозефа Штиглица, Наоми Кляйн, Джорджа Монбиота, Майкла Хардта и Антонио Негри. На его взгляд, именно эти мыслители – историки, политологи, социологи, экономисты, философы и журналисты-международники – сформировали современный систематизированный дискурс о глобализации. Хотя, например, такие крупные влиятельные социальные теоретики, как Рональд Робинсон, Джон Томлинсон, Майк Фезерстоун, Айва Онг, Арджун Аппадураи, Зигмунд Бауман, М. Уотерс, Мартин Штегер и другие исследователи глобального,

не попали в поле его зрения. Возможно, по той причине, что многие из вышеперечисленных авторов в фокусе своего рассмотрения располагают не только экономический (ключевой фактор глобализации), а в большей степени выделяют антропологический, культурный или социокультурный аспекты глобализации. Такие международные финансисты, как Алан Гринспен или Джордж Сорос, также не фигурируют в «списке Джонса»

Это многообразие теоретических подходов целесообразно распределить в соответствии с темами и проблемами, возникающими в ходе глобальных трансформаций. Прежде всего нужно выделить работы, связанные с определением исторических параметров глобальных трансформаций. Здесь нет консенсуса по многим причинам. В частности – вследствие отсутствия чётких критериев того, что собой представляет глобализация как феномен в контексте мировой истории. Здесь есть вполне объяснимые методологические трудности. Дело в том, что историки пользуются методами, основанными на интерпретации документов, фактов, политических событий. А глобализация как планетарный процесс носит «недокументированный характер», то есть эффект глобализованности возникает иногда с опозданием на несколько десятилетий, а то и больше. Например, изобретение парового двигателя и массовое его внедрение в производство, транспортные сети отделяют, по меньшей мере, пятьдесят лет – и то в регионе Западной Европы. Телеграф, телефон, радио и телевидение отнюдь не равномерно

стали «актерами глобализации». Неудивительно, что вопрос о «начале глобализации» – это предмет постоянных дискуссий, и не только историков, но и социальных теоретиков, экономистов и философов.

Есть продуктивные попытки уточнить «картографию» дискурсов о глобализации. Один из удачных подходов демонстрирует Джон Ритцер в своей недавней обобщающей работе «Глобализация» [Ritzer, 2011]. Автор стремится интегрировать различные аспекты глобального с целью понять направленность ведущих тенденций производства нашего будущего. Книга обеспечивает понимание основных тем глобализации: междисциплинарные дискуссии, интеграция различных баз данных, включая монографии, академические статьи, журналистские репортажи, научно-популярные издания и т. д. Глоссарий помогает усвоить основные понятия и ключевые проблемы, уточнить направления развёртывания глобализации в пространстве и распределённости глобального во времени. Понятия не статичны, но находятся в поле критического анализа междисциплинарных дискуссий.

В коллективном труде «Глобализация и глобальная история: Переосмысление глобализации» (Globalization and Global History (Rethinking Globalizations)) [Gills, Thompson, 2006] историки пытаются найти «точку отсчёта глобальных трансформаций». У некоторых историков единичные события превращаются в своего рода «триггеры глобализации», например, экспедиции Христофора Колумба и Васко да Гамы. Несомненно, это великие первооткры-

ватели, однако их воздействие на глобальные изменения явно преувеличено, поскольку накопление необходимых качеств, включая политические реформы, экономические программы, технологические инновации в относительно независимых друг от друга регионах создавали благоприятные условия ускорения движения идей, товаров и энергии в глобальном масштабе на протяжении нескольких столетий, с XVII по XX век. Однако интеграция мировой экономики, стандартизация финансовых механизмов и инструментов инвестиционных вложений реализуется только в двадцатом веке. Поэтому как социокультурная, политико-экономическая и техно-коммуникативная интегрированная система глобализация формируется, конечно же, во второй половине XX века.

Несмотря на многообразие подходов в определении исторических границ глобализации, анализ и систематизация основных подходов позволяют понять факторы и направленность планетарных процессов. Для этих противоречивых явлений характерны тотальность унификации, ускорение, упрощение культурных практик. В области экономических, политических наук, в социологических исследованиях акцентируются противоречия глобализации. Не только академические форматы дискуссий о планетарных сдвигах в экономике, политике и культуре, но также репрезентативные антологии для студентов, изучающих феномен глобального, являются важным вкладом в определение причин, факторов и последствий глобальных трансформаций. Джордж Ритцер и Аталай Зайнеп

сформировали сборник ключевых работ по актуальным проблемам глобализации («Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates», 2010) [Ritzer, Atalay, 2010]. Помимо введения в основную проблематику, знакомства с основными понятиями (*major concepts*) глобализации, читатели посвящаются в специфику ключевых дебатов и диспутов по отдельным темам. Способ анализа глобальных изменений авторы предпочитают делать через анализ базисных категорий, а не посредством рассмотрения основных тем. Междисциплинарный подход обеспечивает проникновение в суть проблематики, сформированной выдающимися мыслителями: Вебером, Ульрихом Бекком, Зигмунтом Бауманом, Мануэлем Кастельсом, Хомми Бхабха и другими. Тексты открыты для прочтения и понимания, находятся в компетенции экономистов, социологов, культурных антропологов, философов и представителей самых разных дисциплин.

В целом, независимо от идеологической ангажированности и концептуального подхода того или иного автора, показана динамика основных дебатов и реальных изменений в поле дискурсов о глобализации. Особенностью сборника работ является выделение политико-экономического аспекта глобализации и противоречивых отношений между культурой и глобализацией. Такие понятия, как ориентализм, цивилизации, колониализм, постколониализм, неолиберализм, национальное государство, транснационализм, империя, мир-системный подход (*world-systems*), сетевое общество (*network society*), структурная адаптация

(structural adjustment), общество риска, космополитизм, креолизация культуры, гибридность, глокализация, макдональдизация (*McDonaldization*), Мак-мир (*McWorld*), мировая культура (*world culture*) и другие термины, обеспечивают аутентичное понимание тенденций глобализирующегося мира.

Тема глобализации уже несколько десятков лет не сходит с первых полос влиятельных экономико-политических, финансовых журналов и продолжает быть актуальной среди социальных теоретиков, побуждая мыслителей и читателей к широким дискуссиям. Эксперт в ключевых вопросах глобализации Манфред Штегер в своей последней книге «Глобализация» (2010) [Steger, 2010] сводит вместе основные направления исследований по теме планетарной экспансии экономических, политических и культурных стандартов, продвигаемых неолиберальными идеологами. Фактически это антология 20 лучших работ, исследующих феномен глобального. В предисловии фокусируется внимание на фундаментальных проблемах мировой экономики, политики и на угрозах для культурной национальной идентичности. Все контрибуторы этого издания учитывают, кроме прочего, идеологическую подоплёку (*backdrop*) текущего глобального экономического кризиса (*current global economic crisis*). Анализируется роль глобальных институтов (ООН), глобальных мегаполисов, международного терроризма. Всё вместе позволяет понять эволюцию глобальных исследований как масштабного трансдисципли-

нарного проекта (*evolution of the transdisciplinary field of global studies*).

Как видно из анализа, представители различных дисциплин и разных методологических стратегий пытаются определить *временные, пространственные, региональные, социальные, культурные, экономические и политические* параметры глобализации. Свести во-едино эти подходы вряд ли возможно. В то же время эта интеллектуальная работа объективно отражает тенденции устремлённости учёных к междисциплинарным исследованиям. Это эпистемологическая ситуация, когда один и тот же объект подвергается «мозговому штурму», в результате чего открываются новые исследовательские перспективы и новые возможности уточнения структуры и сущностных характеристик изучаемого предмета. На наш взгляд, существует несколько вариантов достижения консенсуса относительно познания реальности глобальных трансформаций. Во-первых, нужна дифференцированная тематизация глобального как междисциплинарной проблемы. Во-вторых, необходимы обнаружение эпистемологических принципов и классификация методологических проблем, порождаемых глобальностью как многомерным явлением. В-третьих, важно определить стратегии прогнозирования направленности глобализации в поле мировой культуры для подготовки оптимальных решений в ситуациях перманентного конфликта между традиционными и транс-сторическими, стандартизированными культурными ценностями. Представляется, что современная куль-

тура является этапом, где диспозиция ценностных стратегий находится в стадии формирования, и окончательные варианты эстетической и нормативной парадигм не завершились в силу объективных (фрагментарность и динамичность) и субъективных (историчность и корпоративность дискурсивных практик) обстоятельств. Различия в интерпретации траектории глобальных культурных трансформаций – ещё не причина для эпистемологического разворота в сторону аксиологического релятивизма. Напротив, только таким образом возможно инициирование дискуссии в направлении поиска новой конфигурации культурных диалогов в глобальном пространстве. Сложные многоуровневые, многомерные объекты, а именно таковыми характеристиками отличаются глобальные трансформации, могут изучаться с применением инструментария интервального подхода [Лазарев 2003: 270-276]. Учитывая то, что в исследовательском поле «глобальных трансформаций» имеется проблематика естествознания (география и экология), социальных наук и гуманитарного знания, то целесообразно выделить специфику существования истины в контексте гуманитарного знания и философских наук в их связи с изучением динамики культуры в эпоху глобальных изменений [Лазарев 2009: 12-22].

Тематический анализ такого сложного явления, как глобальные трансформации, происходит в условиях ускоренной дифференциации академических дисциплин, что характерно для всего поля рационального знания эпохи модерна, и эта тенденция продолжается

в XXI веке. Междисциплинарные проекты, конференции, журналы, исследования достаточно часто приводят к получению новых и значимых не только для теоретической науки результатов.

Модели глобализации конструируются с учётом открытий в области экологии, экономики, развития высоких технологий, благодаря расширению информационного общества. Теории глобализации постоянно нуждаются в уточнениях. Первостепенная задача в исследовании многомерных процессов глобальных изменений заключается в интеграции уже существующих знаний и методологических стратегий, предметом которых являются планетарные трансформации в культуре, экономике и международной политике. На основе обобщений научных достижений может быть сконструирована комплексная, междисциплинарная научная программа с открытым эпистемологическим кодом. Дискурсы о глобальном изначально специализированы. После процедуры тематизации могут быть найдены эффективные методологические подходы для систематизации и унификации концептуального каркаса глобальных исследований. Благодаря этому включиться в исследование эффектов глобальных трансформаций может гораздо большее количество представителей академического и прикладного знания.

Глобализация может рассматриваться в более широком историческом контексте – прежде всего как эпифеномен ноосферизации. Геофизические, геологические, биосферные характеристики Земли, энергетиче-

ческие, сырьевые, климатические и экологические аспекты развития глобальной экспансии человечества в условиях конечных ресурсов существенно влияют на ход глобализации и её возможные катастрофические результаты. Поэтому для понимания сущностных качеств глобальных изменений их ближайших и отдалённых перспектив необходимо обращаться к теоретическим и прикладным исследованиям ноосферологии. Научные результаты учения о ноосфере ещё недостаточны для того, чтобы использовать ноосферологию как универсальную дисциплину, как «науку всех наук». Тем не менее, поскольку понятие «ноосфера» имеет междисциплинарный статус, то это обстоятельство позволяет использовать понятие и теоретические подходы эффективно не только в области философии, естествознания, но также в глобальных исследованиях. Учитывая перспективы ноосферного развития, при изучении динамики культуры в глобализирующемся мире необходимо сделать переход от сугубо теоретических ноосферологических исследований к прикладным аспектам изучения глобальных трансформаций. На современном этапе развития науки с учётом конвергенции высоких технологий глобальные исследования обрели междисциплинарный статус и разрабатываются на основе теоретических достижений системного подхода, интервального подхода, исторического анализа, социокультурной компаративистики. Изучая особенности планетарного развития, необходимо определить сферы специальной методологиче-

ской компетенции и выделить общенаучные, комплексные подходы к изучению глобализации.

Глобальные трансформации во всех своих измерениях являются эпифеноменом ноосферного развития. Чтобы точнее описать измерения глобализации, необходимо выделить природу глобального, которое влияет на формирование экономики, культуры и политики в современном мире. Для этого должен быть представлен широкий спектр основных подходов теоретизации глобальных изменений как комплексного многомерного процесса.

1.6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ

Нужно прояснить, что же собой представляет глобализация через первичную конкретизацию её особенностей, и затем уже определить её влияние на культурные процессы на разных уровнях. В методологическом плане необходимо прояснить особенности и генезис этого масштабного феномена. Будучи одним из наиболее значимых факторов современного развития во всех многочисленных его измерениях, глобализация оказалась одновременно и привлекательным, и в то же время труднодоступным объектом исследования. Само понятие «глобализация» в монографических исследованиях используется не так уж давно, с конца 80-х годов XX века.

До начала 90-х годов двадцатого века понятие использовалось только в специализированных эконо-

мических текстах, а затем всё чаще употреблялось для того, чтобы объяснить как для широкой публики, так и в кругу академической аудитории явления планетарного порядка в современном мире. Различного рода книги с использованием понятий «глобализация», «глобальность», «глобальная история» или «глобальный капитализм» продолжают появляться и постоянно удлиняют список по этой актуальной тематике [McGillivray 2006: 1]. Как отмечает современный историк глобализации А. МакДжилливри, только на английском языке к началу 2005 года издано 3300 работ по данной теме. Нужно учесть также и то, что, например, во франкоязычной науке несколько ранее был принят термин «мондиализация» (фр., *mondialisation*), который в целом имеет то же самое значение, что и англоязычный термин *globalization*. При этой «поправке» тогда ещё нужно учесть, что на французском языке опубликовано более 700 названий книг. Немецкий термин *globalisierung* со сходным спектром значений мы можем найти в более чем 670 работах. И ещё сотни книг на русском, арабском, хинди, китайском, испанском и других языках – всего более 5500 названий [McGillivray 2006: 1]. К тому же опубликовано гораздо больше статей, диссертаций, где встречается этот сегодня, наверное, самый частотный термин. Нужно упомянуть также Интернет-сайты и экспертные блоги по теме глобализации.

Многие авторы, анализируя уже существующие определения, пытаются дать свою дефиницию, планируя внести некую содержательную новизну. Как выше

говорилось, во множестве опубликованных работ явно и неявно имеются разного качества уточнения термина. Немецкие историки Ю. Остерхаммель и Н. Петерсон в своём историческом исследовании феномена глобализации показывают некоторые методологические сложности точного определения слова. Они указывают на ряд неперенных факторов глобализации, а именно, «большую роль экспансии, концентрации и ускорения международных отношений» [MacGillivray 2006: 5]. При этом авторы добавляют, что «Дефиниции часто содержат различные диагнозы нашей эпохи. Почти всегда там содержится вопрос о том, означает ли глобализация отмирание национального государства и приведёт ли она мир к культурной гомогенности или придаст новые смыслы концептам пространства и времени» [MacGillivray 2006: 6]. Ещё нужно учитывать мировоззренческие или, как они говорят, ценностные установки многочисленных «энтузиастов» глобализации и её противников [MacGillivray 2006: 6].

Поскольку в любом определении глобализации имеются спорные моменты, то, не входя в дискуссию о точной дефиниции, мы всё же дадим «рабочее» (предварительное) определение этого ключевого для нашей статьи слова. Учитывая многомерность, а потому и многозначность явления, нужно указать на устойчивые и очевидные его проявления в различных сферах. В первом приближении определим глобализацию как *непрерывный, многоуровневый, многомерный ускоренный информационными технологиями процесс унификации экономических, правовых, политических норм и*

действий, стандартизации технических, политических, культурных и социальных процедур. «Локомотивом» глобализации выступает принцип эффективности: получение экономической прибыли, широты распространения и скорости распределения товаров и услуг, в том числе «культурного продукта». Чтобы проникнуть в пространства как можно большего количества локальных культур, любой продукт, в том числе и «культурный», должен быть стандартизирован и унифицирован. Конечно же, здесь учитывается специфика того или иного «культурного ландшафта», региона, национально-исторического, гендерного и культурного контекстов.

Как было сказано выше, глобализация представляет собой комплексное, многоуровневое, но недостаточно чётко сконфигурированное явление (то есть это не «система», не единое «целое», не социокультурный «организм»). В связи с этим необходимо всё же выделить хотя бы базисные её составляющие. Некоторые исследователи используют термин «измерения глобализации», достаточно операциональный и в то же время междисциплинарный. Понятно, что измерения не автономны – «различные измерения взаимосвязаны и взаимодействуют» [Tomlinson 1999: 17]. Эти измерения представляют собой некую систему взаимозависимостей. «Важный момент, – считает Дж. Томлинсон, – заключается в том, чтобы зафиксировать эти «измерения» социальной жизни, а не усматривать в них отдельные дискретные сферы деятельности (*discrete spheres of activity*): люди не переключаются

механически от «экономической работы» к «культурной работе», как если бы после «трудового дня» мы приступали «к развлечению» [Tomlinson 1999: 18].

Вопрос: «Что произошло раньше: курица или яйцо?», - имеет онтологический и методологический аспекты. Таким же образом вопрос о глобализации как реальном положении дел или некой политико-идеологической конструкции, или теоретически обоснованном концепте весьма актуален для тех, кто пытается понять природу изучаемого объекта, предпосылки его появления, генезис, импликации. Как составитель и автор первой знаковой коллективной работы «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» [Robertson, 1990] Рональд Робертсон поставил задачу «картографировать» условия производства глобальных взаимодействий. Рассматривая глобализацию как ключевой концепт, Робертсон выделяет аналитический и эмпирический аспекты [Robertson 1990: 15]. Он утверждает, что систематическая теоретизация глобализации начинается с середины XVIII века, но это утверждение никак не подтверждено автором. Далее Робертсон ставит под сомнение адекватность концептуализации «глобального», показывая, что «глобализация» балансирует вблизи «игровой зоны» (*play zone*), а точнее сказать – «площадки для интеллектуальных игр» (В. Б.), поскольку это место для экспрессии остаточных продуктов (*residual*) социально-теоретических интересов, интерпретативных индольгенций (*indulgence*, компромиссов) или демонстрация идеологических предпочтений на планетарной

шкале. Автор отмечает, что «мир-системный анализ» Валлерстайна – это не теория о мире. Это концептуально выраженный протест против тех путей, которыми шла социальная теория с середины XIX века. Робертсон считает, что всерьёз рассматривать «мир как единое целое» ошибочно.

Мир как целостность – это своего рода «виртуальная реальность» [Robertson 1990: 16-18]. Социальный теоретик подчёркивает историчность глобализационных процессов. В параграфе «Глобализация и структурирование мира» он показывает, что в начале девяностых мир пришёл в состояние неопределённости после крушения мировой социалистической системы, поэтому характерной чертой глобализации является не мир как «устойчивая система», а планетарная неопределённость, которая, как считает Робертсон, стала глобально институционализированной. Пугающие идеи постмодерна и постоянные геополитические потрясения (*geopolitical «earthquakes»*) подтверждают тезис о хронической нестабильности мира. Робертсон как бы «примеривает» различные понятия, которые уже давно в обиходе у философов, социальных теоретиков, политологов, культурологов, и показывает их нерелевантность современной теоретизации мира как целостности.

Эпистемологическая недостаточность таких категорий, как «цивилизация», «интернациональное общество», «демократический капитализм», «поздний капитализм», «мировая система», «коммунизм», «социализм» и других попыток концептуального захвата

«глобальности», очевидны. Ещё менее соответствуют постижению эффектов глобализации мира фашистская и неофашистская идеологии с их попыткой мыслить и реализовывать проект «нового социального и международного порядка» [Robertson 1990: 16]. Отличительными характеристиками глобализирующегося мира являются глобальная комплексность и структурная контингентность [Robertson 1990: 18]. В конечном счёте, идея о всеобщей связанности восходит к «Универсальной истории» Полибия, хотя это, конечно же, выглядит модернизация понятия, учитывая ограниченность античных представлений о «глобальном мире» греко-римскими познаниями об ойкумене. Некоторые реалии глобализирующегося мира вполне очевидны. Это «глобальная информационная система» и «мировая капиталистическая экономика» [Robertson 1990: 24]. После тщательного анализа теоретических подходов в отношении глобализации Робертсон предлагает своё решение – «минимальную модель глобализации». Она не содержит осевых характеристик, фундаментальных принципов, основных механизмов производства глобального порядка. Это, скорее, указание на тенденции конструирования мирового порядка и констатация усиливающейся компрессии мира.

В условиях глобализации акцент должен быть сделан на судьбах унитарных национальных государств, а точнее, на судьбах национальных обществ. «Гомогенизированное национальное государство, гомогенность, понятая в смысле культурно-гомогенизированного, административно и граждански

гомогенизированного общества, - это конструкция определённого образа жизни...» [Robertson 1990: 27-28]. Глобальная система – это не результат изначально интра-социетальный и не результат развития межгосударственных систем. Это намного более сложный и культурно богатый феномен, чем какой-либо политический проект [Robertson 1990: 28]. Йенс Бартельсон в своей статье «Три концепта глобализации» (2000) обращается к классической методологической процедуре: уточнению ключевого понятия «глобализация». Эта работа презентует специальное исследование смыслов и функций концепта глобализации в рамках социальных наук за период последних десяти лет (1990-2000), со времени активного обсуждения темы. Описаны онтологические предпосылки (*ontological presuppositions*) и историческая траектория (*historical trajectory*) концепта глобализации. Автор проводит различия между тремя смыслами идеи глобализации: перенесением (*transference*), трансформацией (*transformation*) и трансцендентностью (*transcendence*). Доказывается, что эти смыслы постепенно «всплывали» внутри дискурса о глобализации. Демонстрируется то, как развёртывание этих коннотаций дестабилизировало онтологические основания теории международных отношений (*international theory*), при этом «глобальное» конституировалось как новый объект теоретических исследований и практик. Это, по мнению Бартельсона, дало импульс освобождению политического воображения от ограничений, накладываемых стереотипами о статическом существовании мира.

Мало кто сегодня сомневается в существовании эмпирической проявленности глобализации, однако едва ли кто может точно сказать, что это такое как комплексное явление. Возникает вопрос о причинах и следствиях глобальных изменений, о фактуальности и актуальности глобального как такового. Йенс Бартельсон заостряет проблему обнаружения глобализации таким образом: «Откуда и куда движется глобализация»? Автор считает, что «Принятие глобализации как некоего факта само по себе уже является *социальным фактом*, который необходимо дополнительно изучать» [Bartelson, 2000: 180]. Здесь необходимо разграничить «знание о глобализации» и «уверенность в том, что глобализация существует» [Bateson, 2000: 181]. Онтологические предпосылки и историческая траектория концепта глобализации могут быть прояснены в ходе многочисленных дебатов о природе глобализации. Проблема конституирования «глобального» как многомерного объекта должна быть решена до конструирования дискуссии относительно дальнейших теоретических исследований и перспективном планировании постглобального мира.

Концепт «глобализации» трактовался как выражение капиталистической идеологии у Фергюссона [Ferguson, 1992]. Или интерпретирован у Бурдье как указание на эпифеномен развития, нечто близкое современному империализму, культурному экуменизму, экономическому фатализму. В общем, это такое явление, которое на транснациональном уровне обладает нейтральной ползучей необходимостью. Зигмунд Бау-

ман считает, что «глобализация», как и всякое модное словечко, на первый взгляд, понятное и претендующее на «опрозрачивание» предмета обсуждения, делает этот предмет ещё менее понятным и фактически затемняет его суть [Bauman, 1998: 1]. Эти аналитические штудии имеют смысл, когда мы переходим из области публицистики и политической риторики к научному изучению комплексного многоуровневого и многомерного явления. Признавая реальность глобальных изменений, которые в корректной объективирующей форме могут быть названы «глобальными трансформациями», а в упрощённом (но деидеологизированном) варианте – «глобализацией», выделим очевидно существующие фундаментальные характеристики, которые отдельные авторы номинируют как «измерения глобализации».

Ситуация с поиском адекватных дефиниций глобальных изменений осложняется тем, что, наряду с термином «глобализация», используются зачастую синонимично такие понятия, как *«мондиализация»*, *«вестернизация»*, *«американизация»*, *«интернационализация»* и другие. Здесь нужно указать на специфическое значение этих альтернативных номинаций, связанных с выделением ключевых смыслов. Так, понятие «мондиализация», французское по своему происхождению (50-е годы XX века), означает идеологический процесс европеизации, культурно-политический проект для третьего мира, часто используется также в значении новых стратегий постколониализма освобо-

дившихся стран третьего мира, неоколониализм, проводимый «ненасильственным образом».

Когда речь идёт о «вестернизации», то необходимо также иметь в виду такую тему, как уходящий своими истоками в далёкую историю «конфликт культур» (изначально «Запада» и «Востока», а позднее «Севера» и «Юга»). При этом нужно отметить, что сначала экономическая и военная, а затем культурная экспансия европейских стран значительно изменила незападные общества. После деколонизации, в 60-70 гг. XX века, национальные элиты освободившихся от колониализма стран стали активно бороться с «пережитками» колониального прошлого, поэтому понятие «вестернизация» отражает категорический протест против любой формы культурной глобализации, поскольку она воспринимается как «новая волна постколониализма».

Такая же непростая ситуация складывается и с понятием «американизация». Здесь имплицитно выражен эмоциональный протест против явного или завуалированного навязывания североамериканских, англоамериканских культурных паттернов, ценностей и стандартов, чуждых не только для культур в развивающихся странах («третий мир»), но также чужеродных для постиндустриальных стран Европы и Азии. То есть «американизация» рассматривается как специфический вариант «вестернизации». Более сложный и комплексный характер имеет понятие «интернационализации», поскольку отражает принцип культурно нейтральной унификации экономических, технологических, политических (в плане международной полити-

ки), негосударственных, академических, образовательных и других форм деятельности и отношений.

Достижение эффективности работы граждан, организаций и государств напрямую зависит от степени их включённости в международные структуры, проекты, рынки, то есть от их интернационализации. При этом в глобализации присутствуют элементы мондиализации, вестернизации, американизации и интернационализации, откуда и появляются основные противоречия, конфликты и диаметрально противоположные интерпретации, а за ними и оценки глобальных трансформаций. Наиболее репрезентативна и многообразна культурная сторона планетарных изменений. Шкала культурного глобализированного контента широка: от предметов роскоши и аукционных артефактов «Сотбис» до «мыльных опер» и меню ресторанов быстрого обслуживания «МакДональдс» (феномен «макдональдизации» как субформы культурной американизации).

Сам факт непрерывных и очевидных перемен на различных уровнях повседневности во всех регионах мира – есть прямое доказательство реальности процесса глобализации или, точнее, проявление эффекта *глобальности*. На эту перманентную «процессуальную» сторону вопроса обращает внимание Манфред Штегер: «Термин глобализация может быть использован для того, чтобы указать на социальный процесс, который постоянно трансформирует наши теперешние социальные условия в глобальность. В своей основе глобализация представляет собой смещение форм

межчеловеческой коммуникации (*shifting forms of human contact*).

В самом деле, популярное выражение «глобализация – это то, что происходит» (*globalization is happening*) содержит три важных элемента информации. Во-первых, мы медленно дистанцируемся от условий современности (*condition of modernity*), которые были неотъемлемым основанием нашей культуры начиная с XVI века; во-вторых, мы движемся по направлению к новым условиям глобальности (*moving toward the new condition of globality*); и в-третьих, мы пока ещё не достигли этих новых условий. На самом деле, подобно «модернизации» (*modernization*) и другим терминам, которые заканчиваются на суффикс *-ization*, термин «глобализация» намекает на некий вид динамизма, лучше всего схватываемый идеей развития «*development*» или «развёртывания» (*unfolding*), или другими подобными моделями. Такая развёртка может совершаться быстро или медленно, но всегда соответствует идее изменения, и поэтому фиксирует значение трансформации существующих условий» [Steger, 2003: 7,8].

Такие объёмные характеристики, как «развитие», «развёртывание», являются более масштабными, чем глобализация, по крайней мере, в темпоральном плане. Поэтому сложность описания и «измерения» глобальных трансформаций нуждается в междисциплинарном исследовании. По мнению Штегера, всё же необходимо выделить наиболее важную составляющую, а именно социальное измерение, которое при

внимательном рассмотрении оказывается не только главным «страдательным» элементом глобальных трансформаций, но и отправной точкой фундаментальных планетарных изменений, «точкой опоры» глобализации.

Поскольку «машина глобальности» уже запущена и продуктивно работает (по крайней мере, для постиндустриальных обществ) благодаря совокупным усилиям экономистов и политиков, сегодня крайне важно внимательно изучать эту «глобальную машину», риски, позитивные и негативные последствия. А это могут делать специалисты (эксперты), исследователи, предметом изучения которых являются основные измерения глобализации. Уже достаточно проявлены фундаментальные проблемы, связанные с «реальной глобализацией», с её перспективами, ближайшими и отдалёнными. Штегер пишет: «Поэтому учёные, которые исследуют динамику глобализации, очень тщательно изучают в соответствии с этой темой социальные изменения. Как происходит глобализация? Что движет глобализацией? В основе её лежит один или несколько факторов? Глобализация однородна или разнохарактерна? Глобализация – это продолжение модернизма (*modernity*) или нечто радикально новое? Чем глобализация отличается от предшествующих социальных движений (*developments*)? Создаёт ли глобализация какие-то новые формы неравенства и иерархии? Нужно заметить, что концептуализация глобализации как непрерывно продолжающегося изменчивого процесса в пространстве и време-

ни, а не совокупности конечных, статичных условий, требует особого внимания исследователей» [Steger, 2003: 8]. Таким образом, автор акцентирует важную особенность глобального, он констатирует, что глобализация – это динамический процесс, а как его часть культурная глобализация неизбежно также динамична. Именно динамика культуры в эпоху глобализации является объектом (главной темой) представленного исследования.

Концептуализация проблематики «измерений» глобализирующегося мира наиболее развёрнуто представлена в работе Йенса Бартельсона [Bartelson, 2000]. Методологическая проблема выделения измерений глобализации поставлена Эндрю Джонсом [Jones, 2010]. Впрочем, ещё ранее Манфред Штигер в своих исследованиях разрабатывал именно многоуровневый и взаимодополнительный подход к пониманию структуры глобальных трансформаций [Steger, 2010]. Несмотря на различие подходов и оценок качества «глобальности» признаются такие измерения глобализации как: экономическое [Bryant, 2003], [Greenspan, 2007], [Paulson, 2010] и другие. Немаловажную роль в ускорении глобальных трансформаций играют международные отношения, как показывают Найт и Киттинг [Knight, Keating, 2010], Каарбо и Рэй [Kaarbo, Ray, 2010], а также Хейвуд [Heywood, 2011]. Глобальные трансформации не являются однозначно позитивным феноменом. Очевидным критическим трендом с противоположным знаком оказывается антиглобализм. Также негативным эффектом глобализации станется

возрастание рисков в связи с расширением «новой криминальной революции» в планетарных масштабах, что отмечает Кэролайн Нордстром [Nordstrom, 2007]. Однозначно глобализация является противоречивым и изменчивым сложным процессом, который невозможно однозначно определить и оценить в любой из существующих традиционных систем координат.

Глобальные изменения осуществляются в более широком контексте ноосферной реальности. По существу фундаментальным основанием глобальных трансформаций является именно ноосфера. А ноосферный характер событий, размещённых на планетарной шкале в течение нескольких десятилетий к. XX – н. XXI столетий, может очень многое прояснить в понимании стратегий, природы, причин и последствий глобализации. Ныне самой актуальной сферой глобализирующейся культуры является восхождение энвайронментальной традиции [Heinberg 2007], [Heinberg, 2010]. Именно эта форма деятельности сочетает в себе интеграцию ценностей естественного человека (*homo naturalis*) и формирующегося постчеловечества (*posthuman society*) с необходимым балансом природного бытия и технологизированной реальности. Культурная составляющая эволюции ноосферы не менее важна, чем социальная, экономическая или технологическая. Сциентистская идеология значительно упрощает анализ генезиса и конструирует целенаправленную деятельность человека, рациональную и планетарную, как основополагающую. Между тем, означенную позицию едва ли можно признать верной. Следст-

вием вертикального и (в ещё большей степени) горизонтального трансфера культурных форм становится постоянное расширение ноосферы. Данный процесс осуществляется посредством реализации обыденных, профессиональных, коллективных и других социально значимых проектов. Благодаря использованию подходов, опирающихся на достижения ноосферной методологии (принципы универсальности, холизма, системности, детерминизма), философия культуры способствует выработке особого взгляда на динамику культурных трансформаций в глобализирующемся мире. В частности, её можно понимать как явление, опосредованное экономическими, социально-политическими и технологическими инновациями. Систематика же и прагматика планетарного потокового движения артефактов, ценностей и смыслов в *локальном, глобальном и глокальном контекстах* во многом определяется структурными особенностями коммуникативного социально-исторического пространства. Такое понимание динамики культуры позволяет сформулировать целостное представление о характере и детерминантах горизонтальных культурных трансферов как производных генезиса ноосферной реальности.

1.7. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ КОНЦЕПТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобальные трансформации отнюдь не равномерно распределены во времени и пространстве. Если пространственными характеристиками глобализации

занимается в большей степени географическая наука, то темпоральное измерение глобальных изменений изучает историческая наука. Здесь возникает основной вопрос для любого исторического исследования. Если глобализация – это историческая реальность, то где находится её «отправная точка», в чём состоит «первопричина» глобальных трансформаций? Начало исторической глобализации и её периодизация – весьма противоречивый вопрос. Дискуссии возникают ввиду противоречивых методологических подходов, осложняются из-за наличия различных концепций мировой истории. В книге «Концептуализация глобальной истории» (1993) Брюс Мэзлиш предпринял одну из первых попыток концептуализировать историю глобализации [Mazlish, 1993], пытаясь доказать, что глобализация не есть изобретение западно-европейских идеологов, но некая историческая игра случайных обстоятельств. В другой своей более поздней работе он усиливает свой тезис уже на основе анализа разнообразного эмпирического материала [Mazlish, 2006]. Всё же наиболее известен так называемый «мир-системный подход» Иммануила Валлерстайна [Wallerstein, 1991; Wallerstein, 2004; Wallerstein, 2005]. Историк и социальный теоретик наследует ключевые идеи философии истории и далее развивает взгляды Фернана Броделя [Braudel, 1992a; Braudel, 1992b; Braudel, 1992c; Braudel, 1995]. Предлагая оригинальную интерпретацию развития мировой истории, Валлерстайн критикует монистические интерпретации исторического процесса. Он показывает недостатки

одностороннего подхода к комплексным явлениям и ловушки идеологической ангажированности, упрощённых интерпретаций многовекторных и противоречивых событий, которые часто называют «мировой историей». Он утверждает: «В области функционирования идей и идеологии доктрина интернационализма сталкивается с позитивизмом, базирующемся на «культе фактов», на предположении высокой сегментированности социальной реальности и на абсолютной уверенности в существовании познаваемых универсальных законов социального поведения» [Wallerstein, 1991: 147-148]. И далее Валлерстайн показывает, как сформировался натуралистический редукционизм британского позитивизма, опиравшегося на эволюционное учение Чарльза Дарвина [Wallerstein, 1991: 148]. В кругу британских интеллектуалов фундаментальные философские вопросы, связанные с пониманием природы истории, рассматривались в свете доктрины о естественной гармонии (*natural harmonies*), и здесь очевидно непосредственное воздействие дарвиновской революции в биологии, отсюда и доминирующая идея линейной социоисторической эволюции от примитивных к сложным социальным формам [Wallerstein, 1991: 148]. Такая теоретическая подоплёка была пригодна для идеологов расширяющейся колониальной экспансии в XIX веке. Были также противники универсализации и генерализации мировой истории, например, немецкая историческая школа, ассоциированная с *Staatwissenschaften* [Wallerstein, 1991:148]. То есть предпосылки мыслить

глобализацию как продолжение универсальной единой мировой истории существовали со времён Гегеля, Кондорсе и Конта.

Помимо мир-системного подхода Иммануила Валлерстайна в области компаративных исследований, проведении исторического анализа причин и следствий глобализации большое влияние на концептуализацию многомерных глобальных трансформаций имеет теория мировой истории Джорджа Модельски. Наиболее репрезентативным является междисциплинарное коллективное исследование его единомышленников «Глобализация как эволюционный процесс: моделирование глобальных изменений» (2008), вышедшее с его участием и под его редакцией [Modelski, Devezas, 2008]. Представители исторической науки, специалисты в области международных отношений, экономисты и математики попытались на основе инновационных подходов, с помощью математического моделирования представить глобализацию как эволюционный процесс. Концептуальное «лекало» задано «передовицей» самого Джорджа Модельски [Modelski, 2008: 11-29]. Методологическая база контрибуторов скорее социально-сциентистская, чем спекулятивно-полемиическая. Аналитическая проблематика в представленных текстах способствует прояснению характеристик глобальных изменений. Очевидны обоснованные попытки обнаружить и описать происхождение современных планетарных трансформаций, прояснить траектории ведущих трендов и построить верифицируемые модели исторических мега-событий.

Широкая популярность термина «глобализация» породила многочисленные академические, публицистические и журналистские клише, которые, скорее, затемняют существо дела. Постоянно поднимается вопрос о том, кто конструирует глобализацию. Иоахим Реннстиш задаётся альтернативным вопросом: «Может быть, глобализация – это историческая самоорганизация?» [Rennstich, 2008: 87-107]. В то же время, несмотря на методологические дискуссии, авторы исследований стремятся объективировать сложнейшее явление глобальных трансформаций и даже пытаются прогнозировать некоторые социокультурные импликации. Сильной стороной отдельных публикаций, например, у Рафаила Рувени в статье «О прогнозировании глобализации с использованием мировых моделей» [Reuveny, 2008: 380-399], является их нацеленность на прогнозирование грядущих перемен в контексте продолжающейся глобализации. Юрген и Кристина Клавэр для уточнений и усиленной объективации предлагают использовать математические модели с целью реконструкции мировой истории [K. Kluver, J. Kluver, 2008: 400-414]. Этот ход - уже очевидное сближение с методологическим позитивизмом.

Тем не менее, существуют также иные, малоизвестные, но академически основательные интерпретации исторической глобализации. Фактически любая форма географической экспансии человека может квалифицироваться как «начало глобализации». Ноэль Коун справедливо замечает, что планетарная экспансия *homo sapiens* началась более 100 000 лет тому назад из эква-

ториальных районов Африканского континента. Выходит, что «глобализация» началась фактически в доисторическое время [Cowen, 2001: 1]. Поэтому необходимо определить ключевые особенности исследуемого объекта, чтобы не «растворить» его в сложной и противоречивой эволюции человечества. На наш взгляд, экономические и технологические характеристики планетарной гомогенности являются определяющими для идентификации глобальных изменений. Исторический анализ теоретических рецепций глобализации позволяет создать необходимые условия для продуктивной концептуализации глобального как совокупности унифицированных, стандартизированных и гомогенных денационализированных сообществ.

На основе конвергенции подходов исторической науки и культурной антропологии Джон Уиллз попытался реконструировать ключевой момент европейской (да, впрочем, и мировой) истории. Именно в конце семнадцатого века произошёл поворот от преמודерна к эпохе модерна. Исследователь показывает, что это не было началом восхождения так называемого «евроцентризма», поскольку сложнее аналогичные ускоряющиеся трансформации происходили также в Китае и Японии, на арабо-мусульманском Востоке. Уиллз в своих изысканиях опирается на многовекторную модель мировой истории. Однако именно эпоха модерна, по мнению автора, позволила мировой истории формироваться в направлении создания взаимозависимого глобального сообщества [Wills, 2002].

Определение начальной фазы глобализации является весьма важной задачей. Однако создание релевантной периодизации также необходимо для понимания современных тенденций и рисков. Хопкинс выделяет три основные фазы глобализации: 1) архаическая глобализация (*archaic globalization*); 2) прото-глобализация (*proto-globalization*) и современная глобализация (*modern globalization*) [Hopkins, 2002]. В другой исторической таксономии выделяется «три волны глобализации» [Hopkins, 2002]. Различия терминологические и хронологические коренятся в специфической концептуальной оптике, в зависимости от того, что исследователи считают значимым историческим фоном (*background*) для глобальных изменений.

Бэрри Джилз, директор Центра исследований глобализации при Гавайском университете, США (*Director of the Globalization Research Center at the University of Hawaii*), и Уильям Томпсон, редакторы коллективного исследования «Глобализация и глобальная история» [Gills, B. (Ed.), Thompson 2006], где учёные, независимо от тех или иных методологических установок, согласны в главном: глобализация – это не эксклюзив мировой истории, она не нова и началась тогда, когда люди пытались осознанно добиваться независимости. При помощи теоретических построений и эмпирических подходов исследователи рассматривают глобализацию ретроспективно, на основе компаративного анализа. Историк Крис Бэйли, пытаясь найти «истоки» глобализационных процессов, выделяет весьма спорный период так называемой «ранней глобализации» [Bayly, 2003:

27-45]. Он доказывает, что, как и всякое историческое явление, глобализация имеет свою «предысторию» (*prehistory globalization*). Вопрос о временных границах глобализации сложен вследствие того, что критерии «глобальности» довольно размыты: от завоеваний Александра Македонского и походов Чингисхана до Великих Географических открытий и эпохи Империализма. В зависимости от критериев (экономических, коммуникационных, транспортных, идеологических и других) рамки глобализации расширяются или же сужаются. Крис Бэйли указывает на теоретические сложности концептуализации мировой истории, поскольку академические тексты содержат в себе многочисленные сложные вопросы, которые нуждаются в интерпретациях. В первую очередь, по его мнению, необходимо рассмотреть три проблемы, связанные с возрастанием однородности (*uniformity*) в осуществлении деятельностных практик на глобальной шкале. Это проблема обозначена в трудах «Инициаторы (*Prime movers*) и экономический фактор», «Глобальная история и постмодернизм» и «Загадка Модерна» [Bayly, 2003]. Благодаря работе с такими концептами, как современность (*modernity*), национализм (*nationalism*), империализм (*imperialism*), государство (*the state*), индустриализация (*industrialisation*), Бэйли показывает исторически объективированное расширение глобализации и её новые качественные характеристики.

Некоторые американские историки [Sanders, 2005] считают, что история – это совокупность контактов и столкновений различных культурных, политиче-

ских и социальных традиций. Авторы используют концепт «столкновение» (*encounter*) как базисный организующий принцип. Это очень важный методологический и педагогический подход, поскольку здесь обнаруживается динамический характер исторического, социального и культурного развития в мировом масштабе. Эта линия вполне соответствует доктрине американской гарвардской исторической школы, ярким представителем которой является Хантингтон [Huntington, 1993; Huntington, 1998]. Концептуальная и идеологическая метафора Хантингтона «Столкновение цивилизаций» второе десятилетие постоянно «работает» в политическом, геополитическом и социокультурном дискурсах. Со времени опубликования С. Хантингтоном в 1993 году программной статьи «*The Clash of Civilizations*» (журнал *Foreign Affairs*) [Huntington, 1993], затем книги «*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*» (1998) [Huntington, 1998] и, наконец, сборника дискуссий по этой актуальной теме «*The Clash of Civilizations? The Debate*» (2010) [Hoge, Huntington, 2010] продолжают споры о количестве современных мировых цивилизационных центров, об отношениях между ними. Например, ООН делает усилия для того, чтобы базовой основой взаимоотношений между цивилизациями оставался диалог. Эта позиция отражена в решении ООН от 1998 года, когда 2001 год был объявлен «Годом Диалога цивилизаций» (*Year of Dialogue Among Civilizations*) [Year of Dialogue, 1998]. Согласно другой точке зрения, взаимоотношения могут быть выстроены не посредством «столкновения», а как «альянс ци-

визаций». Такая инициатива, выдвинутая в 2005 году премьер-министром Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро на 59-ой Генеральной Ассамблее ООН, была однозначно поддержана премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом. Думается, что имеет место и столкновение, и диалог, возможен также альянс (или альянсы). В основе цивилизационных конфликтов кроме всего прочего лежат культурные, религиозные, лингвистические и другие различия. Глобализация отчасти нивелирует эти различия и увеличивает тенденции унификации и гомогенизации мирового социокультурного ландшафта.

Авторы работы «Traditions & Encounters: A Brief Global History» доказывают, что отдельные страны и культуры никогда не были совершенно независимы от инокультурных влияний. Они показывают, что мировая история сформировалась именно на стыке различных «частных историй» и их постоянного взаимодействия [Bentley, 2006]. Изучение глобального содержания исторических процессов продолжено авторами в следующей работе [Bentley, 2010]. Огромную роль в подготовке исторической глобализации всегда играли империи, поскольку империализм способствовал расширению географического пространства и осуществлял гомогенизацию социокультурной сферы жизни. В своём исследовании Джон Дарвин анализирует причины и последствия возникновения мировых – в его терминологии, «глобальных» (*global*) – империй в период с 1400 по 2000 годы. Его «имперский список» включает империи Тамерлана, Османскую империю, империю

Моголов, Манчжурскую Британскую, Японскую, Германскую (нацистскую) империи, расширение влияния Советского Союза. Современное положение дел он описывает как конкуренцию новейшей империалистической сверхдержавы – США и древнейших возродившихся держав – Китая и Индии [Darwin, 2009].

Робертсон привлекает для доказательства своей концепции многочисленные исторические факты и стремится доказать, что очевидные инициативы глобализации появились приблизительно пятьсот лет назад. По историческим меркам это не так уж и много, поэтому человечество должно, по его мнению, формировать новое сознание, соответствующее новым реалиям глобализованного мира [Robertson, 2003]. Отправной точкой для размышлений об основаниях периодизации глобализации Питер Стерн считает базовые определения. Он отмечает, что наиболее объективным определением является прежде всего указание на планетарный характер экономической деятельности. Глобализация представляет собой «Процесс комбинации экономических, технологических, социокультурных и политических сил [Stearns, 2009: 1]. Терминологически глобализация сильнее всего выражена через акцентирование экономической составляющей – как «интеграция национальных экономик в международную экономику благодаря механизмам рынка, прямых иностранных инвестиций, финансовых потоков, миграции и трансфера технологий» [Stearns, 2009: 1]. Стернс пытается доказать, что так называемая «макдональдизация» в интерпретации Томаса Фридме-

на [Friedman, 2000; Friedman, 2007] отражает лишь поверхностные эффекты более фундаментальных явлений [Stearns, 2009: 1]. Также Стернс критикует историческое направление, которое он обозначает как концепцию «Трёх волн глобализации», в которой отражено мнение о том, что три волны глобализации начинаются соответственно в 1750-х годах, 1850-х годах и в конце 20 века [Stearns, 2009: 4]. Сам автор доказывает, что глобализационные процессы начались задолго до этих «трёх волн». В своей работе «Глобализация в мировой истории» Стернс выделяет 1) предварительную (*preparatory*) фазу глобализации (с 1200 гг. до н.э. по 1000 гг. н. э.); 2) первый поворотный момент «рождения глобализации» (с 1000 до 1500 гг.); 3) второй поворотный момент «рождения глобализации» (с 1500 вплоть до 1850-х годов); 4) третий поворотный момент «рождения глобализации» (с 1850-х годов до 1940-х годов); 5) так называемая «новая глобальная история» (с 1940-х годов и до настоящего времени) [Stearns, 2009]. Критерием глобализованности Стернс считает наличие множества многоуровневых связей с использованием эффективных моделей взаимодействия на региональной и глобальной шкале [Stearns, 2009: 5]. Разумеется, дискуссии о начале, направленности и региональных особенностях глобализации не могут быть закончены сегодня. Глобальные трансформации – это далеко не завершённый проект современности.

Глобализация требует объективирования, точного описания и достоверной фактографии, чтобы не раствориться в международных политических дискус-

сиях. В книге под редакцией Майкла Бордо «Глобализация в исторической перспективе» [Bordo, 2005] представлено огромное количество справочного материала по теме «история глобализации» и сделан акцент на процессах планетарной экономической интеграции. Развитие международного рынка – это основной контекст исторической глобализации, считают авторы. Также исследуются проблемы неравенства и вопросы социальной справедливости в отдельных странах, роль политических институтов глобализирующегося мира, значение новых технологий и географическое положение. В эпоху глобальных социальных перемен необходим основательный анализ исторических и компаративных перспектив, считают исследователи комплексной работы под редакцией Кристофера Чейз-Данна и Сальваторе Бэйбенза [Chase-Dunn, 2006]. В попытке открыть новую парадигму исторического сознания авторы концептуализируют такую тему как «глобальная история». От «старой» исторической науки она отличается тем, что ретроспективность уравнивается прогнозированием будущего на основе существующих тенденций мирового социоисторического развития. Проблемы защиты окружающей среды, развитие космических технологий, риски ядерной энергетики, экономические риски на глобальной шкале систематизируются и становятся предметом междисциплинарного анализа. Отмечается, что тенденция к глобализации всей человеческой деятельности уравнивается усилением локализации экономических и социокультурных процессов. Не-

смотря на небольшой объём, книга Памелы Кроссли «Что такое глобальная история?» (2008) [Crossley, 2008] содержит обзор прежних концепций глобальной истории, критику основных концепций, анализирует угрозы экологической среде, опасности изменения глобального климата, рассматривает возможности современных политических институтов для позитивных перемен в неуклонно глобализирующемся мире.

Отметим, что исторические концепции глобализации основываются на изучении экономических, политических, культурных и социальных событиях прошлого. На наш взгляд, строгое детерминистическое объяснение современных планетарных трансформаций на основе анализа отдельных локальных и даже региональных разноуровневых и разнонаправленных исторических процессов не может быть объективным. Чтобы доказать «естественный» характер глобальных трансформаций, необходимо доказать существование «естественно-исторических законов», что вряд ли возможно, поскольку пространство социального иначе устроено чем физическое и другое «природное» пространство. На этот методологический редукционизм справедливо указывал Иммануил Валлерстайн в работе «Геополитика и геокультура» (1991) [Wallerstein, 1991]. Кроме того, необходимо доказать существование глобализации как специфического объективируемого исторического явления. Несмотря на то, что существует «индекс глобализированности стран», который основан в основном на экономических характеристиках, он не может учесть социальные и культурные особенности,

не говоря уже о том, что есть гендерная, имущественная, этнокультурная специфика, которая не может быть подвергнута объективирующему социометрическому анализу. Следует говорить о более или менее сильных интерпретациях глобализации как исторического процесса. Множество взаимоисключающих версий истоков и первопричин глобализации свидетельствует об отсутствии академического консенсуса относительно объекта и способов его рационального познания.

Выводы. Как всякое сложное явление, а глобализация представляет собой многоуровневый, динамичный и турбулентный объект исследования, нуждается в междисциплинарном подходе. Современные глобальные трансформации представляют собой продолжение ноосферогенеза. Все частные методологии изучения глобальных трансформаций могут быть интегрированы на теоретико-познавательной основе ноосферологии, как дисциплины, сформировавшейся на пересечении естествознания, философии, социальных наук и гуманитарных дисциплин.

Среди многообразия концепций истории глобализации необходимо выделить одно общее положение, а именно: глобализация – это не новейшая и уникальная эпоха в мировой истории, но продолжение тенденций столкновения, взаимодействия этносов, а позднее и национальных государств в направлении достижения геополитического и социокультурного доминирования. В более «мягкой» форме это проявляется в стремлении обретения баланса сил мирными или немирными путями.

РАЗДЕЛ 2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

2.1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Чтобы выяснить причины, механизмы и потенциальные угрозы социокультурной глобализации, необходимо рассмотреть антропологические аспекты глобализации. Современные философские подходы и методологические средства, способы тематизации дискурсов о человеке в эпоху глобальных трансформаций разнообразны. Исследователи изучают дескриптивные ресурсы и возможности междисциплинарной стратегии в направлении интеграции антропологических исследований. Чтобы достичь значимого результата, в основу положен принцип взаимодополняемости. Существование человека в глобализирующемся мире представляет собой противоречивый многовекторный, многоуровневый процесс, обусловленный межкультурной коммуникацией, новыми механизмами производства и утверждения социокультурной идентичности [Буряк, 2008]. Успешность таких проектов может быть реализована благодаря обновлению методов исследования современного человека, уходу от использования политических и идеологических клише и преодолению ретроактивности стереотипов постколониального синдрома. Тематизация ис-

следования предполагает исследование таких предметов, как глобализация, глобальные трансформации, антропологии глобализации, современная философская антропология, культурная антропология, постколониализм, культурные идентичности.

Чтобы специфицировать риски и опасности глобализации необходим «антропологический поворот», «антропологическая фокусировка» и выявление аксиологической составляющей современных непростых планетарных процессов. Такая актуальная тема, как «антропологии глобализации», и антропологические дискурсы глобализирующегося мира сравнительно мало изучены в силу того, что глобальное всегда было очевидно прежде всего в экономической и политической сферах. Тогда как «человеческий фактор», экзистенциально-персоналистическое бытие человека воспринималось как «бесконечно малая величина». Поэтому сначала нужно определить инструментальные средства выделения антропологической составляющей глобализации, чтобы соответствующим образом очертить специфику проблематики человеческого бытия в условиях ускорения социально-экономических, масс-медийных и культурных трансформаций. Актуальность изучаемой темы определяется возрастающей значимостью прояснения перспектив развития человека в условиях дальнейшей интенсификации экономических, политических, технологических, энвайронментальных и других трендов в глобальном пространстве. Особо нужно выделить глобальные демографические трансформации. Например,

А. Е. Кислый рассматривает комплексные проблемы формирования демографического процесса во всемирной истории [Кислый, 2005].

Ключевой целью исследования является выделение концептуальных оснований определения места человека в глобализированном культурном пространстве. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач: прежде всего, выделить тематические, эпистемологические, политические характеристики антропологических дискурсов в контексте планетарных трансформаций. В дальнейшем необходимо прояснить возможности интеграции различных антропологических дискурсов в глобализирующемся мире для понимания целей и средств осуществления глобальных трансформаций. Вполне очевидно, что социально-экономическим, биополитическим, культурным базисом существования современного человечества является совокупность многообразных феноменов, зависящих от динамики глобальных трансформаций, короче – от «глобализации».

Кризисное положение окружающей среды, декомпозиция традиционных культур, агрессивная неолиберальная биополитика и волатильное мироощущение неуверенности в ситуации посткризисной экономики определяет многовекторность формирования современной научной картины мира и индивидуального мировоззрения. Тема «глобального» поглощает политические, социологические, экономические, эквайронментальные, культурологические и, конечно же, антропологические дискурсы.

На протяжении последних двух с половиной десятилетий количество монографий, в которых название содержит термины «глобализация», глобальный», «антиглобализм» и другие производные от них слова, постоянно возрастает. Счёт идёт уже на тысячи, если говорить только об англоязычной, немецкоязычной и франкоязычной литературе. К тому же существует ещё большее количество журнальных публикаций и публицистических работ. Учёные нашей страны также исследуют противоречивые процессы глоболизирующего мира и анализируют место Украины в них.

Особенно успешными и результативными в Украине стали междисциплинарные исследования, конференции, монографии и сборники статей. Многие из этих работ созданы при непосредственном участии и под руководством О. Г. Билоруса [Білорус, 2001], [Білорус, 2003], [Білорус, 2005]. Экономика, устойчивое развитие, геополитика, информационное общество, национальная безопасность и международная политика – это далеко не полный перечень тем, которые результативно изучаются отечественными исследователями. Авторы, участвующие в этом междисциплинарном проекте, делают акцент главным образом на экономическом, информационном и политическом измерениях глобализации, прогнозируя возможные риски, в том числе, и для нашей страны. Это необходимая экспертная работа в контексте исследований по проблемам национальной безопасности.

Интернационализация международных отношений, интеграция национальных экономик, глобальные

коммуникативные сети, гомогенизация культурного пространства – всё то, что способствует усилению взаимовлияния, взаимодействий на всех уровнях в планетарном масштабе, чаще всего именуют словом «глобализация». Понятно, что все вышеперечисленные процессы и явления неоднородны и неравномерны, иногда разнонаправлены и разноуровневы, тем не менее, характер синхронности, связанности и взаимодействия географически отдалённых мест имеет место и возрастает, что особенно заметно в информационной сфере.

Немаловажное значение в контексте теоретизаций относительно глобальных трансформаций имеет исследование культурного измерения, поскольку именно оно определяет антропологические дискурсы и формирование индивидуальных идентичностей. Тем более что межкультурные противоречия имеют тенденцию возрастать в условиях видимого или латентного «столкновения цивилизаций».

Как бы ни убеждали мировую общественность неоллиберально ангажированные теоретики в том, что глобализация – это «объективный процесс», причём во всех отношениях позитивный и даже необратимый, многие исследователи отмечают идеологическую подоплёку разнообразных теорий глобализации. Критики такого «позитивного» образа глобализации считают, что более точно нужно говорить собственно не столько о «глобализации», но скорее о «доктрине», идеологии, политике и практике глобализма, как считают социальные теоретики Джон Сол[Saul, 2005],

Джеймс Пикок [Peacock, 2007] и Манфред Штегер [Steger, 2008]. Как бы там ни было, в основании любых масштабных проектов находится осмысленная и целенаправленная деятельность человека. Рассматривая проблему человека в контексте глобальных трансформаций, нужно помнить о значимости императива эпохи глобализации: «мыслить глобально, действовать локально».

Для достижения теоретических результатов в области исследования антропологий глобализации необходимо рассмотреть различные методологические основания и подходы, характерные для современных антропологических концепций. Проблематика человеческого бытия как метафизическая проблема была достаточно ясно проявлена и концептуализирована в конце XIX и начале XX веков благодаря интеллектуальным усилиям таких мыслителей, как Ницше, Марсель, Бердяев, Шелер, Ясперс, Хайдеггер, Плеснер, Гелен, а также других представителей континентальной философской антропологии. Затем, в 70-е и начале 80-х годов прошлого века посредством влияния идей Барта, Фуко, Делёза, Дерриды и других философов постструктуралистско-постмодернистско-деконструктивистского круга произошел своего рода «антигуманистический поворот/переворот», хотя традиционалистски настроенные мыслители считают, что, по большому счёту, это была настоящая «антропологическая катастрофа». Такие устойчивые понятия, как «автор» у Роллана Барта, «субъект» у Мишеля Фуко, да и собственно «человек» у того же Фуко, под-

верглись радикальной критике. То есть фундаментальные традиционные представления о человеке, стабильной «человеческой сущности» в оптике постструктурализма прежде всего потеряли априорную антропологическую ясность, определённую и устойчивость, и по сути оказались «отменены».

Фоном и причиной этого «антропологического сдвига» оказалась также совокупность потребительских практик и маркетинговых стратегий. «Желаю – следовательно, существую», «покупаю – следовательно, существую». Так открылось новое мироощущение «человека потребляющего» и новое состояние постиндустриального мира – «общество потребления», одним из первых исследователей которого был Жан Бодрийяр [Бодрийяр, 2006].

Философская антропология конца XX века встала перед вызовом трёх методологических парадигм: иметь рационально проработанную устойчивую методологию для точной тематизации и академической концептуализации знаний о человеке, принять синтетическую методологию психологии критической социальной теории с элементами постмарксизма и доминантой дискурса постструктурализма/постмодернизма, использовать идеологически ангажированные постколониальные дискурсы, привитые на англо-американскую культурную антропологию.

Разумеется, что методологические традиции в сфере теоретической антропологии могут быть сохранены только при условии постоянной критической рефлексии по отношению к своим базисным основа-

ниям. С другой стороны, динамика разнообразных изменений в эпоху глобальных трансформаций привела к возникновению новых тенденций в социальной сфере, появлению новых механизмов производства культурных и антропологических идентичностей. В то же время культурный и антропологический релятивизм, свойственный постмодернистской методологии, даёт довольно-таки размытый «антропологический принт», где невозможны никакие «конечные идентичности». Постколониальные методологические подходы к пониманию противоречивых процессов человеческого существования в условиях деколонизованного глобализирующегося мира не могут быть размещены исключительно на шкале «посттравматического колониального синдрома», приоритета «культурной автономии», преимуществ «региональной культурной политики», акцентирования «культурно-исторической уникальности».

Системные академические исследования в области философской антропологии имеют ряд преимуществ по сравнению с «локальными антропологиями», поскольку им свойственен парадигмальный подход, что минимизирует релятивистские эффекты постмодерных и постколониальных дискурсов. Познавание принципов, закономерности социально-экономических трансформаций и дальнейших перспектив развёртывания разумной деятельности является первоочередным вопросом современной антропологии. Именно в этом направлении ведут свой поиск украинские философы, в том числе, В. В. Кизима в рам-

ках разработки темы сизигийной рациональности рассматривает разнообразные эвристические эффекты «метапричинной парадигмы» [Кізіма, 2003:63-69]. Ноосферно-антропологическую парадигму неординарно исследует Ф. В. Лазарев [Лазарев, 2008]. Эти исследования продиктованы отнюдь не «искусством для искусства» в области методологии, это не просто академическое теоретизирование о человеке.

Дело в том, что с развитием общества, техники и науки перманентно трансформируется и вся научная картина мира, что влечёт за собой значительное изменение антропологической перспективы. Именно на эту отличительную особенность современной эпохи указывает И. З. Цехмистро [Цехмистро, 2003], анализируя трёхуровневую научную картину мира последних десятилетий. Этот исследовательский проект заслуживает пристального внимания и междисциплинарного сотрудничества. Самосознание и самопознание являются ключевыми принципами самоосуществления человека в любую эпоху. Однако сегодня информационное общество при наличии всепроникающих корыстных маркетинговых и властно-манипулятивных медиастратегий «формирует» и «чеканит» ментальную матрицу для «попкорного» *homo novus* и действует гораздо жёстче и эффективнее, чем макиавеллевский *sovereign* в «эпоху Гуттенберга».

Эти ускоряющиеся «перезагрузки» глобализованного культурного ландшафта, принципиальные изменения в конфигурации ценностных координат, волатильная динамика факторов, влияющих на фор-

мирование новой технологически агрессивной социокультурной среды, прямо и опосредованно влияет на самооценку и производство самоидентичности каждого индивидуума. Такое положение дел не осталось незамеченным со стороны представителей современной философской антропологии. «Человек послушный» (вместе с его потребностями, насущными или мнимыми) особенно неустойчив в условиях аксиологической турбулентности на фоне деформаций массового сознания, как это показывает Т. Д. Суходуб [Суходуб, 2008]. Квази-желания «человека толпы» требующие якобы немедленного и сверхинтенсивного удовлетворения, постоянно и целенаправленно стимулируются большим и малым бизнесом, всеми ресурсами общества потребления, как это развёрнуто показывает Б. В. Марков [Марков, 2007].

Консюмеристские и, по большому счёту, несбыточные амбиции явным образом бросают человечеству постмодерный вызов, не без основания считают Кети Гарднер и Дэйвид Льюис [Gardner, Lewis, 1996]. Необходимо решительно включить философскую рефлексию, чтобы вновь осмыслить «пределы роста» современной цивилизации. И, судя по всему, этот эпохальный вызов принят. И уже готов достойный ответ. Об этом свидетельствуют работы В. В. Кизимы [Кизи́ма, 2007], [Кизи́ма, 2008] анализирующего, в частности, проблему идентификации человека в контексте цивилизационного кризиса. При этом замечательно то, что автор предлагает эффективные пути выхода из складывающейся непростой ситуации. В таком же на-

правлении развивает тему Т. Д. Суходуб [Суходуб, 2007], изучая цивилизационные основания современного «антропологического кризиса», и также не ограничивается просто констатацией кризисности как таковой, но ищет методологические основания преодоления ситуации в этой, казалось бы, масскультурной «безвыходности» для индивидуального развития. Размещая тему человека в глобальном контексте, Ф. В. Лазарев [Лазарев, 2007] детально рассматривает положение человека в современном глобализирующемся мире и затем выстраивает стратегемы выживания и конструирует возможные модели цивилизационного развития.

Вполне очевидно, что современный мир изменяется ускоренным образом благодаря системным и интегрированным модернизациям: экономическим, технологическим, социальным, образовательным и культурным, что неизбежно ведёт к кардинальным переменам в приоритетах деятельности человека, производству многообразия стилей жизни и формированию нового образа человека. Дистрибуция вестернизированного *homo sapiens* по культуртрегерским технологиям эпохи классического империализма уже не работает. Мультикультуральные и постколониальные стратегии запускают реверсный режим в сфере культуры и культурной антропологии. Периферийная прежде колониальная культура, благодаря «этно-фолк драйверам» в музыке, литературе, кино, дизайну, фэшн-моде, решительно вторгается в культурное пространство бывших метрополий. Сегодня это выглядит

как стильная эклектика, эстетский микс, экзотический постмодерный коллаж, кросс-культурный ассамбляж. Понятно, что этот глобальный «фестиваль» маркирует аксиологический «водораздел», маскируя весьма волатильное плато глокальной культуры. Но культура не есть что-то автономное и самодостаточное. В центре культурных ландшафтов и их трансформаций находятся люди, индивидуумы с их конкретными интересами, мотивациями, целями и средствами, а не абстрактный «человек».

Ценности, идеалы, смысл жизни играют определяющую роль не только в жизни каждого индивидуума, но существенно влияют на «аксиологическую архитектуру» человеческой цивилизации. Понять эти вещи в их взаимосвязи и взаимозависимости только объективирующими методами невозможно. Путь к познанию человека лежит через самопознание. Философия человека возможна только как поиск пределов человеческих возможностей с выходом на метаантропологию. Эту тему последовательно разрабатывает в своих работах Н. В. Хамитов [Хамитов, 1997], [Хамитов, 2002], [Хамитов, 2011].

Существенным дополнением к дискурсам академической философской антропологии могли бы стать теоретические подходы, учитывающие достижения современной культурной антропологии, изучающей культурное разнообразие и производство антропологических идентичностей в эпоху глобальных трансформаций. Постсоветская версия философской антропологии продолжает в основном методологические

традиции франко-немецкой и русской философии первой трети двадцатого века. Шеллер, Плеснер, Кассирер, Ротхакер, Ясперс, Марсель, Сартр, Франк, Шестов, Бердяев заложили основы экзистенциально-феноменологического анализа бытия человека, где метафизическая составляющая определяет цели и ход исследования, хотя каждый из мыслителей, безусловно, оригинален.

В противоположность этой континентальной традиции мышления о человеческом бытии, англо-американская антропологическая философская традиция всегда формулировала свои исследовательские цели и задачи, исходя из наработанных эмпирических и социетальных предпосылок. Большую роль в формировании современного культурно-антропологического дискурса сыграли такие выдающиеся этнографы, как Малиновский, Мид, Радклифф-Браун. Западные дисциплины, а точнее, различные стратегии теоретизирования человека, конечно же, не монолитны в терминологическом, методологическом и концептуальном отношении. Историко-культурный контекст, социальная детерминированность культурных феноменов, обширные массивы эмпирических данных, географическая локализация культуры и человеческого существования всегда были присущи «наукам о культуре и человеке», являлись отличительными особенностями и базовыми характеристиками культурно-антропологических исследований и в континентальной, и в англо-американской академической традиции. Вместе с тем существует определённая терминологическая специ-

фика, тематические и методологические различия в современных культурно-антропологических дискурсах.

2.2. КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Антропологическая тематика и проблематика в рамках европейской континентальной культурфилософской традиции в последние годы существенно изменилась. Этнографические и этноисторические академические исследования продолжаются, но в то же время возник устойчивый интерес к новым «местам сборки» антропологических характеристик. Наибольшее значение для таких теоретических разворотов имел беспрецедентный рост крупных городов и появление новых урбанизированных субкультур. Этнографические методы изучения были дополнены достижениями современной социальной теории и постколониальными исследовательскими практиками. Во французской академической традиции изучения культуры и человека, испытавшей сначала влияние К. Леви-Строса, а затем и постструктуралистов, всегда большое значение придавалось лингвистическим, когнитивным, социально-политическим, идеологическим, этнолингвистическим аспектам и социологическим подходам, как показывают Марк Оже [Augé, 2002] и Мишель-Рольф Трулло [Trouillot, 2003]. Также важными темами всегда были культурное производство, спорт, мода, фестивали и му-

зыка, что подчёркивают Уильям Кидд и Сайн Рейнольдс [Kidd, Reynolds (eds.), 2000]. Такие, казалось бы, маргинальные, гибридные медиативные культурные формы, как эмблематика, рекламная индустрия и комиксы, позволяют таким исследователям, как Лоренс Грув [Grove, 2006] использовать нарративный анализ и визуальную иконографику в качестве необходимого материала для концептуализации трансформаций в сфере современной французской культуры. Методологические основания любых исследований культуры и человека во Франции всегда базировались на тщательной проработке исторического контекста [Forbes, Kelly (eds.), 1996]. Анализ взаимосвязи и взаимоотношений между сферами культуры, экономики, демократии, технологии, а также проблемы децентрализации театральной деятельности, экспоненциальный рост аудиовизуальной культуры, менеджмент больших культурных проектов позволяет, например, Джереми Эхерну [Ahearne, 2002] лучше прояснить механизмы производства новых культурных форм и проведение необходимой культурной политики.

В британских культурных исследованиях антропологическое теоретизирование включает лингвистические подходы, семиотику, марксизм, теорию идеологии, теорию дискурса, изучение структуры коммуникативного пространства, особенности классового и институционального характера человеческой деятельности, на что указывает Грэм Тёрнер [Turner, 2002]. В рамках культурных исследований также рассматриваются проблемы досуга, развитие молодёжной культу-

ры, очевидные регрессивные явления в культуре (*devolution*), инфантилизация культуры, феномен реалити-шоу, возрастающий разрыв между литературной культурой и визуальной культурой, что позволяет более точно исследовать механизмы культурной идентичности, по мнению Майкла Сторри и Питера Чайлдса [[Storry, Childs (eds.), 2007]. Изучаются различные аспекты культуры и новые идентичности, трансформации британской культуры, взаимодействие между традицией и современной культурой, радикальные изменения в стандартах жизни, британская идентичность в контексте глобализации, отражение британской культуры в кинематографе [Morley, Robins (eds.), 2001], [Rosen, 2003], [Christopher, 2006], [Dave, 2006].

Американские антропологи и культурологи в своих исследованиях помимо этнографических подходов широко используют различные гендерные стратификации, а также теории организации, изучают влияние маркетинговых стратегий на формирование поведения и эволюцию ментальности под влиянием телевидения, радио и Интернета, на что указывают Хосе Салдивар [Saldívar, 1997] и Кин Кэмпбелл [Campbell, 2006]. Приоритет имеют междисциплинарные исследования: литературоведение, политическая экономия, культурная антропология, этнические исследования, афроамериканская история, гендерные исследования и политическая теория. Центральное место занимают такие ключевые темы, как: «Америка», «глобализация и американизация», «тело», «этничность», «религия», «сообщество (*community*)»,

«иммиграция», «популярная музыка», «беллетристика», «сексуальность», «*queer studies*», «афроамериканская история», «перформанс», «гендер» и «национальная идентичность», как показывают Брюс Бёджетт и Гленн Хендлер [Burgett, Hendler, 2007].

Этот теоретический и тематический плюрализм, широкий социально-экономический и культурно-исторический горизонт научного поиска отражает реальное многообразие подходов, свидетельствует, как о многомерности объекта изучения, так и об актуальности антропологической проблематики в начале XXI столетия.

Как уже было отмечено выше, сегодня теоретизирование о человеке может быть продуктивным только с учётом того факта, что глобальное коммуникативное пространство достигло высочайшей степени технологической и дискурсивной концентрации. Социальные сети (*social networks*) и глобальные сети (*global networking*) способствуют созданию гиперсетевого сообщества (*hypernetwork society*) [Narasim, 1993]. К тому же оно пронизано манипулятивными, маркетинговыми, биополитическими стратегиями, «закольцовано» планетарно и гиперактивно благодаря разнообразным разноуровневым интерактивным социальным сетям. Глобальные технологические, коммуникативные интерактивные сети структурируют и трансформируют ноосферу, делая её более динамичной, многоуровневой и дифференцированной.

Постепенно, благодаря расширению темы «постколониализма», её политизации и антропологиза-

ции всей социокультурной проблематики, именно из периферийных этнокультурных «анклавов» глобализующегося мира возник первоначальный импульс, а затем и теоретизирование в направлении «реабилитации» прежде угнетаемой «подлинной» доколониальной «человеческой природы» со стороны диктаторских стратегий «культурного империализма» и агрессивной вестернизации. Преодолевая чисто политические пафосные требования со стороны новых постколониальных элит, появились политические притязания, идеологические конструкции, а затем и теоретические работы. Необходимо прежде всего отметить идеологический и теоретический вклад в классические постколониальные исследования Франца Фанона [Fanon, 1994], [Fanon, 2008] и современного теоретика Альберта Мемми [Memmi, 1991], [Memmi, 2006]. После этого производились практические действия, осуществлялись системная реализация требований политкорректного отношения к деколонизированным локальностям и постоянные попытки в направлении культурно-политической и экономической компенсации ущерба, нанесённого колониальными режимами. Восстановление уважения к человеческому достоинству «униженных и угнетённых» – девиз, посредством которого реализуются поиски специфической культурной идентичности, реконструкции доколониальной этнокультурной подлинности. Именно на этих принципах в основном базируются современные антропологические постколониальные дискурсы эпохи глобальных трансформаций у Гайатри Спивак [Spivak,

1999], Эми Сезар[Césaire, 2001], Грегори Кэсла [Castle, 2001], Ани Лумба [Loomba, 2005]. На пересечении этих политических, идеологических, культурологических, гендерных и других тем (дискуссий/дискурсов) с неприменной антиимпериалистической и антикапиталистической риторикой формируется и постоянно трансформируется новая для континентальной академической философской антропологии тема – антропология глобализации.

Пока что постколониальные «антропологии глобализации» в сравнении с континентальной философской антропологией – это своего рода антропологические «стартапы» (*startup* – англ., только что созданная многообещающая фирма, обычно интернет-компания, с трудно просчитываемым экономическим потенциалом). Постструктуралистская методология, постколониальная идеология с элементами постмарксизма объединяют многих исследователей работающих в области антропологий глобализации. Наиболее авторитетным и оригинальным мыслителем здесь является Айва Онг, которая показывает, что первоначальный шаг должен быть сделан после того, как произведён анализ «культурной логики транснациональности» [Ong, 1999]. Социокультурные и политические идеи Арендт, Поланьи, Фуко и Делёза в наибольшей степени повлияли на формирование методологических подходов представителей новой антропологической формации.

Особенно заметно влияние идейного круга постмодернистской философской мысли на антропологические исследования эпохи глобальных трансфор-

маций, что отмечает в своих работах Пол Рабинов [Rabinow, 2003], [Rabinow, 2004], один из наиболее значимых теоретиков в области современной англо-американской антропологии. Этот переход от постмодернистского теоретизирования к рефлексивным и, шире, к культурным практикам (а именно в таком ключе работают авторы, занимающиеся антропологическими проблемами глобализации) наметился ещё три десятилетия тому назад. «В начале 1980-х культурное производство в рамках постмодернизма, а в строгом смысле – *«after modernism»*, отходило от принципов авангардного модернизма (*avant-gard modernism*)» [Rabinow, 2008:127]. Сейчас наблюдается поворот от узкодисциплинарных исследований к междисциплинарным работам, от сугубо теоретических исследований культуры к прикладным. Формируются и реализуются новые подходы для того, чтобы перейти от чистой деконструкции к реконструкциям и конструированию уже новых, например, постколониальных или гибридных идентичностей. Тема идентичностей в эпоху глобализации представляет собой широкое поле для междисциплинарных исследований. Дело в том, что формирование новых идентичностей происходит в турбулентных планетарных потоках, под воздействием кросскультурных эффектов, в силу нарастающего конфликта между вертикальным и горизонтальным трансферами знаков, символов и ценностей.

На наш взгляд, тематические, методологические и терминологические противоречия между представителями континентальной философии и школами

культурной антропологии имеют исторические причины, обусловленность идеями эссенциального видения антропологической проблематики, с одной стороны, и стремление к историко-культурной локализации, этнографической «фактографии», нарративной описательности, с другой стороны.

Теория и полевые исследования, парадигмальные подходы и эмпирические базы данных, генерализирующие обобщения и *case studies*, не вступая в методологический конфликт, будут способствовать тому, чтобы точнее отражать многомерность изучаемых явлений. В этом случае эффективность антропологических и культурных исследований будет только возрастать. Глобализация продолжается, социокультурная динамика во многом зависит от стратегий выбора социокультурной идентичности индивидуумов и, в конечном счёте, от скорости нового антропологического поворота в изменяющемся мире.

2.3. ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА: НООСФЕРНЫЙ АСПЕКТ

В первом десятилетии XXI в. стало очевидным, что классическая университетская система образования, какой она, казалось бы, уже окончательно сформировалась в XX веке, вступила в радикально новую фазу. Речь идёт о факторе «информационно-коммуникативной» революции, развёртывающейся в условиях ускорения глобальных трансформаций. Основными измерениями процесса глобализации являются: эко-

номическое, технологическое, военно-политическое, информационное, культурное и образовательное. В информационном обществе эволюция образования имеет особую специфику, что связано не только с изменением педагогической парадигмы, но также с появлением новейших высокотехнологичных инструментов интенсификации образовательных процессов [Буряк, 2006]. Если для систематизации и картографирования мирового образовательного пространства уместен эволюционный подход и применимы компаративные исследования, то для понимания глобализованного образования необходимы иные методологические подходы. Одним из важнейших изменений в трансформации современного образования является широкое применение информационных технологий, использование Интернет-ресурсов и интернетизированной мобильной телефонии. Это создаёт новые возможности для более эффективного использования знаний, их закрепления и педагогической апробации. Благодаря информационным технологиям произошли существенные изменения в сфере производства и распространения научного знания, образовательных стратегий в современном обществе.

В контексте глобальных исследований одной из ключевых тем является ускоренный планетарный трансфер знаний. Такой образовательный тренд, как «глобальная педагогика», предполагает как раз унификацию образовательных технологий. Всякая унификация и стандартизация – это один из этапов гомогенизации мировой культуры, в данном случае культуры зна-

ний. Развитие образовательных систем в эпоху глобализации зависит не только от знаний, компетенции и усилий педагогов. Региональная и межконтинентальная интеграция образования напрямую связана с экономическими, политическими и демографическими процессами. Это особенно заметно в странах Восточно-Азиатского региона как наиболее динамичного сегмента глобализирующегося мира. Роберт Арноув в своём компаративном исследовании современных проблем развития глобальной педагогики рассматривает возможности взаимодополняемости локальных и глобальных образовательных практик [Arnove, 2007].

Бонусы от глобализации уравниваются новыми проблемами, в частности ростом экономического неравенства, мощными миграционными волнами, диспропорциями в сфере межэтнических отношений, культурным и лингвистическим ущемлением меньшинств. Также нарастают противоречия в формировании традиционной семьи, конфликты между системами ценностей, а также конфликты между поколениями. Инновации, тем не менее, стремительно расширяют своё влияние не только в области применения высоких технологий, но также в сфере организации труда, менеджменте и в области предоставления образовательных услуг. Образовательные реформы в Японии, Китае, Сингапуре и других странах учитывают в первую очередь эффективность глобальных педагогических трендов, постоянно адаптируясь к ритму и духу планетарных трансформаций [Hannum, 2010].

В этой связи необходимо описать и рассмотреть глоболизирующие тенденции в сфере образования, а также экспонировать новые стратегии педагогики в условиях развития информационного общества. Актуальность такой работы заключается в определении основного курса трансформации систем образования в условиях повсеместного внедрения информационных технологий и интенсивного расширения процесса глобализации. Основная проблема такого исследования состоит в прояснении диспозиции относительно сосуществования традиционных условий функционирования высшего образования и новейших образовательных технологий. Предметом изучения в данном случае оказывается изменение подходов в процессе информатизации современного образования. Необходимо исследовать также формирование интерактивной среды образования, развитие и потенциал дистанционного образования, базирующегося на основе высоких информационных технологий.

Нужно выделить, кроме того, такой новый тип образовательного учреждения, как «виртуальный университет». Тогда целью поисковой работы становится выявление позитивных тенденций не только сугубо педагогической сферы, но и определение базовых условий технологического обеспечения образовательного процесса. К тому же следует подвергнуть анализу риски и негативные последствия интенсивного внедрения информационных технологий в систему среднего и высшего образования на фоне экстенсивного процесса глобализации. Для решения ключевых

задач рассматриваются такие тенденции, как усложнение коммуникативных характеристик образовательного процесса, тотальная информатизация образования, коммерциализация сферы образовательных услуг с последующим превращением образования в рыночный «продукт». Также анализируется экономическая, политическая и образовательная составляющие глобализации как факторы, способствующие унификации и повышению эффективности высшего образования. Анализируются импликации существования образования в информационном обществе. Образование – это базовый институт в любом обществе, поскольку позволяет целенаправленно и ступенчато усваивать и достраивать традиционную культуру. В глобализирующемся мире образовательные инструменты реализуются в режиме вертикального трансфера традиционных знаний, но всё больше оказываются технологии и режимы осуществления инновационного потенциала интенсивного горизонтального трансфера педагогических знаний. Конфликт между традиционными и инновационными формами приложения педагогики снимается благодаря взаимодополняемости локальных образовательных практик и глобализированных сетевых информационных ресурсов.

Если предельно кратко охарактеризовать становление коммуникативной «знаниево-образовательной» европейской парадигмы, то можно выделить четыре основных этапа. Каждый из них конституируется посредством развёртывания очередного этапа «коммуникативной революции».

Первый этап («первая коммуникативная революция») совпадает с появлением *устной речи* (языка), когда передача знаний возможна только путём непосредственного «здесь и сейчас» обучения.

Второй этап («вторая коммуникативная революция») начинается после изобретения *письменности*, позволяющей сохранять знания в знаковой форме более продолжительное время, чем это было на *первом этапе*, «тиражировать» знания (хотя и в очень ограниченном количестве), перемещать их на большие расстояния.

Третий этап («третья коммуникативная революция»), так называемая «Гутенбергова революция», начинается со времени создания Иоганном Гутенбергом (1400 – 1468 гг.) в середине XV века разборного шрифта и печатного станка, когда процесс тиражирования знания приобрёл массовый характер, знания же стали более дешёвыми в своём производстве и широко доступными (например, к 1500 г. в Италии работало 100 печатных станков, в Испании - 30). При этом «потребитель» знания и «производитель» знания могли никогда не выходить на личностный уровень коммуникации (в отличие от более ранних этапов).

Четвёртый этап («четвёртая коммуникативная революция»), так называемая «информационная революция», «цифровая революция», начинается в середине XX века со времени появления компьютерной техники. Некоторые авторы пытаются называть более точные даты начала информационного этапа: создание первой вычислительной машины ЭНИАК (в США) – 1946 год; 1965 год – наличие 50 тыс. компьютеров во

всём мире; 1971 – создание первого микропроцессора; 1981 – создание первого персонального компьютера и т.д. Экспоненциальное развитие Интернет во второй половине 90-х годов XX века («Интернет-революция») ещё более интенсифицировало информационный обмен и планетарное распространение знаний.

Эта революция в коммуникативной сфере не могла не затронуть систему образования. Более того, сегодня именно система образования находится на передовых рубежах углубления и расширения новых интеллектуальных технологий, без которых невозможно развитие любой сферы постиндустриального мира. От того, как быстро общеобразовательная и высшая школа адаптируются к реалиям информационного общества зависит «место» каждой страны в ситуации жёсткой конкуренции, усугубляемой процессом экономической и политической глобализации. В ходе анализа новейших глобализирующих тенденций развития коммуни-тарной системы образования авторы комплексного исследования под общей редакцией Пола Элснера рассматривают различия и сходства между образовательными программами общественных колледжей (*community colleges*) и технических колледжей (*technical colleges*). Компаративное исследование было проведено в 23 странах на разных континентах [Elsner, 2008].

Доступ пользователя к образовательным ресурсам любой страны, любого университета становится почти неограниченным (оплата дистанционного образования во много раз меньше оплаты стационарной формы обучения). Трудовые и образовательные ре-

сурсы фактически беспрепятственно перемещаются в условиях глоболизирующего мира [Suarez-Orozco, 2007]. Эта, казалось бы, «чисто технологическая» информационная революция не могла не затронуть педагогические, правовые, управленческие и ценностные основы классической системы образования. Особую роль стали играть маркетинговые стратегии в области образования, тем более образования на глобальной шкале.

Актуальность исследования сферы глоболизирующей педагогики определяется потребностью современного общества в формировании позитивных устойчивых ценностей в эпоху планетарных трансформаций. Это особенно значимо для вузов, где реальный педагогический процесс происходит в условиях демократизации образования, формального и содержательного выбора учебных курсов. Основная проблема заключается в существовании «ловушки» свободного выбора. Нужно признать противоречие между наличными индивидуальными ценностными предпочтениями студентов и трансисторическими ценностями отечественной культуры. Необходимо найти корреляции между личностным аксиологическим измерением бытия в обществе и общественно необходимыми смысложизненными принципами. Только на основе взаимодополнительности возможен продуктивный «диалог поколений». И тогда может быть обеспечена преемственность социо-культурных смыслов и символов.

На наш взгляд одними из основополагающих принципов формирования современного мировоззре-

ния являются универсальность и холизм (целостность). Нужно признать, что студенты впервые входят в университетскую аудиторию будучи уже самостоятельными, свободными индивидами. Хотя фундаментальной ошибкой некоторых педагогов является упрощённое представление о сознании учащихся как о *tabula rasa*, «чистом листе», которую они «обязаны» (или «имеют полное право») заполнять некими «истинами» и наполнять «правильными» ценностями. Но поскольку педагоги сталкиваются с очевидным или неявным сопротивлением «перестройке» индивидуальных мировоззрений, то избирается стратегия «исправления ошибок», или «переписывания».

Учитывая то, что эффективное формирование ценностных предпочтений является сложнейшим и длительным процессом, и притом индивидуализированным, а даже формальное соотношение числа студентов и преподавателей в пропорции 10 к 1, или 14 к 1, а то и больше, необходима прежде всего не «перестройка мировоззрения», а «включение» режима: «Просвещение – XXI век». Эту задачу собственно говоря и решают различные общеобразовательные дисциплины. Однако их специализированное «различие» является не только позитивным качеством. Дифференциация дисциплинарных предметов, тем, проблем, специфика терминологии чреваты диссоциацией идеологической, методологической и ценностной составляющих [Базалук, 2010]. Однако за последнее двадцатилетие мир радикально изменился. Глобальные трансформации, расширение информационного общества, мобильность насе-

ления, ускорение технологического роста, политическая нестабильность, экзистенциальные риски бросили серьёзный вызов каждому и в особенности тем, кто непосредственно занимается производством «мировоззренческих технологий», и прежде всего – философам. *Отказ / откат* произошёл, но какой ценой? Либо путём апологии постмодернизма, либо посредством консервативной критики постмодернистской философии, которая в середине 90-х годов прошлого века лавинообразно переводилась на русский язык и *преподносилась / воспринималась* как суперактуальный интеллектуальный «движняк», а в Западной Европе и Северной Америке в те же годы адекватно воспринималась как «свет погасшей звезды», погасшей недавно, но всё же - погасшей. Этому есть исторические причины. В СССР, из-за «железного занавеса» пробивались «современные» западные идеи, в том числе и философские, с опозданием в десятилетия. Простой и очевидный пример. Работы Гуссерля («Логические размышления» (1900-1901 гг.), абсолютно деидеологизированные тексты, «без враждебной политики» стали переводиться, издаваться и «пережёвываться» через 100 лет (!!!). Беспрецедентный случай для научного сообщества, где академические знания обновляются, подвергаются критической рефлексии, модифицируются непрерывно, функционируют в режиме жестокого «естественного отбора» инновационных идей.

Поскольку речь идёт о педагогическом измерении формирования мировоззрения, то эффективной общеобразовательной дисциплиной, которая вполне отвеча-

ет требованиям формирования универсальности и цельности миропонимания является учебный курс «Основы ноосферологии» [Буряк, 2010]. Он разработан для студентов, обучающихся по всем специальностям в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского. Учебная дисциплина разработана с учётом специфики подготовки и компетенции студентов, получающих классическое университетское образование. В соответствии со специализациями различных факультетов перманентно происходит корректировка лекционных тем и заданий для самостоятельной работы. Особое значение уделяется изучению ключевых познавательных принципов и продуктивных методологических подходов. Безотносительно к содержанию и особенностям конкретных дисциплин общие принципы достижения объективной истины универсальны, что подтверждает ноосферологический дискурс. Здесь уделяется значительное внимание основам междисциплинарного подхода, способам познания многомерных явлений и сложных систем, природных и социальных. Изучение ноосферы предполагает интеграцию естественнонаучных методов, социальной теории и гуманитарных подходов. С необходимостью используются результаты комплексного исследования сложных многоуровневых объектов, таких как «природа – человек – общество – ноосфера» и других.

Ноосферология – это актуальная комплексная научная дисциплина, которая конструируется в междисциплинарном пространстве естествознания, социальных наук, гуманитарного знания и философии

[Ноосферология, 2008]. Её предметом является взаимосвязанная, комплексная конструктивная разумная деятельность людей в планетарном масштабе. Основная тема ноосферных исследований – специфика механизмов ускоренной трансформации биосферы в ноосферу, энцефализация и антропосоциогенез в условиях эволюции высоких технологий. Ключевые дисциплины, необходимые для формирования ноосферологии, разнообразны: космология, учение о биосфере, эволюционная биология и эволюционная психология, общая психология, биоэтика, нейрофизиология, когнитивные науки, философская антропология, философия истории, философия технологии, методология научного познания. Важное место в разработке современного учения о ноосфере занимают методология междисциплинарных исследований, специфика стратегического планирования и управления, востребованы прогностические принципы футурологии.

В силу междисциплинарности и энциклопедического охвата самых разных областей естественнонаучного, социального и гуманитарного знания ноосферология продуцирует набор эффективных познавательных инструментов и является мощным средством формирования современного мировоззрения на основе научной картины мира. Стратегия всеохватности и целостности ноосферного мышления создаёт продуктивный интердисциплинарный и прогностический потенциал, востребованный и необходимый для педагогической и научной деятельности в исследовательском университете нового поколения.

2.4. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС «ТЕХНОТРОННОЙ ЭРЫ»

Во второй половине XX века под влиянием социальных, экономических и технологических факторов ситуация в области всей мировой системы образования начала постепенно, но неуклонно меняться. По мнению исследователей, причина изменений кроется в фундаментальном смещении всей современной социокультурной системы от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриальной. Это проявляется в трансформациях всех институтов современного общества, в том числе отражается в нововведениях системы образования, на концептуальных, методологических, методических и технологических уровнях. То, что сегодня обозначают модным и броским термином «кризис», вполне релевантно ситуации в университетском образовании. Значительное изменение ключевых приоритетов: прагматизм, технофетишизм, глобализация, постмодернистские веяния, массовость и узкая специализация, - создали ощущение краха тысячелетней традиции классического типа образования. Отчётливо виден разрыв прочных связей с античной культурой и классическим типом рациональности, расхождение с этосом и интеллектуальными ценностями средневекового университета. В сфере образования, также как и в мировой экономике, постоянно происходит конкуренция, а параллельно – интеграционные процессы, в частности, хотя и противоречиво, реализуются стратегии общеевропейской образовательной политики. Для

прогресса в мировой и региональной педагогической деятельности необходимо постоянное реформирование системы образования, особенно высшего. В первой декаде XXI столетия наиболее резонансным проектом реформирования региональной образовательной системы стал запуск «Болонского процесса», к которому подключилась и украинская система высшего образования. В упрощённом варианте сложнейший, многоуровневый эволюционный сдвиг региональной педагогики именуют «Болонским процессом». Учитывая различие социокультурных и экономических условий в европейских странах, интеграция Украины в образовательное пространство Европейского Союза, по мнению украинских учёных, требует программных, экономических, технологических инноваций [Згуровський, 2004; Мазоха, 2005]. Помимо культурных, экономических, институциональных механизмов интеграции образовательных систем всё большую роль играют технологические инновации.

Когда телевидение стало массовым явлением, то помимо сугубо развлекательной и информационной функций стали внедряться также познавательно-педагогические ресурсы массового радио и TV. Уже в 60-70 годы XX столетия телекоммуникационные системы сделали возможным осуществлять образование («дополнительное», «внеклассное» на первых порах) посредством радио- (аудио-) лекций и телевизионных учебных программ. Высокопрофессиональные преподаватели и учёные, иногда с мировым именем, читали интереснейшие лекции по широкому спектру дисцип-

лин, рассказывали об уникальнейших научных открытиях. Это давало возможность учащимся из самых отдалённых уголков мира знакомиться с новейшими достижениями ведущих областей человеческого знания, что называется, «из первых рук». Одним из выдающихся достижений в этой области по праву является всемирно известная и популярная среди всех возрастных категорий научно-познавательная телевизионная программа «*Discovery*». В этом ряду можно также назвать замечательный телесериал «Подводная Одиссея команды Ж.-И. Кусто», знакомящая зрителей с археологией, историей, биологией, океанологией в увлекательной зрелищной форме. Режиссёрское мастерство позволяет создавать эффект соприсутствия в ходе открытия «тайн природы», в первом приближении знакомиться с некоторыми методами выдвижения научной гипотезы, методикам научного исследования, расширяет эрудицию зрителя, кем бы он ни был. Однако личностный контакт, элемент «обратной связи», присущий классическому типу образования, отсутствовал. Этот недостаток не мог быть компенсирован в рамках односторонней, чисто директивной связи, превращавшей радио-лекции и образовательные телепрограммы в однонаправленный поток информации. Невозможно было проверить эффективность такого образования, скорректировать процесс обучения. Преподаватель обращался ко всем, то есть ни к кому конкретно. Тем не менее, технологическая составляющая в образовательном процессе постоянно нарастала. Инвестиции вкладывались всё интенсивней в стратеги-

ческий ресурс – в систему формирования интерактивных знаний. «К середине 50-х годов прошлого века развитие интеллектуальных человеческих ресурсов превратилось в весьма перспективную отрасль. А к 70-м годам двадцатого века возникли бихейвиористские, а также и гуманистические подходы к обучению. С появлением персональных компьютеров и соответствующих программ стало развиваться компьютерное образование, включающее использование видеотехники и средств массовой информации [Лоу, 2001: 191]. Вначале такой вид образования носил ситуативный, фрагментарный, иллюстративный характер, претендуя лишь на некоторую дополнительную к основному курсу обучения, но затем технологическая составляющая стала наращивать своё присутствие в учебных аудиториях и повсеместно теснить традиционный вид обучения. Широкомасштабное развитие сети Интернет позволило сделать процесс обучения более эффективным благодаря созданию интерактивной среды с «обратной связью» и доступом к массивам разнообразных баз данных, включая крупные научные библиотеки [Буряк, 2002]. Уже в начале 90-х была сформирована технологическая инфраструктура интерактивной, диалоговой среды (interactive media), обеспечивающая максимальное использование произвольного доступа к разнообразным базам данных, компьютерным устройствам воспроизведения изображений и звука. Дальнейшие трансформации привели к тому, что сеть Интернет в середине 90-х годов стала полноценной диалоговой средой, когда кроме текстовой

информации можно было обмениваться графическими изображениями, звуковыми сообщениями и видео. Телеконференции и видеоконференции в последние несколько десятков лет стали широко распространены. Это открыло путь для дистанционного образования (distance learning, online learning), осевой характеристикой которого была интерактивность образования (interaktiv learning), создания международных университетов, практикующих дистанционную форму образования и выдачу дипломов студентам, находящимся в различных странах, получающих учебные материалы и сдающих экзамены посредством сети Интернет.

Тенденция виртуализации образования продвигается в значительной степени ещё и потому, что связана с крупными поставками техники и программного обеспечения, то есть за программой внедрения высоких технологий в образовательный процесс вполне ясно просматриваются коммерческие интересы фирм-изготовителей и фирм-поставщиков. Разумеется, редуцировать дистанционное обучение к чисто маркетинговым стратегиям было бы ошибочно, но в то же время не видеть здесь конкретный коммерческий интерес было бы наивно.

Несмотря на самые передовые «инновационные технологии» в обучении, остаётся неопровержимым тот факт, что личная одарённость и индивидуальная мотивация играют ключевую роль в получении и реализации знания в любом месте и в любое время. «Смысл передачи знания есть нечто большее, чем мотивация передачи, поскольку желание овладеть зна-

нием и способности обучаемого являются решающим фактором, если не сказать более. Для культуры передачи знания, его восприятия и накопления интеллектуального капитала необходимы личностные способности, особые модели ментальности, системное мышление и некоторые другие ингредиенты» [Лоу, 2001: 192]. К сожалению, унификация процесса образования, консьюмеризация, погоня за масштабами и массовый характер образовательных услуг существенно уменьшают выявление индивидуальности студента и соответствующую индивидуальную работу с ним. Деперсонализация образовательного процесса не может не сказаться на качестве преподавания. Метафора «*фабрика знаний*», наиболее адекватно передающая дух и практику дистанционного образования, указывает на фактор отчуждения, унификации, профанации «штучной» работы со студентом. Приоритет индивидуальной работы с учащимися рассматривался как необходимость формирования корпуса молодых талантливых учёных, в последующем - академической элиты, без которой невозможен научный и технологический инновационный прогресс. Менеджеры, работающие в системе дистанционного образования, игнорируют индивидуальный подход и технологию передачи «неявного знания», они не учитывают эмоциональной и психологической составляющих процесса обучения, их интересует массовость, унифицированность и «оптовый потребитель» образовательной сферы услуг.

Глобализация повлияла на все стороны жизни современного человечества. Особенно влияние глоба-

лизации сказалось на тех сферах деятельности, в которых индивидуумы функционируют, используя потенциал информационных систем и сетей [Suarez-Orozco, 2007]. Анализируя фундаментальные изменения в культуре образовательного процесса, ряд авторов выделяет антропологический аспект [Anderson-Levitt, 2003]. Неудивительно, что школы и университеты оказались «на переднем крае» глобализации образования. Дэвид Бэйкер и Джеральд Ле Тендр рассматривают соотношение национальных различий и глобальных подобиий и перспективы школьного образования [Baker, 2005]. Компаративный подход к анализу современного образования, диалектическую связь глобального и локального аспектов исследует Роберт Арнов. Дистанционное обучение стало неотъемлемой частью образовательного процесса. А образование является неотъемлемой составляющей человеческой культуры. По крайней мере, так считают составители и авторы комплексного исследования «Глобализация: культура и образование в новом тысячелетии» (2004) [Suarez-Orozco, 2004]. Помимо культурного контекста в глобализации образования проявляется тесная взаимосвязь власти, технологий и знания, показывает Нелли Стромквист [Stromquist, 2002].

Информационная революция накладывает специфический отпечаток на развитие глобальной педагогики. Возникают новые проблемы и появляются новые инструменты для их решения. Одной из ключевых проблем оказывается роль преподавателя в условиях экспоненциального роста глобализированных образо-

вательных ресурсов и широкого доступа к ним. Другой важной особенностью глобальной педагогики является адаптация локальных методик к возросшей конкурентной среде в информационном образовательном пространстве. Ричард Эдвардс и Робин Ашер в своём исследовании «Глобализация и педагогика: пространство, место и идентичность» (2007) [Edwards, 2007] стремятся открыть новые горизонты для педагогических практик в условиях глобализирующейся образовательной среды. Они аргументировано доказывают, что необходимо взвешенно решать вопросы о соотношении технологической и антропологической составляющих современного эффективного усвоения знаний. Авторы стремятся найти баланс между лучшими педагогическими традициями с их консервативными позитивными характеристиками и новейшими высокотехнологичными инструментами доступа и работы с возросшими объёмами информации. Подчёркивается значимость и перспективность новых образовательных трендов: дистанционного образования и электронного обучения (*distance and e-learning*), то есть современного педагогического процесса с использованием электронных технологий, в первую очередь Интернета, а также мобильной телефонии. Эти инновации позволяют пройти курс дистанционного образования, предоставляя при этом возможность диалога с преподавателями и другими слушателями. Основное преимущество для студентов состоит в возможности свободного выбора подходящего курса, не выходя из дома. Широкие перспективы открываются при ис-

пользовании видеоконференций. Дистанционное образование (*e-learning*) после начала Интернет-революции стало основным двигателем глобальной педагогики [Carr-Chellman, 2004].

В коллективной работе «Обзор глобального образования» (2009) под редакцией Кирквуда-Такера авторы предприняли масштабную попытку картографировать и систематизировать историческую эволюцию образования. Во всех работах отмечается качественный сдвиг в планетарной педагогике и формирование новой глобальной парадигмы современного образования. Учитывая ускоряющуюся динамику многоуровневых изменений, глобальный образовательный процесс рассматривается как широкое движение. Рассматриваются принципы философии глобального образования, представлен анализ конкурентных преимуществ разных систем образования. Разрабатываются такие темы, как соотношение глобальных стратегий образования и мультикультуральных образовательных практик, постмодернистский контекст глобализации образования, региональные особенности образовательных систем, феномен гибридных форм образования [Kirkwood-Tucker, 2009]. Тенденции глобализации образования внушают оптимизм и одновременно опасения за качество предоставления образовательных услуг. Вместо классической пропорции, которая предполагает обучение одним профессором 20–40 студентов, в режиме *on-line education* один профессор формально может обучать 3 – 4 тысячи студентов. В 2000 году в Канадских университетах обучалось 900

тыс., студентов, и для их обучения по одному виртуальному курсу было необходимо задействовать лишь 225 профессоров. Сегодня на 14 миллионов американских студентов приходится 900 тысяч преподавателей (15,5 студента на одного преподавателя). В случае победы «дистанционного лобби» во всём мире будут проведены массовые увольнения тех, кто не успел «на отходящий поезд» он-лайнowego обучения [Буряк, 2006]. Преимущества дистанционного образования по отношению к классической педагогической парадигме относительны. Неявное, неинструментальное, субъект-субъектное знание обладает большей устойчивостью, чем обезличенные гигантские объёмы информации в режиме упрощённого и стандартизированного дистанционного образования.

Необходим баланс классической педагогической традиции, педагогических инноваций и использования высоких информационных технологий. Современные образовательные стратегии во многом зависят от хода цифровой революции, считают авторы исследования «Переосмысливая образование в век технологии: цифровая революция и школьное обучение в Америке» (2009). Сегодня немыслимы учебные аудитории без компьютеров, подсоединённых к сети Интернет. В качестве вспомогательных обучающих средств выступают онлайн-словари и учебники. Это намного лучше оптимизирует процесс получения знаний. В то же время между странами существует так называемый «цифровой разрыв», что замедляет педагогические усилия преподавателей в наиболее бедных

странах. Аллан Коллинс и Ричард Халверсон доказывают, что революция знаний радикально изменила производство, быт, и, конечно же, образовательную среду. Поэтому необходимы реформы в образовании с учётом достижений и дальнейших перспектив информационной революции [Collins, 2009]. Интернет-технологии изменили образовательные практики во всём мире, а не только в постиндустриальных странах. Новые образовательные тренды невозможны без технологической информационной поддержки. Именно информатизированная педагогика даёт шанс для ускорения процесса получения новых знаний и их постоянного обновления, считает Кертис Бонк, автор исследования «Мир открыт: Как веб-технологии революционизировали образование» (2009). В современном глобальном образовательном пространстве необходимо быстро отыскивать актуальные знания, обрабатывать их, создавать новые знания с применением обучающих технологий [Bonk, 2009]. Интеграция университетов, научных центров, электронных библиотек на основе интернет-технологий и мобильной связи позволяет создавать фактически единое информационное мега-пространство, где учебная и научная информация равно доступна студентам и преподавателям. Это накладывает дополнительную ответственность и стимулирует повышение качества публикаций и оптимизации педагогического процесса.

2.5. КОНСЬЮМЕРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Уникальность всякой образовательной ситуации, «штучный» характер образования, присущий педагогическим и научным школам от Сократа до Ландау, подвергаются разрушению со стороны глобального рынка. Хотим мы того или нет, но очевиден тот факт, что знание стало товаром, причём высокорентабельным при соответствующих капитальных вложениях. Преподаватели и учёные ведущих университетов мира востребованы и достойно вознаграждаются за свой профессиональный труд. Возникла новая формация преподавателей университетов: учёный – исследователь, учёный – менеджер, учёный – консультант, учёный – эксперт. Такие профессионалы с достаточно узкой специализацией, которые обладают помимо классических параметров академической школы компетентностью, энциклопедизмом, педагогическими способностями, интеллигентностью и другими важными качествами, всё в большей степени ориентированы на господствующую в мире рыночной экономики практику «спроса-предложения». Их деятельность весьма востребована в сфере безграничного рынка интеллектуальных продуктов. Они быстро и точно реагируют на конкретные проблемы, требующие немедленного разрешения в системе образовательной деятельности.

На наших глазах знание превращается в унифицируемый, широко тиражируемый, рекламируемый, информационно «отформатированный» и ходовой

продукт, нуждающийся в маркетинговых стратегиях и менеджерах в большей степени, чем в академиках и профессорах с их уникальными педагогическими и исследовательскими способностями. Оцифрованные массивы человеческих знаний, хранящиеся в электронных библиотеках, разумеется, не могут сравниться с индивидуальной памятью любого гениального учёного. Кроме того, быстрота поиска и обработки любого вида информации несравнима с традиционной работой в классической библиотеке с её системой поиска по предметно-алфавитному каталогу, состоящему из бумажных карточек, с её иногда многочасовой системой запроса литературы и обеспечения её доставки читателю (тем более, что часы работы библиотеки ограничены, есть выходные дни, есть другие читатели, а книга одна и т.д.). Добавим сюда ещё интерактивность, возможность обсуждения и консультирования в онлайн-режиме (или посредством *e-mail*) с коллегами или экспертами независимо от страны проживания. Если же к этому добавить ещё мультимедийный характер информации, хранящейся на лазерных дисках и в Сети: звук, графику, цвет, трёхмерность, видеоряд, - то станет очевидным, что классической системе образования необходимо сделать трудный выбор.

Придётся либо потесниться перед информационно-технологическими и обслуживающими их методолого-педагогическими новшествами и занять крайне консервативную позицию, грозящую маргинализацией и архаизацией, что неизбежно повлечёт за собой вначале «политическую смерть», прекращение финан-

сирования и в последствие «институциональную смерть», либо попытаться перехватить инициативу и подчинить себе бурно прогрессирующую технологию. Не «ждать и догонять», а опережать – такую стратегию предлагает К. Колин. Поскольку «главный источник кризиса заключён в неадекватности содержания образования, масштабов и уровня развития образовательных систем постиндустриальному направлению цивилизационного развития» [Колин, 2002: 16], то «на вызовы XXI века должна ответить прежде всего система образования, существенно преобразованная, исходя из новой образовательной парадигмы, адекватной изменившимся условиям существования человечества, реалиям научно-технического и социального развития» [Колин, 2002: 17].

Разумеется, при унифицированной транснациональной системе образования выиграют более «продвинутые» и финансово обеспеченные учебные заведения, которые навяжут свои требования и свой стиль в образовании. «Если подобное произойдёт, высшее образование во всех своих проявлениях станет объектом правил свободной торговли точно так же, как бананы или воздушные лайнеры» [Альтбах, 2001: 41]. Регулирование вопросов, связанных с развитием образования, конечно же, нуждается в международном статусе их обсуждения и принятия соответствующих решений. Но с другой стороны, необходимо чётко разграничить сферу компетенции национальной системы образования и международных организаций, работающих в сфере образования. Если же за дело возьмёт-

ся *WTO*, то ни о каких компромиссах или консенсусе не будет идти речь, но лишь о выполнении или невыполнении юридических предписаний и соответствующих санкций за их невыполнение.

Результаты глобализации образования легко предсказуемы. «Вытеснят ли состоятельные, сориентированные на прибыль транснациональные корпорации другие учреждения высшего образования? Наконец, выживет ли профессура, сохранив свои академические свободы? Ясно одно: если университеты попадут в сферу юрисдикции *WTO*, автономия будет скомпрометирована, а продвинутое образование и исследовательская работа окажутся подчинёнными международным соглашениям и бюрократическим предписаниям... . Как только в развивающихся странах университеты окажутся подчинёнными международному академическому рынку, регулируемому *WTO*, их «задавят» зарубежные учебные заведения и программы, сориентированные на прибыль, а не на оказание содействия национальному развитию» [Альтбах, 2001: 41]. Благодаря непродуманным шагам в деле реформирования образования, перевода его в дистанционный формат неизбежно будет нарастать процесс образовательно-педагогической инфляции и в последующем – планетарное понижение уровня образования, в особенности в высших учебных заведениях. Деперсонализация образовательного процесса не может не сказаться на качестве преподавания. Особую важность приобретают новейшие подходы в направлении моделирования поликультурного образования, счита-

ет Е.В. Чёрный [Чёрный, 2010]. Метафора «*фабрика знаний*», наиболее адекватно передающая дух и практику дистанционного образования, указывает на фактор отчуждения, унификации, профанации «штучной» работы, каковой всегда было «выращивание» талантливой академической молодёжи. Однако менеджеры образования не учитывают эмоциональной, психологической, «ауратической» составляющей процесса обучения, их интересует массовость, «образовательный оптовый потребитель».

В конце 60-х годов прошлого века после начала «компьютерной революции» ситуация в области образования существенно стала изменяться. Информатизация общества в США, начавшись в военной сфере, продолжала расширяться, охватывая университеты, колледжи, средние школы. Компьютеры заполнили научно-исследовательские лаборатории, затем офисы, а потом стали неотъемлемой частью классной комнаты. Были приняты и быстро реализованы государственные программы компьютеризации системы образования на всех уровнях, что позволило Соединённым Штатам уже в 80-х годах стать лидером «информационной революции», сохраняя за собой ведущую роль в мировой экономике и научных исследованиях в обозримом будущем. Образование, профессиональное обучение и в особенности высшее образование, по мнению Линды Лоу, «играют решающую роль в повышении конкурентоспособности национальной экономики, представляя собой единственный и наиболее эффективный рычаг для подъёма экономики» [Лоу, 2001: 191].

Государственная программа информатизации образования на всех уровнях обучения в Соединённых Штатах была с самого начала обеспечена мощной финансовой поддержкой не только государства, но также и многих бизнес-структур, увидевших прямой экономический эффект от внедрения информационных технологий в производство товаров и услуг. На рынке труда промышленно развитых стран физический труд стал катастрофически падать в цене, интеллектуальный труд стал доминирующим и высокооплачиваемым в обществах постиндустриального мира.

В развитых странах с конца 50-х гг. XX века промышленность в целом и обрабатывающая промышленность в частности постепенно стали утрачивать своё доминирующее место в экономической стратегии. «Физический труд уступает место умственному. Рутинные рабочие функции сменяются творческими. Не «салариат» (наёмные работники), а «когнитариат» - учёные, инженеры, специалисты, достаточно независимые благодаря своему интеллектуальному уровню, - становятся лидерами общества и творцами перманентных технологических новаций [Хорос, 2001: 11]. Об этом красноречиво говорят многочисленные социологические исследования, и статистические данные подтверждают данную тенденцию. «Статистика свидетельствует, что с 1968 по 1977 гг. реальные доходы лиц с незаконченным средним образованием и выпускников колледжей росли в США одинаковыми темпами (на 20% и 21% соответственно). Но уже за период 1978 - 1987 гг. доход работников со средним

образованием упал на 4%, а выпускников колледжей – повысился на 48%. С 1987 г. ... бакалавры увеличили свои доходы на 30%, а доктора наук – почти вдвое» [Иноземцев, 2001: 85].

Лидирующее положение в постиндустриальном обществе теперь обеспечивается, кроме всего прочего, качеством образования, перспективным видением локальных и глобальных проблем, исследовательским чутьём и методологическим инструментарием, предполагает «человеческую неординарность, подобно тому, как это делается в университетской среде для формирования научно-исследовательской среды» [Лоу, 2001: 191]. Образовательные стратегии передовых государств всё больше учитывают и используют технологические новации, сеть телекоммуникаций, информационную среду обитания, и дистанционные формы обучения играют здесь далеко не последнюю роль.

Сегодня речь не идёт о том, принимать или не принимать информатизацию образования как широкомасштабный проект. Нужно обсуждать, каким образом максимально реализовать имеющиеся технические средства и какую методологию избрать для эффективного соединения традиционной системы знания-образования и высоких информационных технологий. Для Украины одной из наиболее важных задач сегодня, является быстрая и эффективная модернизация образовательной системы ввиду ускорения европейской интеграции в области высшего образования, считает В. Ю. Ковальчук [Ковальчук, 2004: 9]. Помимо экономических задач для этого нужно ещё решать со-

циальные и административные проблемы, накопившиеся за предшествующие годы и десятилетия. В глобализирующемся мире глобализируется также система обучения. Уже миллионы обучающихся во всём мире втянуты в дистанционную систему образования, а с ускорением глобализации число обучающихся в мультимедийном пространстве значительно вырастет. Основателями глобального образовательного тренда по праву считаются британский «Открытый университет» (*OU, Oupen University*) и испанский «Национальный университет дистанционного образования» (*UNED, Universidad Nasional a Distancia*). В настоящее время существуют мощнейшие мультинациональные университеты такого типа. Одним из наиболее известных и влиятельных виртуальных университетов на сегодняшний день является так называемый «Проект Фантом» - образовательно-информационный консорциум, состоящий из библиотеки Британского музея, библиотеки Кембриджского университета, Лондонской школы экономики, шести канадских высших заведений (Университет Святого Лаврентия, Открытый университет Британской Колумбии, университеты Атабаска, Ройял-Рудс, Брендон, Манитоба) и группы крупных университетов США.

Знание стало товаром, причём высокодоходным и широко востребованным во всём мире. Общество знаний может состояться только благодаря технологиям информационного общества и новым образовательным проектам, включая дистанционное образование [Weert, 2004]. Однако массивфикация и в особенно-

сти коммерциализация образования не так уж безобидны для классического института образования. Образование в качестве очередного глобального коммерческого тренда угрожает самым институциональным основам и его содержанию. Об этом с беспокойством говорит Филип Альтбах, Директор Центра международного высшего образования при Бостонском колледже (*The Boston College Center for International Higher Education*): «Всё чаще высшее образование рассматривается в качестве товара, который можно продать и купить точно так же, как и любой другой. В наши дни коммерциализация этой сферы выходит на уровень мирового рынка. Так, Всемирная торговая организация (*WTO*) уже рассматривает вопросы включения высшего образования в сферу своих интересов, в результате чего импорт и экспорт образовательных услуг может стать предметом сложных процедур этой организации и юридического нормирования её решениями...» [Альтбах, 2001: 39]. Как хорошо известно, Всемирная торговая организация сегодня является, наряду с Мировым банком и Международным валютным фондом, одним из главных, «глобальных игроков», акторов (*actor* – *англ., деятель*) процесса глобализации. Задача этих организаций заключается в том, чтобы создать единые коммерческие и юридические «правила игры» во всём мире, невзирая на конкретные культурно-исторические условия, степень готовности, «менталитет» конкретных граждан конкретных государств, преподавателей и студентов, образовательные системы и традиции.

Разумеется, при унифицированной транснациональной системе образования выиграют более «продвинутые» и финансово обеспеченные учебные заведения, которые навяжут свои требования и свой стиль в образовании. «Если подобное произойдёт, высшее образование во всех своих проявлениях станет объектом правил свободной торговли точно так же, как бананы или воздушные лайнеры», утверждает Ф. Г. Альтбах [Альтбах, 2001: 40]. Регулирование вопросов, связанных с развитием образования, конечно же, нуждается в международном статусе их обсуждения и принятия соответствующих решений. Но, с другой стороны, необходимо чётко разграничить сферу компетенции национальной системы образования и международных организаций, работающих в сфере образования. Если же за дело возьмётся *WTO*, то ни о каких компромиссах или консенсусе не будет идти и речи, но лишь о выполнении или невыполнении юридических предписаний и соответствующих санкций за их невыполнение.

Результаты глобализации образования легко предсказуемы. «Вытеснят ли состоятельные, сориентированные на прибыль транснациональные корпорации другие учреждения высшего образования? Наконец, выживет ли профессура, сохранив свои академические свободы? Ясно одно: если университеты попадут в сферу юрисдикции *WTO*, автономия будет скомпрометирована, а продвинутое образование и исследовательская работа окажутся подчинёнными международным соглашениям и бюрократическим предписаниям.... Как только в развивающихся странах уни-

верситеты окажутся подчинёнными международному академическому рынку, регулируемому *WTO*, их «задавят» зарубежные учебные заведения и программы, сориентированные на прибыль, а не на оказание содействия национальному развитию» [Альтбах, 2001: 41]. Благодаря непродуманным шагам в деле реформирования образования, перевода его в дистанционный формат неизбежно будет нарастать процесс образовательно-педагогической инфляции и в последующем – планетарное понижение уровня образования в особенности в высших учебных заведениях. Основатель одного из канадских электронных университетов Майкл Гаффни утверждает, что в его вузе будет достигнуто принципиально новое соотношение между количеством преподавателей и количеством студентов. Вместо классической пропорции «один профессор – 30–40 студентов», в режиме *on-line* один профессор сможет обучать 3 – 4 тысячи студентов, отмечает А. И. Кубышкин [Кубышкин, 2003: 111]. В 2000 году в Канадских университетах обучалось 900 тысяч, для их обучения по одному виртуальному курсу будет необходимо лишь 225 профессоров. Сегодня на 14 миллионов американских студентов приходится 900 тысяч преподавателей (15,5 студента на одного преподавателя). В случае победы «дистанционного лобби» и в Америке, и во всём мире будут проведены массовые увольнения тех, кто не успел «на отходящий поезд» он-лайнового обучения. Глобализация образования, в особенности специального и высшего, может нести в себе серьёзную угрозу, как

в области информационной безопасности, так и в сфере национальной безопасности.

Возникли и постоянно усложняются так называемые «виртуальные ландшафты», формированием которых очень активно занимаются масс-медийные группы [Буряк, 2005: 12-13]. Информатизация образования в глобальном контексте, по мнению К. Колина, должна развиваться по следующим направлениям: «фундаментализация образования на всех её уровнях и существенное развитие высшей школы как института, основу которого должны составить университеты; реализация концепции опережающего образования, ориентированного на новые условия уже формирующегося в передовых странах мира информационного общества; широкое использование методов инновационного и развивающего образования, направленных на раскрытие творческого потенциала личности; повышение доступности качественного образования для самых широких слоёв населения за счёт использования систем дистанционного обучения на основе современных информационных и телекоммуникационных технологий» [Колин, 2002: 17]. Итак, информатизация и глобализация предъявляют системе классического образования требования, которые она не может не выполнить, если хочет вписаться в информационный глобальный ландшафт постиндустриальной эпохи.

Альтернативы могут возникнуть только *после* принятия корпорацией педагогов базовых экономических и технологических предписаний, диктуемых «духом времени» (*Zeitgeist*). Это отнюдь не значит, что об-

разование должно капитулировать перед рынком и техникой, но, освоив правила цифровой глобальной игры, адаптировавшись к ситуации постсовременности, оно должно попытаться «взять игру на себя», став полноправным глобальным игроком в информационном поле знания. Становится ясно, что нынче «время дороже денег», «ожидание - ничто, скорость - всё». Опоздавшие на отходящий *«high-tech – express train»* никогда не догонят тех, кто уже находится в пути.

Профессор факультета бизнеса и управления Национального университета Сингапура Л. Лоу констатирует факт наличия драматической ситуации с непредсказуемыми последствиями: «Сохраняется также значительный разрыв в экономическом росте, развитии, образовании и уровне овладения новыми технологиями между различными странами, что ставит перед развивающимися странами множество проблем, связанных с преодолением отставания» [Лоу, 2001: 192]. Социально-экономическое неравенство, а, следовательно, и «цифровой разрыв» между развитыми и развивающимися странами, постоянно растёт, что влечёт за собой разрыв и в области образования, будучи причиной ещё большего отставания в научно-исследовательской и технологической деятельности. Этот момент особо подчёркивается Линдой Лоу в её работе, претендующей стать своего рода «образовательным манифестом» для двадцать первого столетия. Автор анализирует ситуацию в области специального образования, сложившуюся на рубеже тысячелетий, и приходит к выводу о том, что образование и развитие

человеческих ресурсов станут движущей силой XXI века [Лоу, 2001]. Ни инвестиции, ни благотворительные фонды не помогут тем странам, которые не изменят порядок своих экономических, технологических и образовательных приоритетов, продолжая делать ставку на сырьевые отрасли, традиционную обрабатывающую промышленность, химическую промышленность, тяжёлое машиностроение. Мировой опыт развития науки и техники последних десятилетий показывает, что новые технологии для своего развития непременно нуждаются в наукоёмких производствах (которые в свою очередь фундированы высоким уровнем образования). Высокотехнологичные проекты не всегда рентабельны в краткосрочной перспективе. Однако дают долгосрочный стратегический выигрыш во времени и в качестве. Это касается не только производства товаров, но и производства самого знания - наиболее перспективного товара в информационном обществе [Бабак, Лузік, 2003: 79].

Помимо экологических проблем, индустриальные виды деятельности создают, в перспективе, стагнационный сектор, уступая на порядок в своей эффективности новым высоким технологиям. Ещё не завершилась информационная революция, а европейские и американские учёные уже приступили к совершению нанотехнологической и биотехнологической революциям, которые обещают кардинально изменить мир на всех уровнях его существования.

Угроза, идущая из постиндустриального мира, от «глобальных акторов» весьма высока. «Дисциплинар-

ная матрица», сконструированная для всех видов и форм деятельности, подконтрольных «глобальным игрокам», безапелляционна. «Подчинение вузов жёстким рыночным предписаниям *ВТО* приведёт к тому, что один из наиболее ценных институтов любого общества будет уничтожен» [Альтбах, 2001: 42] – считает Ф. Альтбах. Образование сегодня, как никогда, является важнейшим фактором обеспечения социально-экономического, технологического и культурного развития. В чьи руки попадёт стратегия его развития, неизвестно, как развернётся его конфигурация и чем наполнено будет его содержание – непонятно. Ясно лишь одно: контроль над знанием и образованием обеспечит контроль над мировым сообществом в глобализирующемся мире.

Стратегическим ресурсом постиндустриальной эпохи являются знание и образование, о чём три десятка лет тому назад говорил Д. Белл и А. Тоффлер, что подтверждают события последнего десятилетия. Тезис, выдвинутый более трёх столетий тому назад Френсисом Бэконом: «знание – сила» (*scientia est potentia*), – сегодня подтверждён и усилен носителями «калифорнийской идеологии», «мальчиками из Силиконовой долины» (*Silicon Boys*) во главе с Уильямом Гейтсом. Знание – это сила, власть и деньги, что подтверждается положением дел в самой могущественной стране мира, Соединённых Штатах Америки. Как показывает В. Л. Иноземцев, «в последние годы интеллектуальная элита стремительно становится новым доминирующим классом постиндустриального общест-

ва» [Иноземцев, 2001: 85]. Неудивительно, что именно интеллектуалы составляют подавляющую часть самых богатых американцев. «Лишь каждый пятнадцатый из тех, кто составляет 1% наиболее богатых американцев, получает доход в качестве прибыли на вложенный капитал, тогда как более половины представителей данной группы работают на административных постах в крупных компаниях, почти треть представлена практикующими врачами и юристами, а остальная треть состоит из людей творческих профессий, включая профессоров и преподавателей» [Иноземцев, 2001: 85-86]. Учитывая то, что 1% американцев обладают 80% богатства Соединённых Штатов, вышеприведённые цифры однозначно показывают, что власть в США (а следовательно, и во всём мире) принадлежит тем, кто развивает и целерационально использует свой интеллект, индивидуальный, но в то же время являющийся продуктом системы образования.

Странам с переходной экономикой, к каковым относится Украина, уже сегодня необходимо вкладывать громадную часть инвестиций не в сырьевые отрасли и обрабатывающую промышленность (экономический эффект от которых «сегодня» ещё есть, а «завтра» снизиться до минимума), но в сферу высокоинтеллектуальную, в образовательную систему и высшее образование в частности. Сегодня уже многие учёные Украины, в частности, В. Бех, глубоко анализируют непростую ситуацию, сложившуюся в ходе развития отечественной системы образования [Бех, 2005: 13]. Согласимся с выводом Л. Лоу: «...Недостаточное

финансирование образования и обучения молодёжи в долгосрочной перспективе чревато опасностью отставания в экономическом развитии» [Лоу, 2001: 193]. При этом долгосрочная программа образования должна быть основана на принципах непрерывности, постоянной корректировки соответственно изменениям в мировой социально-экономической, технологической сферах и развиваться в духе перспективизма и прогнозирования. Проблематика современного образовательного процесса с необходимостью должна быть размещена в глобальном контексте, показывает А. С. Запесоцкий [Запесоцкий, 2002]. Необходима разработка, принятие и реализация концепции непрерывного образования для того, чтобы общество смогло развиваться без спадов, кризисов и резких скачков, присущих глобализирующемуся миру. Любой педагогический процесс будет эффективен только на основе глубинной проработки аксиологических оснований образовательной деятельности доказывает О. А. Базалук [Базалук, 2010: 331-334]. Существование системы образования в информационном обществе в эпоху глобализации ставит перед институтом образования задачу сохранения позитивных, традиционных компонентов образовательного процесса, наряду с этим необходимо выработать адекватные средства для адаптации классических форм образования связи к новым информационным технологиям, коммерциализации образования и его унификации.

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

3.1. СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В конце первого десятилетия двадцать первого века на перекрёстке, называемом «глобализация», встретились политические и технологические проекты. Формирование гражданского общества во многих странах мира и расширение глобализированных социальных сетей оказались ключевыми составляющими осуществления проекта – «глобальное гражданское общество». Философские и моральные идеалы, юридические практики и информационные технологии исторически обусловили особенности теоретических подходов и практик глобального гражданского общества. В последние годы граждане, использующие социальные сети, получили новые возможности высокотехнологичной коммуникации. Специфической особенностью современного этапа становления гражданского общества стало взаимодействие и взаимодополняемость интернетизированной мобильной телефонии и социальных сетей. Этот технологический симбиоз дал импульс для новейшей «коммуникативной революции». Демократические институты уже более двух тысяч лет эволюционировали независимо от технологий, но скорее посредством радикализации пра-

вовых идей, организационной работы и эволюции морально-этических идеалов. Идеология и осуществление практик гражданского общества были основаны на постоянном стремлении индивидуумов к легитимации общественных свобод, защите человеческого достоинства от произвола государственных институтов и чиновников.

Один из важнейших принципов реализации гражданских инициатив – создание условий для максимально прозрачных контрольных механизмов осуществления государственной власти. На планетарной шкале деятельность гражданских объединений координируется *Центром изучения глобального управления* [Global Civil Society, 2001].

Инструменты поднадзорности и контроля являлись прерогативой монархов, буржуазных, пролетарских, авторитарных и, тем более, тоталитарных государств. После начала информационной революции возникли новые возможности для государственного контроля, осуществляемого в отношении деятельности и коммуникации индивидуумов. Одновременно граждане получили шанс «быть услышанными», с одной стороны, и получать к тому же дополнительную жизненно важную информацию о действиях государственных чиновников. Затем появились дополнительные инструменты гражданского управления социально-политическими процессами с использованием межгосударственных связей и надгосударственных институтов, которые могут быть достаточно эффективными, отражать интересы свободных автономных лично-

стей. Эти отдельные локальные инициативы постепенно интегрировались в стратегии глобального гражданского общества.

Успешность реализации гражданских инициатив в современном мире зависит от работы трёх значимых объективных факторов: *глобальных многоуровневых трансформаций* («глобализации»), *технологической инфраструктуры* для успешной гражданской коммуникации – планетарной информационной сети (интеграции Интернет с мобильной телефонией) и экспоненциального расширения национальных и транснациональных *социальных сетей*. Глобальные потоки труда и капитала, планетарная инфо-медийная сфера и гражданские инициативы, направленные на формирование демократической среды, особенно посредством социальных сетей, обеспечили предпосылки для ускоренного формирования глобального гражданского общества. Переход от работы в режиме *Web 1.0* к коммуникации посредством технологий *Web 2.0* сделал возможным эффективное функционирование *social networking*, то есть значительно усилились интерактивные взаимодействия внутри коммуникативного поля на глобальной шкале [Musser 2006]; [Shuen 2008]; [Rigby 2008].

Используя технологии социальных сетей, граждане объединяются на основе сходных ценностей, идеологических предпочтений и социокультурных целей. Социальные сети и социальные медиа востребованы не только для повседневной коммуникации «френдов», но также весьма перспективны для веде-

ния бизнеса, поиска работы, аутсорсинга. Многообразие форм использования социальных сетей отражает книга Харта, Гринфилда и Хаджи [Hart, Greenfield, Haji, 2007]. Социальные сети могут использоваться не только для коммерческих целей или повседневной клубной коммуникации, но также необходимы для осуществления гражданских проектов [Kanter, Fine, Zuckerberg, 2010]. В цифровую эпоху необходимо так моделировать свою повседневную деятельность, чтобы социальные сети, маркетинговые стратегии, психологические и поведенческие паттерны помогали людям успешно достигать поставленную цель. Авторы книги «Эффект стрекозы» показывают способы продуктивного использования социальных медиа [Aaker, Smith, 2010]. Грамотное использование потенциала социальных сетей, в частности: блогосферы, ресурсов *Linkedin* и *Twitter* гарантирует успех, доказывает Джениет Фаут [Fouts, 2009]. Неудивительно, что средством для расширения социальных сетей является деловая активность. Это относится также к таким сетевым проектам, как *Facebook*, *MySpace* и *YouTube* [Schepp, Schepp, 2009].

Взаимодополняемость этих факторов: глобальности, информационных технологий и расширения сетевых сообществ, - создаёт позитивную динамику эволюции общественного контроля над государственными бюрократическими структурами и гарантирует устойчивость социально-экономического развития демократического общества. Использование государственными структурами социальных сетей для кон-

троля и управления «массами» - также важная тема для понимания рисков и угроз формирования глобального гражданского общества.

Экономические, технологические, политические и социальные процессы в современном мире во многом определяются глобальными трансформациями, их направленностью, интенсивностью и скоростью. Весь этот сложный комплекс изменений часто обозначается словом «глобализация». За этим академическим и публицистическим клише скрывается, с одной стороны, упрощение сложнейших, порой разнонаправленных, противоречивых явлений, а с другой стороны – лоббирование интересов неолиберальных акторов планетарной унификации и стандартизации. Принятие «глобализации» как «природного» закона, социально-экономической неизбежности в ходе эволюции человечества ведёт к снижению социально-политической активности граждан. Формирование гражданского общества в одной отдельно взятой стране происходит в специфичных культурно-исторических и социально-экономических условиях, и некоторым образом уникально. Разумеется, что существуют инварианты гражданской деятельности, но не они определяют тактические действия групп и индивидуумов. Намного более сложен процесс создания глобального гражданского общества, поскольку требуется синхронизировать действия культурно и исторически различающихся общественных объединений. Это, пожалуй, одна из существенных причин, в силу которых «глобальное гражданское общество» скорее проект, чем реальность. Тем не

менее, благодаря непрерывной планетарной циркуляции финансовых потоков, технологий, товаров, идей (в том числе, политических), культурных стереотипов, и существованию единого глобального информационного пространства, принципы, ценности и способы социальной активности граждан постепенно унифицируются. Это существенный «шаг» в направлении создания «глобального социума» со своими проблемами, нормами и практиками.

Современное общество – это результат тысячелетних культурно-исторических, социально-экономических процессов. Одной из актуальных проблем исследования феномена гражданского общества является изучение его трансформаций в условиях глобализирующегося мира. Здесь нужно исходить из историчности всякого социального явления, а именно таковым является гражданское общество. Следует изучить смысловые «трансмутации» термина «гражданское общество» и историческое конституирование понятия «гражданское общество». Очевидно, что общество (гражданское общество, в том числе) постоянно эволюционирует. Также изменяются методологические и концептуальные инструменты его анализа. Нужно отметить, что гражданское общество представляет собой неотъемлемую часть современного социума. В связи с этим нужно описать условия и факторы, влияющие на глобализацию гражданского общества.

В качестве наиболее значимого фактора выделим влияние информационных технологий на формирование коммуникативных практик гражданского об-

щества. Для понимания перспективных стратегий и практик необходимо разместить гражданского общество на глобальной шкале. При этом учитывается постоянное расширение социальных сетей как инфраструктурной составляющей глобального гражданского общества. Основная проблема заключается в определении соотношения позитивного потенциала глобального гражданского общества и рисков его дальнейшего расширения. Также актуальной проблемой является выявление баланса между внутренней самоорганизацией гражданских объединений и внешними манипулятивными действиями по отношению к индивидуумам и общественным организациям. Необходимо выделить перспектив расширения глобального гражданского общества, установление возможностей перехода к авторитету негосударственных организаций как альтернативной легитимной формы социальной власти. Для успешной постановки этой проблемы следует решить несколько задач. А именно, показать исторический, социально-политический статус гражданского общества и его укоренённость в культурной традиции. Далее рассмотреть роль социальных сетей как инфраструктурной компоненты информационного общества, поскольку эти сети являются не только технологическим инструментом, но также позволяют развить коммуникативный потенциал продвижения идеи гражданского общества и демократии. Также необходимо раскрыть специфику построения собственно глобального гражданского общества. Цель исследования феномена глобального гражданского общества в усло-

виях цифровой эпохи заключается в изучении способов проявления гражданского активизма посредством социальных сетей. Также необходимо изучить возможности построения правомочного, эффективного, легитимного и влиятельного глобального гражданского общества и показать, как в условиях глобализации происходит угасание национальной государственности.

Для этого уточним объект исследования. Гражданское общество является частью социальной деятельности свободных граждан и их ассоциаций. Здесь необходимо выделить *две основные функции современного гражданского общества*: а) обеспечение постоянного контроля гражданами действий государственно-административной системы и б) выдвижение проектов строительства нового, «прозрачного», справедливого и эффективного демократического общества. Общественно-политическим «ядром» гражданского общества являются консолидированные в неправительственные, некоммерческие, независимые организации гражданские группы (ассоциации граждан). Поэтому необходимо выделить механизмы контроля государства над обществом (в том числе, и гражданским), а потом рассмотреть действенные формы контроля гражданского общества над национальными государственными структурами и глобальными корпоративными игроками.

Наиболее важным направлением изучения институтов гражданского общества является исследование глобализированной информационной среды и сетевой активности (*social networking*) как основной де-

терминанты формирования глобального гражданского общества. Продуктивное взаимодействие между гражданскими объединениями и государством (чиновниками, презентующими государственные властные структуры) может быть обеспечено благодаря социальному активизму и легитимности гражданской деятельности. Реализация инициатив создания глобального гражданского общества непосредственно зависит от продвижения идеи свободы слова и осуществления прав человека в глобализированных социальных сетях. Проекты и дискуссии относительно реальности новой «цифровой демократии» анализирует Мэтью Хиндмэн [Hindman, 2008]. Эффекты Интернет-коммуникации оказались ощутимыми не только в медиа-сфере, экономике, политике и образовании, но также в дальнейшей демократизации современных обществ.

Автор рассматривает перспективы цифровой демократии в трёх отношениях: как миф, как идеализированную утопию и как дистопическое будущее. В отличие от оптимизма журналистов и правозащитников, он доказывает, что информационные сети – это отнюдь не «территория свободы». А «власть предрежащие» в *онлайне* мало чем отличаются от «властей» в *оффлайне*. Информационные сети только создают иллюзию гомогенного эгалитарного пространства. Видимо, в некоторой степени это так и есть. Однако так же справедливо будет утверждать, что киберпространство, скорее, «территория борьбы за свободу», как и реальное политическое пространство.

Гражданское общество имеет две ключевые функции: контроль государственно-административной системы со стороны гражданских объединений и формирование проектов для осуществления эффективного демократического общества. Поэтому сначала необходимо выделить и показать системы контроля государства над обществом, в том числе – и гражданским (это проблема «поднадзорности», которую поставил Мишель Фуко). Затем нужно указать на формы контроля граждан по отношению к деятельности государственных органов и чиновников. Неуклонно продолжается процесс глобализации международных отношений, что требует размещать тему формирующегося глобального гражданского общества в контексте глобальных политических межгосударственных инициатив [Baylis, Smith (eds.) 2001].

Гражданское общество как термин, концепт, идея, полит-технологический конструкт и социально-политический феномен изучается политической наукой, экономической теорией, правоведением, социальной теорией и социальной философией. Для эффективного изучения глобального гражданского общества многие авторы указывают на базовые объективные особенности этого многомерного предмета. Отмечается неравномерная распределённость в историческом времени активных гражданских инициатив, анализируются противоречивые теоретические рефлексии относительно социально-правового статуса гражданских объединений. Также указывается на необходимость новых (сетевых) практик гражданского

общества, способы оптимизации взаимоотношений легитимной власти и объединений граждан. Должны быть изучены информационные аспекты формирования глобального гражданского общества. Особого внимания требует проблема продуктивного взаимодействия граждан с государственными институтами, организациями и чиновниками. Должны быть обсуждены проекты создания гражданскими объединениями прозрачных контрольных механизмов «вертикали власти».

Исследование тенденций развития идеи глобального гражданского общества предполагает изучение условий и векторов глобализации. Также, необходимо выяснить перспективы эволюции гражданского общества в направлении к глобальному гражданскому обществу. Для этого нужно выделить социально-политические параметры глобального гражданского общества, определить специфику минимизации национальной государственности и охарактеризовать особенности формирования позитивного государственного права. Необходимо осуществить исторический анализ феномена «гражданское общество», рассмотреть альтернативы его идентификации и понять место в глобализирующемся социуме, пронизанном интенсивными информационными потоками. Отдельно стоит вопрос об управляемости социально-политическими процессами. Здесь нужно учитывать многоуровневость глобализирующегося мира. В качестве регулятивов отношений между гражданским обществом и государством могут быть использованы та-

кие инструменты как: анализ межгосударственных связей, способы применения международного права, мониторинг работы надгосударственных институтов, транснациональных гражданских социальных движений (отражающих интересы свободных автономных личностей). Слова «*global*» and «*civil society*» стали общим местом в публицистике и научной литературе последнего десятилетия [Anheier, Glasius, Kaldor, 2003].

Тем не менее, они служат для конкретизации и более точного понимания некоторых современных тенденций демократизации на глобальной шкале. Имеются различные истолкования «глобализации», «гражданского общества» и «глобального гражданского общества». Спектр этих интерпретаций весьма широк. Чаще всего к феноменальной проявленности глобального гражданского общества относят антиглобалистские протестные акции (Сиэтл, Прага и др.) и деятельность гринписовцев, направленную против транснациональных корпораций. И в том, и в другом случае контрагентом глобального гражданского общества является глобальный капитализм. Иная точка зрения заключается в том, что глобальное гражданское общество определяется, прежде всего, инфраструктурой, которая обеспечивает рост демократии в недемократических обществах. Это предполагает увеличение количества профессиональных ассоциаций, потребительских организаций и других негосударственных, некоммерческих групп, которые создают межгосударственные связи. Как отмечает Арне Хинтс, общепринятого и общезначимого определения «граж-

данского общества» пока что нет. Однако, считает он, есть некоторые характеристики, с которыми прямо и косвенно согласны большинство экспертов. Например, гражданское общество – это «открытое пространство для коммуникации» [Hintz, 2010:19].

Ресурс консолидации гражданских инициатив велик: Интернет, чаты, социальные сети, обмен студентами, энвайронментальные коммуникативные стратегии, борьба за права человека, развитие глобальных медиа. Тем не менее, представление том, что такое глобальное гражданское общество, существенно различается у активистов и экспертов. Здесь в большей степени работает интуиция, а не методы научного анализа. Нужно сделать поправку на существование гражданских групп на локальном (национальном), региональном и глобальном уровнях. Концептуально и эмпирически «глобальное гражданское общество» должно быть размещено в каком-либо социокультурном контексте, иначе оно превращается в социологическую абстракцию, риторическую фигуру и инструмент политической манипуляции [Anheier, Glasius, Kaldor, 2003: 3].

Для получения объективных результатов необходимо учесть *интенсивность* глобальных многоуровневых трансформаций, например, «индекс глобализированности» стран. Также большое значение имеет анализ *культурного контекста* в формировании локального исторически определённого гражданского общества [Anheier, Isar (eds.). 2009].

Особенно важным фактором развития гражданских структур является расширение высокотехнологичных социальных сетей. Противоречивые политические процессы конца 2010 и начала 2011 года в Северной Африке и на Ближнем Востоке показывают, что инфраструктура гражданской глобальной коммуникации оказывается иногда ключевым ресурсом для активизации триггеров фундаментальных политических трансформаций (феномен так называемых «твиттерных революций», «фейсбук-революций»). Особое значение Морли Виноград и Майкл Хэйс придают «гендерному сдвигу», поскольку фактически все молодые люди, основной «электорат будущего», являются сетевыми акторами [Winograd, Hais 2008]; [Winograd, Hais 2011]. Ключевыми факторами формирования глобального гражданского общества являются планетарные трансформации («глобализация»), социальные сети в информационном пространстве и гендерный сдвиг (*mobilizing generation*). Наиболее мощным системообразующим ресурсом социополитического действия становятся интернетизированные социальные сети.

3.2. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие «гражданское общество» и его смысловые характеристики значительно модифицировались в ходе социокультурных и исторических трансформаций европейской цивилизации. Выражение «граждан-

ское общество» формировалось от античности до современности. На этом длительном и противоречивом пути смыслового генезиса от термина к понятию уточнялись ключевые смыслы, которые затем опосредованно легли в основание понятия «глобальное гражданское общество».

К этому комплексному процессу можно подойти «стадиально», выделяя существенные изменения в значимости и интерпретациях словосочетания «гражданское общество». Последовательным образом здесь следует выделить событийные контексты: классическую античность, эпоху Ренессанса, Новое время, эпоху Просвещения, Великую французскую революцию и окончание «Холодной войны» (разрушение мировой системы социализма в начале 1990-х). В качестве социально-политического «сдвига» и радикального обновления дискурсов о гражданском обществе следует выделить комплексные события, связанные с серией перманентных «бархатных революций» в странах Восточной Европы. Идея гражданского общества является, несомненно, стержневой, конституирующей для социально-политической истории Европы, а сегодня она актуальна и для всего глобализирующегося мира. Поэтому очень важно проследить определяющие этапы кристаллизации основных принципов, идеалов, ценностей и практик эмансипаторской гражданской активности. Необходима всеобъемлющая философская рефлексия, теоретизация идеи гражданского общества, анализ «истоков и современности» темы, как пока-

зывает И. И. Кальной в своей работе «Гражданское общество: истоки и современность» [Кальной, 2006].

Автор полагает, что вне исторического контекста любые формы теоретизирования на тему «гражданское общество» могут стать некими абстракциями. Эта линия, нацеленная на конкретизацию, «опредмечивание» темы «гражданское общество и современность», выявление прикладных аспектов и связь теории с практикой, продолжена в рамках международного комплексного исследовательского проекта «Гражданское общество и современная интеллигенция». Экспертный коллектив авторов из Украины и России в книге «Роль интеллигенции в формировании среднего класса» [Кальной, 2010] развивает и уточняет тему историчности гражданского общества, описывает и анализирует предпосылки становления гражданского общества, рассматривает интеллигенцию в качестве субъекта идеологии среднего класса, а также изучает феномен среднего класса в его становлении. Социально-философский анализ многомерной темы «гражданское общество» развивается с учётом современных социокультурных реалий.

Гражданское общество имеет определённые спецификации. Например, А. Д. Шоркин доказывает, что гражданское общество является некоторым эксклюзивным социальным образованием [Шоркин 2010]. Экспертный коллектив авторов из Украины и России в книге «Роль интеллигенции в формировании среднего класса» (2010) развивает и уточняет тему историчности гражданского общества, описывает и анализирует

предпосылки становления гражданского общества, рассматривает интеллигенцию в качестве субъекта идеологии среднего класса, а также изучает феномен среднего класса в его становлении. Социально-философский анализ многомерной темы «гражданское общество» развивается с учётом современных социокультурных реалий.

Исходя из того факта, что новейший этап эволюции идеи гражданского общества и соответствующих тенденцией к ускоренному конструированию глобального гражданского общества включает в себя исторический анализ идеи гражданского общества, важен переход от термина «гражданское общество» к его понятию. Тема гражданского общества сегодня неизбежно размещается в глобальном контексте [Кальной, Горбань 2011]. Через феномен формирования глобального гражданского общества наилучшим образом открываются перспективы глобализации современного социума [Буряк 2011].

Существует не только доктринальная и организационная традиция понимания института демократии, осуществления гражданских прав и свобод, но также здесь присутствует преемственность философской рефлексии. Констатируя факт происходящих общественно-политических трансформаций, необходимо выделить некоторые константы гражданского общества. Именно их наличие позволяет говорить о единстве идеи гражданского общества и реалиях социального гражданского активизма.

Отмечая факт непрерывности культурной и социально-политической западно-европейской традиции, Борис ДеВил (*Boris DeWiel*) выделяет три основные составляющие современного понимания гражданского общества: автономию от государства, взаимосвязь с государством (*interdependence with the state*), гарантированный плюрализм ценностей, идеалов и образов жизни, воплощённых в его институтах (*pluralism of values, ideals and ways of life embodied in its institutions*) [DeWiel, 1997: 3].

Это, разумеется, общие принципы, ключевые константы, которые всегда локализованы в социально-политических и культурно-исторических контекстах. Наряду с инвариантами гражданского общества, существуют значительные региональные и континентальные различия, иногда оказывающиеся решающими для осуществления общих социополитических установок. В последнее время «гражданское общество» понимается чаще всего как «политическое сообщество» (*political community*), можно даже сказать, «политически активное сообщество». На этом делает смысловой акцент Борис ДеВил в своей статье «Концептуальная история гражданского общества: от греческих первоисточников до Маркса». Он поставил задачу проследить историческую трансформацию идеи гражданского общества в контексте истории идей [DeWiel, 1997: 3], где им доказывается, что первоначальный смысл «гражданского общества» (*civil society*) был синонимичен именно «политическому обществу» (*political society*).

Переломным этапом теоретизации гражданского общества ДеВил считает эпоху Просвещения, когда идеи рационализма и универсализма оказались в конфликте с интересами отдельной личности и проявилось пренебрежение ценностями малых гражданских групп. По его мнению, эта нивелирующая социально-политическая модернистская программа обнаружилась в полную силу значительно позже, уже в двадцатом веке. Тогда, доказывает автор, идеологически фундированный универсалистский марксистско-ленинский подход (*universalistic MarxistLeninist theories*), по существу оказался разрушителен для построения гражданского общества в странах Восточной Европы [DeWiel, 1997: 3].

Избыточная политизация идеи и практик гражданского общества сегодня, на наш взгляд, далеко ещё не преодолена. Попытки фактически насильственной социально-политической «трансплантации» западных моделей гражданского общества в культурно-политическую среду развивающихся стран (например, страны Магриба и Персидского залива, СНГ) не будут успешными. В первую очередь, из-за того, что кланово-племенная, бюрократическая, социальная организация и противоречивость религиозных конфликтов (допустим, шииты против суннитов) имеют мощные исторические, этнические и экономические причины, которые внезапно (по историческим меркам) нельзя заменить совершенно другими обстоятельствами, основанными на шкале западноевропейских ценностей,

на традиционных идеалах и базисных коммуникативных отношениях.

Публичное обсуждение продуктивной межличностной коммуникации и коммуникации между гражданами и государственными служащими восходит к временам Сократа и его радикальной критики механизмов некомпетентного управления государством. Значение профессиональных знаний, способностей, набора добродетелей (нравственных принципов), целесообразности социального консенсуса оказались темами широких дискуссий в греческих античных философских школах. Сократовский вопрос о нравственной и политико-правовой компетенции государства реинтерпретирует Платон в «Государстве» [Платон, 1998], а затем и Аристотель в «Политике» [Аристотель, 1983].

Необходимо отметить, что именно у Аристотеля обнаруживается по существу первый терминологический эквивалент, для выражения современного содержания словосочетания «гражданское общество». В своём исследовании «Гражданское общество и фанатичность» (1997) [Colas, 1997] Доминик Колас, опираясь на лексикографические методы, социологический подход, психоаналитические методы, философский анализ, широко рассматривает феномен гражданского общества и его антитезу – идеологию и практики фанатичности. Автор отмечает, что Лютер и Кальвин применяли термин «фанатик» (*fanatic*) по отношению к тем индивидам, которые стремились разрушить гражданское общество во имя установления абсолютного Царства Божия.

«Отцы протестантизма» называли фанатиков и их последователей «лжепророками». Чтобы яснее понять природу гражданского общества Колас углубляется в этимологические тонкости и герменевтические глубины, способствующие адекватной передаче смыслов аристотелевских терминов на латынь и новоевропейские языки. Этот долгий и сложный путь от термина к понятию необходимо проследить для того, чтобы современные социально-политические реалии не микшировались с уже изжитыми смыслами. Современное понятие «гражданское общество» (англ. «*civil society*») восходит к аристотелевскому выражению «*койнония политике*». Как считает Д. Колас «гражданское общество» это только лишь один из многих смыслов термина *koinonia politike*. В своей статье «Глобальное гражданское общество: аналитическая категория или нормативное понятие» (2005) [Colas, 2005: 17–33] Колас с помощью текстологического анализа и герменевтического инструментария показывает, что этот термин Аристотель использовал в «Политике».

В своих текстах древнегреческий философ, считает Колас, опирался на смысл - «политически организованное общество». При этом Колас употребляет английское словосочетание *politically organized society*. Также как и другие произведения Аристотеля, «Политика» была переведена на латынь в 1260 году («Никомахова этика» переведена на латынь раньше, в 1246-1247 гг.). Это аристотелевское выражение *koinonia politike* (так же, как и термин *polis*) стало востребованным в эпоху Ренессанса, показывает Колас [Colas, 2005: 27].

В одном из первых переводов «Политики» на латинский язык доминиканский монах из Фландрии Вильгельм Мёрбеке, входивший в круг учёных-эрудитов при дворе Императора Священной Римской империи Фридриха II, использовал в своём переводе «Политики» (ок. 1260) выражения *communicatio politica* и *civilis communitas*, а термин *polis* перевёл латинским словом *civitas* [Colas, 2005: 28]. Переводы Мёрбеке – это знаковое событие для европейской философской традиции. В сообществе средневековых теологов уже давно зрело недовольство прежними переводами трудов Аристотеля, сделанных с арабских текстов.

Высказывались опасения относительно того, что в арабских текстах были утрачены первоначальные греческие философские смыслы и искажён сам «дух» аристотелевской философии. Кроме того, неточные переводы оригинальных текстов могли стать источником доктринальных ошибок. Мёрбеке переводил непосредственно с греческого оригинала, не пользуясь латинскими переводами с арабского (в основном, сирийских версий работ Стагирита). Новый перевод аристотелевской «Политики» сделал гуманист Леонардо Бруни из Ареццо в 1438 году. В своём труде он переводил греческое терминологическое словосочетание *koinonia politike* на латынь, используя выражение *societas civilis*, что наиболее близко современному англоязычному словоупотреблению *civil society*. Нужно отметить, что Бруни, будучи членом флорентийского сообщества гуманистов, бессознательно «примерял» аристотелевские понятия к ренессансным социально-

политическим реалиям. Античный город Афины для Леонардо Бруни казался скорее Флоренцией 1438 года. Благодаря такой культурно-исторической оптике афинское по происхождению выражение *koinonia politike* у него оказалось синонимично флорентийскому *societas civilis*. Неизвестно, как повлиял бы перевод Бруни на современное словоупотребление понятия «гражданское общество», но, оказавшись «в нужное время в нужном месте», а именно, в начале «Эры Гуттенберга», его перевод «Политики» с инкунабулы (рукописи) написанной в 1438 году был растражирован печатным станком в 1475 году в Страсбурге. Первый тираж быстро разошёлся в Германии, а затем книги попали в Барселону, Париж, Саламанку, Рим и другие западноевропейские города [Colas, 2005: 30].

Между 1501 и 1600 годами (фактически прошло столетие) было выпущено пятьдесят изданий «Политики» на латинском языке и эти книги разошлись по всей Европе. Таким образом, книгопечатные «технологии» победили «рукотворную учёность». Оказалось так, что перевод аристотелевского термина *koinonia politike* в варианте Бруни, в качестве латинского выражения *societas civilis*, благодаря многочисленным печатным тиражам вытеснил к началу Нового времени словосочетания *communicatio politica* и *civilis communitas*, использованные в рукописных переводах Вильгельма Мёрбеке [Colas, 2005: 31].

На протяжении Средних веков достоинство индивидуума не могло рассматриваться как автономный домен гражданского бытия, поскольку «человек» был

«встроен» в жёсткую иерархию социализированных «сущностей». Его место было прочно закреплено между онтологическими полюсами: свободно творящим Богом «*natura creans, non creata*» и сотворённой им Природой «*natura creata, non creans*» (вывод сделан согласно представлениям Иоанна Скота Эриугены). Углубляясь в понимание «природы человека», средневековые теологи предпочитали лишь мыслить об улучшении человеческих качеств посредством религиозной медитации о Боге, при этом занимаясь самопознанием. Об общественных движениях и «улучшении общества» посредством «коллективных действий» тогда, естественно, не могло быть и речи. К тому же доктринальный провиденциализм с тенденцией к социально-исторической телеологии и хилиастическому фатализму не позволяли рассматривать общественные группы как значимые факторы социального развития. Только после работ Гоббса, Локка и Руссо, через осмысление необходимости такого регулятива, как «общественный договор», политико-философская идея гражданского общества стала уточняться в коммуникативном и правовом поле.

Многовековые герменевтические штудии дают представление об интеллектуальной истории формирования ключевого концепта «гражданского общества». Интерпретации аристотелевского понимания природы справедливого общественного строя (*koïnonia politike*) имеются также в работе Дж. Обера «Афинская революция: эссе о древнегреческой демократии и политической теории» (1998) [Ober, 1998: 163-187].

Автор, размышляя над феноменом гражданского общества, как оно понималось в античности, и его контекстуальном прочтении в ранней европейской социально-философской традиции, обращается к политической философии Аристотеля. Он считает, что аристотелевское понимание *eudaimonia* (счастье, высшее благо) для *politai* и полиса – это и есть *koinonia politike*, то есть *status quo* существования граждан в стабильных условиях, когда работает режим справедливости и обеспечено осуществление права на физическую неприкосновенность и материальную безопасность (англ. *enjoying material security*) [Ober, 1998: 169]. Для Аристотеля следование принципу *koinonia politike* приведёт к тому, что это высшее благо должно распространиться также на женщин, рабов и тех, кто не обладает гражданскими правами [Ober, 1998: 169].

Несмотря на смысловые оттенки и различия, основная проблема – способность полноценной политико-правовой самореализации граждан и её легитимное обеспечение – остаётся ключевым моментом для дальнейшей рефлексии относительно предпосылок и механизмов становления современных институтов гражданского общества. В последней, двенадцатой главе своего исследования, которая называется «Полис как общество: Аристотель, Джон Роулс и афинский общественный договор» («The Polis as a Society: Aristotle, John Rawls, and the Athenian Social Contract»), Дж. Обер стремится показать преемственность европейской социально-философской рефлексии. Он проводит гипотетическую линию, связующую античные представления о

гражданском обществе и современные концепции – в частности, взгляды Дж. Роулса [Ober, 1998: 161-187].

«Смысловая партитура» идеи «гражданского общества» прописывалась и переписывалась более двух тысяч лет, «прорастая» новыми смыслами и коннотациями. Это, несомненно, доказывает социальную востребованность, научную эвристичность, культурную и эпистемологическую открытость базового понятия. И в аристотелевском словосочетании *koinonia politike*, и в Цицероновском выражении *societas civilis* как исторических концептуальных прототипах, презентующих содержательную часть «гражданского общества», есть «идеальное ядро», замысел о существовании оптимального взаимоотношения между гражданами и государством. Потребовались столетия и тысячелетия для того, чтобы античные термины *koinonia politike* и *societas civilis* постепенно получили философское осмысление и общественно-политическую значимость благодаря конституированию понятия, которое обрело экономическую, правовую, политическую, и социальную «плоть и кровь» в практической деятельности гражданских активистов. Таковы культурно-исторические особенности и социально-политические контексты смысловых траекторий: от античных терминов *koinonia politike* и *societas* к современным легитимным и востребованным в реальной политике понятиям *civil society* и *global civil society*.

Для понимания смысловых «трансмутаций» необходимо рассмотреть также взаимодополняемость коннотаций «гражданского» и «политического» аспек-

тов понятия «гражданское общество». Н. Дж. Онуф в своей работе «Республиканская традиция в международной правовой мысли» (1998) подчёркивает, что латинский термин *civitas* соответствует смыслу греческого понятия *polis* [Onuf, 1998: 61]. Автор уточняет смысловую диспозицию таким образом, что, по-видимому, Аристотель определял *polis* как партнёрство или ассоциацию (*koinonia*), которую люди создают ради достижения общего блага (англ. *common good*) [Onuf, 1998: 61].

И действительно, в «Политике» Аристотель утверждает, что *общее благо* превосходит отдельные индивидуальные блага, и именно ради достижения общего блага люди вступают в ассоциации (сообщества). Тогда получается, как считал Аристотель, что *polis* – это высший тип гражданской ассоциации [Аристотель, 1983: 376-378].

Онуф утверждает, что, подобно греческому понятию «*polis*», латинское понятие «*civitas*» обрело академический статус в рамках западной исторической мысли с акцентом на сознательной, ответственной самоорганизации свободных людей с целью формирования важных, значимых взаимоотношений [Onuf, 1998: 61]. Гуго Гроций использовал взаимозаменяемым образом латинские термины *societas civilis* и *civitas*. Для Томаса Гоббса английские термины *city* и *civil society*, видимо, были синонимичными. А Джон Локк, в свою очередь, равнозначно применял выражения *civil society* и *political society* [Onuf, 1998: 62].

Европейское понимание идеи гражданского общества, по крайней мере, в западноевропейском и североамериканском вариантах, отнюдь не конституировались «вдруг», но явились результатом длительного и противоречивого исторического развития. Метафорически выражаясь, общество современного типа «выковалось в борьбе» за осуществление гражданских прав, вопреки тотализирующим идеологическим силам макиавеллиевского «Государства-Левиафана». Идея гражданского общества развивалась в постоянной борьбе за «место под политическим солнцем» в античном рабовладельческом полисе, пробивалось сквозь теократические социально-политические формы средневековья, эволюционируя вопреки давлению монархического абсолютизма, сопротивляясь унифицирующему рационализму Просвещения и выживая в условиях тоталитарных режимов XX века. А вот сегодня гражданские активисты готовы превозмочь неолиберальную стандартизацию, аксиологическое «выравнивание», изоляционистские тенденции мультикультурализма и ригоризм религиозно-националистического фундаментализма.

Терминологические проблематизации связаны не только с филологическими и герменевтическими штудиями, но указывают на борьбу политических идей. Западноевропейские мыслители, такие как Гроций, Гоббс, Локк, Руссо и другие, дают глубокий анализ аристотелевского выражения *koinonia politike* и Цицероновского *societas civilis*. В этих теоретических спорах рождаются идеи гражданского договора, политической автономии

и свободного объединения граждан. Эти размышления о потенциале и историчности гражданского общества, их способы реализации в ренессансном гуманизме представлены Питером Холлбергом и Бьёрном Виттроком [Hallberg, Wittrock, 2006: 28-53].

Уже выходя за пределы античных политических реалий и обращаясь к реальности существования посткоммунистических государств, Бернард Фогель показывает новые смысловые модуляции выражения *koinonia politike*. Он трактует его как «гражданское общество», совершая переход от аристотелевского к токвилевскому пониманию, а именно «гражданского партнёрства в деполитизирующихся обществах» (*civil participation in depoliticised societies*) [Vogel, 2008: 129].

Подведём итог рациональной рефлексии по отношению к феномену «гражданского общества». Начало философского анализа восходит, как говорилось выше, к античной философско-политической мысли и впервые концептуализируется Аристотелем в качестве *koinonia politike*. С работой Цицерона «О государстве» [Цицерон, 1966], понятием *civitas*, исторически связано последующее англоязычное выражение *civil society*, которое наиболее близко к базовому смыслу – *civitas* (гражданский).

Феноменально, идеологически и концептуально «гражданское общество» как значимый предмет обсуждения, обнаруживается очевидным образом, в европейской политико-философской мысли только в конце XVIII века. Этот процесс актуализации «гражданской» проблематики совпадает с многовекторной деятель-

ностью «просветителей», группы философов и учёных, которые подвергли фундаментальной ревизии основополагающие консервативные и авторитарные в своей сути принципы религии, идеологии, философии, образования и культуры. В этот период исторического времени можно зафиксировать дискурсивный «тектонический разлом» в понимании природы человека, свободы, гражданских прав, природы социума, значения социального договора, политики, движущих сил социально-политического прогресса и роли гражданского активизма в производстве социальности.

3.3. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРОГЕНЕЗА И ПРОДВИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Все современные процессы, которые рассматриваются на глобальной шкале с необходимостью должны быть размещены в контексте ноосферологических исследований. Изучение формирования современного глобального гражданского общества предполагает исследования в тех областях, где человечество осознанно и ответственно вступает в масштабные взаимодействия с планетарным социумом, природой, используя при этом высокие информационные технологии. Учёные, которые стремятся к пониманию закономерностей глобализирующегося мира, к пониманию механизмов трансформации глобализирующегося социума, неизбежно сталкиваются с пониманием сложности

проблем, связанных с «человеческим фактором», отсюда и необходимость исследования возможно широкого спектра ноосферных рисков. Для этого нужно освоить массивы фактического материала, усвоение новых познавательных практик и проработка современных ценностных стратегий в условиях экологического и климатического кризиса. Построение гражданского общества, а тем более, глобального гражданского общества, включение режима эффективности демократических преобразований с необходимостью требует построения нового мировоззренческого горизонта, формирование релевантных социальных, культурных, энвайронментальных, политических ценностей в условиях современной ноосферной реальности.

Значимым контекстом развития любых социально-политических процессов в современном мире являются глобальные трансформации. Уже в 90-е годы XX века, когда глобализационные процессы стали обретать более ясные формы, стало очевидно, что глобальные трансформации имеют комплексный и многоуровневый характер. Степень их эффективности во многом находилась в прямой зависимости от финансовых, политических и технологических инструментов. Огромное значение в структурировании глобального культурного пространства имели информационные технологии, а также финансово-экономические международные институты, транснациональные корпорации, военно-политические блоки и союзы.

В связи с этим можно утверждать, что глобализация – это не утопия, не миф, не теоретический кон-

структ, но сложнейший комплекс событийности. Это планетарная геополитика, осуществление геоэкономических стратегий, тренды международной экономики, соответствующая политика и идеология. Хотя некоторые авторы, в частности, Манфред Штигер, считают, что «глобализация» - это в большей степени неолиберальный политико-идеологический и экономический проект, нежели «естественный» всемирно-исторический процесс [Steger, 2003].

Как любое комплексное явление, глобальные трансформации являются объектом различных интерпретаций и потому неудивительно, что позиции исследователей носят диаметрально противоположный характер. Идеологическая составляющая играет немаловажную роль в формировании и динамике глобальных процессов в современном мире. Чтобы определить объективный характер планетарных трансформаций, необходимо прояснить специфику идейно-политического продвижения глобалистских стратегий. Выяснение идеологических аспектов, лежащих в основании продолжающихся противоречивых экономических и политических изменений, - необходимая ступень объективации глобализирующегося мира. Одной из задач исследования социально-исторического генезиса является выявление особенностей конструирования «глобализации» как идеологического концепта. Сегодня процесс глобальных трансформаций (или глобализации) продвинулся настолько далеко, что становится очевидным невозможность реализации иных сколько-нибудь значимых конкурентоспособных

проектов. Гиперскорость тотальной экспансии, которая присуща экономическим, технологическим, политическим стратегиям, основанным на глобальном мышлении, вызывает беспокойство и озабоченность фактически во всех интеллектуальных кругах научной, гуманитарной и политической элиты. По мнению Збигнева Бжезинского, в глобализирующемся мире необходимы новые правила для старых геополитических игр. [Brzezinski, 1998].

Для понимания природы глобальных трансформаций необходимо понять не только экономические и геополитические контексты современных событий, но также природу и специфику планетарных социальных процессов, инициатив построения гражданского общества. Методы социального конструктивизма также используются при теоретизировании темы гражданского общества и, тем более, тематизации глобального гражданского общества. Глобальное гражданское общество также находится в компетенции истории идей как дисциплины, изучающей генезис интеллектуальной традиции, трансформацию интеллектуальной деятельности, траекторию интеллектуальной истории. Как теоретическая дисциплина история идей непосредственно связана с эволюцией философской мысли, политической историей, историей искусства и культуры. Идея «глобального гражданского общества» наследует смыслы предшествовавшей ей идее «гражданского общества». Мери Калдор показывает, что термин «глобальное гражданское общество» (*global civil society*) стал использоваться в течение последних

десяти лет, хотя, как она отмечает, уже у Канта можно найти размышления об универсальном гражданском обществе (*international civil society*) [Kaldor, 2003b: 583].

Отдельные темы, которые были связаны с планетарным контекстом социально-политических событий ещё несколько десятилетий тому назад, вполне укладывались в понятие «космополитизм». Здесь несомненна идеологическая и этическая составляющие и реминисценции с философией античной школы киников. Однако те значительные трансформации, в основном, экономические, которые произошли в конце двадцатого века, заставили теоретиков сконструировать другую сетку понятий для более точного и объективного понимания текущей ситуации в мире. Ключевым понятием, схватывающим особенности нового мирового порядка, становится «глобализация». Как считает Калдор, это понятие, если акцентировать именно социально-политический его аспект, содержательно отражает «резкий рост взаимосвязанности государств, развёртывание системы глобального управления, появление большого числа движений, групп, сетей и организаций, которые участвуют в глобальных или транснациональных общественных дискуссиях, ставящих под вопрос абсолютный приоритет государства» [Kaldor, 2003b:583]. (*Перевод автора, В. Б.*)

Идея «гражданского общества» как ключевой социально-политический императив и общественно-значимая цель оказались сегодня привлекательны не только и не столько в западноевропейской социально-правовой культуре, но в большей степени в «новых

демократиях» Центральной Европы и Восточной Европы, в Латинской Америке и Восточной Азии. При этом произошла политическая «децентрация» понятия, благодаря тому, что появился новый концепт с новым содержанием – «глобальное гражданское общество» (*global civil society*). Этот новый концепт указывает на содержание с актуальной проблематикой – переход от национально-государственных форм (европейского типа) производства гражданского общества к наднациональным формам утверждения гражданских инициатив, противостоящих неоправданному насилию государства, с одной стороны, и сопротивления агрессивным маркетинговым стратегиям неолиберального глобального рынка (*neo-liberal marketization*). Большое значение для корректного анализа имеют локальный и региональный контексты социогенеза, что вполне учитывается авторами. Интегрируя свои исследовательские усилия, учёные создают целостную всеобъемлющую картину политических трансформаций, где ведущими силами оказываются свобода и стремление к демократии [Kaldor, 2003a].

В современном социально-философском дискурсе «выкованный столетиями» концепт *civil society* занимает важное место. Дело в том, что это не только объект теоретизирования «учёных мужей», но действенный социально-практический проект, затрагивающий судьбы отдельных граждан и влияющий на переформатирование социальной действительности в рамках современных государств. Однако и в повседневных политических практиках и в теоретических

дискуссиях словосочетание «гражданское общество» используется в различных интерпретациях участников дискуссий. И это не просто «спор о словах», но, в конечном счёте, спор о судьбах многих людей. Поэтому неудивительно, что экспертное сообщество стремится через «уточнение понятий» выйти на конструктивный диалог в отношении продвижения идеи гражданского общества. В коллективной монографии «Языки гражданского общества» (2006) под редакцией Питера Вагнера [Wagner, 2006] авторы занимаются «археологией смыслов», выделяя различные языки, смысловые пласты, многочисленные практики ранних, существующих и эмерджентных гражданских обществ. Фактически все исследователи согласны в том, что именно в Западной Европе сформировалась идейная, правовая и социокультурная матрица классического представления о сути и функциях гражданского общества. Авторы констатируют, что базовый смысл «гражданского общества», манифестированный в эпоху Просвещения, оказался некоторым образом предан забвению, но в последние десятилетия оказался востребован и возрождён.

Вопрос о границах и перспективах развития гражданского общества особо актуален, поскольку идеи, в том числе общественно-политические, становятся более мобильными и всепроникающими. Глобализация – это не только вездесущие потоки финансов, товаров и технологий, но также ускоренная циркуляция идей, в особенности политических и социальных. Поэтому исследования таких значимых феноменов, как гражданский активизм, гражданское общество, права человека

и других значимых приоритетов, важны для эффективной локализации в глобальном политическом пространстве. Глобальный контекст предполагает стандартизацию политических практик, в том числе деятельности структур гражданского общества, механизмов политической устойчивости в условиях перестройки авторитарных форм государственного управления. В то же время необходимо исследование взаимодействия между традиционными институтами власти и неолиберальными ценностями, которые находятся в основе идеологической платформы гражданского общества.

Тенденция объединения усилий до того разрозненных гражданских объединений и активных действий в направлении конструирования «глобального гражданского общества» наблюдается в начале и середине 90-х годов двадцатого века. Это происходит одновременно с противоречивым и непростым процессом экономической глобализации и борьбы за гражданские права. Комплексный мощный тренд - «глобализация» - во многом определяет внутренние и международные социальные процессы. Логичным и исторически преопределённым шагом стало появление такого феномена как «новые социальные движения» (*New Social Movements (NSM)*). Это важный фактор негосударственного влияния на современную международную политику. В своей работе «Глобальное гражданское общество: ответ войне» Мэри Калдор делает акцент на роли неправительственных акторов (*nonstate actors*) в производстве международных от-

ношений. Изучая поле международных отношений, Калдор делает отправной точкой перспективу гражданского активизма и при этом опирается на методологию конструктивистской традиции [Kaldor, 2003a].

Гражданское общество оказывает всё большее влияние на формирование третьего экономического сектора. Эта тенденция становится постепенно ведущей в формировании стратегий, которые направлены на достижение альтернативных социальных и глобальных гражданских инициатив. Идеология и практики гражданских объединений особенно стали актуальными в условиях стандартизации и унификации глобальных рынков. Такие глобальные акторы, как МВФ и Всемирный банк, используют сети гражданских обществ для реализации и экономических проектов. Однако в скором времени проявился феномен изначальной консервативности и нерецептивности стран «третьего мира» по отношению к западным формам демократии, социальным технологиям и оперативным тактикам гражданского активизма. Постепенно словосочетание «гражданское общество» стало востребованным в идеологических и манипулятивных дискурсах, наряду с «демократией» оказалось элементом прикладной политики. Эти соблазнительные эмансипирующие идеи, понятия и словосочетания стали идеологическими «ферментами» так называемых «цветных революций». «Гражданское общество», «права человека» и «демократия», на наш взгляд, являются важнейшими концептуальными и идейно-политическими ресурсами трансформации постинду-

стриального общества. Однако их принудительная имплантация в доиндустриальные и «квазипостиндустриальные» общества может привести к политико-социальному регрессу и экономической стагнации. Это специальная тема: «экспорт революций» и экзистенциальные риски для неустойчивых социумов.

Ключевые смыслы понятия «гражданское общество» постоянно трансформируются и всё больше зависят от культурно-исторического, социально-политического и экономического контекстов. Это смещение смыслов и практик в эпоху глобальных трансформаций показывают Джоди Йенсен и Ференц Мисливец в статье «Глобальное гражданское общество: от диссидентского дискурса к стилистике Мирового Банка» [Jensen, Miszlivetz, 2006]. Согласно авторам, идея гражданского общества из идеалистической плоскости переходит неизбежно в социально-экономическую, особенно если это касается масштабных, глобальных инициатив.

Чтобы защититься и утвердить свои принципы в планетарном масштабе, гражданское общество должно быть активным и опираться на современные экономические механизмы, инновации, широко используя новейшие информационные технологии. Сегодня достижение глобального эффекта возможно только через многократное увеличение скорости информационных потоков и «сетевого маркетинга», идёт ли речь о музыке, фильмах, литературе, спорте, политике, гражданских правах и свободах. Теоретик «глобального гражданского общества» Дон Эберли в своей книге

«Восхождение глобального гражданского общества: конструирование сообществ и наций заново» (2008) [Eberly, 2008] проводит идею необходимости фундаментального обновления человеческой цивилизации на основе новых принципов.

Он убеждён в преимуществе активной гражданской позиции продвижения общечеловеческих ценностей на глобальной шкале. Эберли открыто говорит об американском экспорте активных структур гражданского общества. Он считает, что современное глобальное гражданское общество создаётся благодаря первой глобальной революции общественных объединений (*first global associational revolution*). Движущими силами этой революции он видит: некоммерческие организации, неправительственные организации, тысячи гражданских, профессиональных и правозащитных групп (*nonprofits, NGOs, and thousands of civic, professional, and advocacy-oriented groups*). Они связаны между собой благодаря современным технологиям и продвигают демократические ценности по всему миру (*promoting democratic values worldwide*). Координируя свои усилия (не в последнюю очередь через социальные сети) гражданские объединения посредством активной деятельности должны, по его мнению, обеспечить взрывное расширение глобального гражданского общества. Автор утверждает, что это – наиболее значимый американский экспорт (*America's most consequential export*), представляющий величайшую надежду (*greatest hope*) для экономического и политического прогресса [Eberly, 2008:IX].

Детерминантами развития глобального гражданского общества являются информационные планетарные потоки, социальные сети, гражданский активизм, которые пытаются контролировать авторитарную деятельность государственных учреждений, коррупционные злоупотребления и монополию капиталистических мегакорпораций. На наш взгляд, несколько упрощая это многофакторное поле, эксперт по проблемам глобального гражданского общества Джон Кейн определяет особенности идеи глобального гражданского общества в книге «Глобальное гражданское общество?» [Keane, 2003].

Он акцентирует внимание на новых путях конструирования демократии, глубинных потребностях во всё большей демократизации. Автор отмечает сложнейшие условия глобализирующегося мира, учитывая наличие планетарной информационной инфраструктуры. Кейн в основном рассматривает потенциал новых социальных движений, выделяя непредсказуемость такого важнейшего фактора, как глобальный, корпоративный «турбокапитализм» (*turbocapitalism*), и отмечает значительное влияние политических институций «космократии» (*cosmocracy*). Анализ ключевых факторов даёт вполне реалистическую и ясную картину, заставляет более точно прогнозировать будущее глобального гражданского общества. Вопрос об осуществлении идеи глобального гражданского общества через значимые детерминанты является ключевым для теоретиков и практиков, поскольку именно объективная картина развёртывания институций, ор-

ганизаций и практик позволяет говорить о реалистических стратегиях построения нового справедливого миропорядка на основе признания главенства универсальных политических ценностей.

Основная методологическая проблема при изучении глобального гражданского общества заключается в определении его содержательных характеристик и социально-политических границ. Предметом исследования оказывается гражданское общество в глобализирующемся мире. Ясно, что современное гражданское общество в условиях планетарного информационного пространства не определяется исключительно национально-государственными границами. Его «физическая», «индивидуальная» основа сегодня дополнена, расширена, определена во многом социальными сетями, которые уже изначально глобальны и трансконтинентальны.

В академическом знании существует проблема операциональности определения. Это не схоластические спекуляции, но актуальный вопрос, связанный с релевантностью и точностью методов научного познания. Процедуры операционализации непосредственно близки определению и границам применимости понятия «глобальное гражданское общество». На первый план выходит задача смысловой избыточности в силу чересчур частотного употребления понятия в различных текстах и контекстах. Джон Кейн в своей работе «Гражданское общество» [Keane, 1999] показал, как термин «гражданское общество» за последние два столетия трансформировался в популярное понятие,

поскольку оно оказалось востребованным и даже необходимым в профессиональной среде политиков, академических исследователей, журналистов, «капитанов бизнеса» и, конечно же, в кругах гражданских активистов.

Исторический подход позволил автору выявить наиболее значимые способы операционализации понятия. Экспозиция научных дискуссий между специалистами в области политических наук в трактовках и уточнении смыслов «гражданского общества», выделение основных пересекающихся подходов в интерпретации понятия – несомненная заслуга автора. Впечатляющая эрудиция позволяет исследователю развернуть целостную социально-политическую картину, определить историческую траекторию движения смыслов термина «гражданское общество». Начиная с первых этапов его формирования, от зарождения первых отрефлексированных значений в странах Западной Европы к расширенному применению в рамках политической культуры США и, затем, превращением его в глобальный политико-идеологический слоган. Кроме того, рассмотрены конкретные приложения понятия, его социокультурная и политическая «локализация» в Южной Африке, Южной Корее, Китае, странах Восточной Европы. Кейн стремится доказать, что адекватное применение понятия «гражданское общество» помогает выявить скрытый смысловой потенциал и «перезагрузить» привычные трактовки «власти», «собственности», «насилия», «политики», «национализма» и «демократии» [Keane, 1999].

Ввиду этой концептуальной размытости следует ограничить смысловое поле «глобального гражданского общества» ключевыми характеристиками, с необходимыми и достаточными коннотациями. Под глобальным гражданским обществом (global civil society) понимается такое гражданское общество, которое постоянно трансформируется в условиях информационной революции на глобальной социально-политической шкале. Оно состоит из разнородных многочисленных групп, гендерно и социально неоднородных, с различными формами организованности, и прочно связано с другими организованными группами. Несмотря на разнородность организаций, обнаруживает общие черты: движение к демократизации поверх государственных границ, открытость, стремление к общечеловеческим (универсальным) ценностям. Актуальная специфическая особенность глобального гражданского общества состоит в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. В этой связи укажем на двойственную природу глобального гражданского общества, которая характеризуется наличием национального «паспортизированного» гражданства и «виртуализированными» формами социально-политической деятельности в условиях глобального информационного киберпространства. Понятно, что отчётливая конфигурация и процедуры «картографирования» гражданского общества и тем более глобального гражданского общества объективно затруднены. Социальные структуры, обеспечивающие функционирование глобально-

го гражданского общества, развиваются из существующих интернациональных взаимодействий с тенденцией к формированию глобальных социальных сетей [Buzan, 2004].

Уточняя далее предмет исследования, отметим, что социально-политическая идентичность или соответствие тех или иных групп граждан с деятельностью «глобального гражданского общества» затруднены рядом обстоятельств. Зачастую происходит упрощение ситуации в силу искусственного ускорения процесса демократизации без учёта культурно-исторических реалий. Эта «торопливость» определённый чревата «откатом» от ценностей гражданского общества в силу неготовности традиционных политических культур к кардинальным переменам системы ценностей (с «восточных» на «западные»). Коллизии «арабских революций» 2010-2011 годов отражают эффекты и дефекты «экспорта демократии». Проблема гомогенизации социально-политического регионального и планетарного пространства симметрична проблеме «культурного империализма» и культурной глобализации. Необходимо производить уточнения относительно того, как происходят многоуровневые глобальные трансформации, как конкретные феномены гражданского достоинства могут быть проявлены и интегрированы в «глобальное гражданское общество». Хотя цели и формы деятельности гражданских объединений могут находиться в противоречии друг с другом. Например, группы борющиеся «за права женщин» и группы борющиеся «за права мужчин» (в од-

ной и той же стране, по крайней мере), очевидно, не могут механически объединиться.

В операциональном плане использование академического выражения, словосочетания «глобальное гражданское общество» предполагает специальную трактовку этого качественно нового негосударственного социально-политического (*new non-state-based*) феномена. Дело в том, что такие его свойства, как отсутствие отчётливых государственных барьеров этого политического сообщества (*border-free expressions of political community*), отсутствие территориального суверенитета и др., создают определённые проблемы, связанные с политической, социальной и этнонациональной идентичностью «глобальных граждан». Тенденция к демократизации институтов глобального управления, расширение движений борьбы за гражданские права в международном правовом поле, появление потребности в глобальном гражданстве (*global citizenry*), расширение общественной сферы высказывания и активизма до всемирных масштабов требуют поддержки и инвестиций (времени, финансов и политической поддержки). В этом случае трансформации гражданского общества по направлению к глобальному гражданскому обществу будут эффективными.

Более проявлена противоречивость отнесения к «гражданскому обществу» социальной активности групп, продвигающих защиту религиозных ценностей. В ряде стран так называемой «арабо-мусульманской дуги» в начале 2011 года произошли социальные волнения. Причины их были разными, и многое зависело

от этнокультурных исторических особенностей отдельных стран. Но, например, в Бахрейне и Саудовской Аравии одним из центральных источников конфликтов является многовековая «борьба за религиозные права» шиитов и суннитов. Сходная ситуация с борьбой за религиозные права общин в Ираке и Иране. Можно ли эти формы активности гражданских религиозных групп отнести к «сегментам» интегрирующегося глобального гражданского общества? По логике развития глобального гражданского общества, протестующие группы бахрейнских шиитов должны объединиться с протестующими группами саудовских суннитов на глобальной шкале, поскольку и те, и другие выступают против государственных структур, ущемляющих (по их мнению) религиозные интересы. Такая сложная ситуация в отношении продолжающихся «культурных войн» имеет место не только в Бахрейне и Саудовской Аравии. Представить себе суннитско-шиитский религиозно-гражданский «единый фронт» против бахрейнской и саудовской монархий затруднительно. Политически конъюнктурная метафора «арабская весна», работая в режиме политической стратегии соблазна, по сути, маскирует существо сложнейших, противоречивых, жестоких и непрогнозируемых социально-политических конфликтов, вызывая в конечном счёте разочарование (disappointment) и дискредитацию позитивной идеи гражданского общества.

На наш взгляд говорить сегодня о глобальном гражданском обществе как «социальной данности»,

«социально-политической реальности», устойчивой транснациональной социальной сети нельзя. Но можно рассматривать эти противоречивые и специфические формы борьбы за гражданские права как некие значимые тенденции. Сегодня «глобальное гражданское общество» представляет собой общественно значимый позитивный проект, а в реальности «здесь и сейчас» это конгломерат групп и движений, объединяемый некоторыми идеалами построения справедливых отношений граждан и государства. В силу различий в понимании социальных, этических, культурных и религиозных ценностей специфические отдельные группы, относимые к «гражданскому обществу», пока что невозможно связать функционально и организационно в целостное «глобальное гражданское общество».

Нужно отметить к тому же, что некоторые формы гражданской деятельности ситуативны, неустойчивы, противоречивы, ангажированы крупными финансовыми корпорациями и сконструированы влиятельными политическими партиями. До сих пор, например, неясен характер, цели и направление действий гражданской по форме, но коммерческой (по методам деятельности) украинской общественной организации «Femen», с профессиональной режиссурой скандальных перформансов, мощнейшими PR-технологиями и масс-медийной «раскруткой». Количество журналистов и фотографов на некоторых таких акциях насчитывается десятками. Также необходимо указать на имеющиеся широкие возможности исполь-

зования выражения «гражданское общество» как успешно работающего социально-политического и идеологического «лейбла» в корыстных целях. Специфика современного политизированного общества, которое вполне доказательно Ги Дебор показал как «общество спектакля», позволяет часто злоупотреблять важными и значимыми общечеловеческими идеалами и ценностями.

В то же время, нужно признать, что, независимо от манипуляций ценностями и идеалами, ключевые цели формирования глобального гражданского общества - эффективные практики - заставляют государственные институты и структуры всё чаще учитывать фактор поднадзорности чиновников в осуществлении их деятельности по отношению к гражданам и гражданским группам. Это снижает пресс господства государственной власти и увеличивает влияние гегемонии гражданского общества. Неуклонно происходит социально-политический сдвиг и переформатирование стратегий «надзора» и «наказания», замещение этих грубых инструментов времён европейского абсолютизма, коммунистического и фашистского тоталитаризма. Укрепляются высокотехнологичные формы «контроля» и манипулятивные формы психологического «самоконтроля» в условиях современного глобального корпоративизма. Это весьма значимая и широкая тема. Исследователи рассматривают социально-историческую эволюцию корпоративизма [Wiarda, 1996], основные варианты политической и организационной деятельности [Williamson, 2010], а также роль

корпораций в управлении глобальными трансформациями с целью установления нового мирового порядка [Grupp, 2009]. Наряду с традиционализмом, национализмом и автаритаризмом, корпоративизм является препятствием для осуществления прав индивидуума в глобализирующемся мире.

3.4. ПРОБЛЕМА ИЗМЕРИМОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискуссии о демократии, её природе, значении для прогрессивного общественного развития не прекращаются уже более двух тысяч лет. Платон, Аристотель, Цицерон и другие античные мыслители связывали воедино вопросы самореализации личности и производство власти государственными институтами. Вопросы о природе и значимости гражданского общества также имеют длительную интеллектуальную историю. В связи с радикальным геополитическим и социокультурным переформатированием мира после окончания «Холодной войны» в начале 1990-х тема гражданского активизма, правовых, экономических и политических аспектов функционирования гражданского общества стала актуальной. Её дальнейшее развитие и усложнение связано с обсуждением феномена «глобальное гражданское общество». Гражданское общество конституируется «на разных скоростях» в зависимости от исторических, культурных и экономических условий. По-

литико-культурные метафоры «Запад» и «Восток», «Север» и «Юг» схватывают фундаментальные различия между регионами мира. Их различия складывались тысячелетиями, исторические, культурные, экономические и политические особенности сказываются на темпах и направленности гражданских инициатив. Поэтому характерны исследования, учитывающие специфику и особенности, а также перспективы построения гражданского общества в Китае, чему посвящён сборник работ под редакцией Тимоти Брука «Гражданское общество в Китае» [Brook, 1997].

Непреложным фактом является увеличивающееся воздействие гражданского общества на экономическую, социальную и политическую жизнь современного социума. Организованные группы граждан, борющихся за свои интересы, стали активными и влиятельными игроками на поле общественно-политической деятельности. Для изучения этого сложного и динамичного феномена недостаточно философского теоретизирования и только лишь вербальных средств описания. В научном исследовании необходимым элементом является процедура операционализации понятия через сближение теоретических конструкторов и конкретизированного предмета изучения. Здесь должны быть задействованы логические инструменты и строгий эмпирический анализ рассматриваемого явления. Гражданское общество, а тем более глобальное гражданское общество, подвержены «смысловой инфляции», как, впрочем, и другие востребованные социально-политические понятия

(например, «демократизация»). Помимо теоретических исследований феномена гражданского общества и глобального гражданского общества также появляются попытки эмпирических исследований темы. Одной из удачных попыток «отсечения» реального положения дел от спекуляций и корыстной риторики «по поводу гражданского общества» является система эмпирического измерения свойств и специфики гражданского общества. Комплексным исследованием такого рода стала работа Хельмута Энхиера «Гражданское общество: измерение, оценивание, методика обработки данных» (2004) [Anheier, 2004].

Отметим, что в пылу общественно-политических дебатов смещается эпистемологический фокус исследования, растворяется предмет изучения, например, границы прав человека, демократии и безопасности гражданских инициатив. Поэтому неудивительно, что исследователи-эксперты всё чаще прибегают к методологическим средствам для более точного, предметного анализа состояния дел в сфере гражданского активизма и государственной политики, с ним связанной. Помимо «сухих данных» в книге имеются различные интерпретации многовекторных изменений современного гражданского общества. Наиболее важной, на наш взгляд, оказывается прикладная часть работы, поскольку выдвигается программа обеспечения благоприятных условий для установления полезного диалога между гражданскими группами и продуктивного взаимодействия между гражданским обществом, государством и бизнесом. Используется широкий

спектр индикаторов и данных для глубинного измерения слабых сторон, сильных преимуществ и эффективности гражданского активизма. Определяются стратегии и тактики для осуществления оптимальных вариантов деятельности. Изначально гражданское общество, а затем и глобальное гражданское общество, имели как дескриптивное, так и нормативное содержание, утверждает Калдор [Kaldor, 2003a].

Слово «глобализация» стало настолько частотным в академической сфере, журналистике и политической риторике, что иногда воспринимается как ничего не значащее клише. Такая же, а может, и ещё большая, опасность превратиться в просто «красивую фразу» или стать очередным «политтехнологическим гаджетом» угрожает феномену «глобальное гражданское общество». Ведь его свойства, характеристики и тенденции развития ещё более проблематичны, чем у «гражданского общества». Границы «глобального» онтологически размыты, «глобальное гражданское общество» в действительности локализовано в деятельности гражданских групп и неравномерно проявлено на разных континентах. В первом томе компаративного исследования «Глобальное гражданское общество: измерения некоммерческого сектора» под редакцией Лестера Селмона, Регины Лист и Войцеха Соколовски [Salamon, List, Sokolowski, 1999] масштабируется «карта» глобального гражданского общества, проводится сравнительный анализ планетарного движения к самостоятельности, автономности и правовой обеспеченности гражданских инициатив.

Некоторая «эфемерность» глобального вообще и глобального гражданского общества в частности настоятельно требует «опредмечивания» и конкретизации. Поэтому процедуры измерения конкретных параметров общества здесь ещё более актуальны. Базирясь на научно-исследовательской программе изучения негосударственного сектора в Институте Джона Хопкинса (*Johns Hopkins Institute international comparative nonprofit sector research*), учёные провели сравнительное систематическое исследование, главным образом экономических индикаторов, отражающих деятельность некоммерческих организаций (*nonprofit sector*) в 22 странах мира. В качестве объектов изучения были включены гражданские общества развитых и развивающихся стран. Западная Европа представлена Бельгией, Великобританией, Германией, Ирландией, Испанией, Нидерландами, Финляндией, Францией; Центральная и Восточная Европа - Венгрией, Польшей, Румынией, Словакией и Чехией; Латинская Америка – Аргентиной, Бразилией, Колумбией, Мексикой и Перу; рассмотрены также Австралия, Израиль, США и Япония [Salamon, List, Sokolowski, 1999].

В многолетней исследовательской программе приняли участие 150 экспертов. Таблицы и графики делают исследование прозрачным, эмпирически фундированным и академичным. Выводы и комментарии уточняют результаты компаративных исследований глобального гражданского общества. Теоретические размышления уравновешены прикладными рекомендациями.

Позднее авторы расширили предмет изучения глобального гражданского общества. Во втором томе комплексного сравнительного исследования «Глобальное гражданское общество: измерения некоммерческого сектора» под редакцией Лестера Селмона и Войцеха Соколовски [Salamon, Sokolowski, 2004] с помощью эмпирических методов были определены границы, масштабы, структурные особенности и содержание, а также финансово-экономический потенциал гражданских объединений и гражданского общества в целом.

Дискуссии о том, какова природа глобального гражданского общества, насколько оно реально, каковы его параметры и свойства, были, есть и будут продолжаться. Для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, исследователи стремятся доказать, что «глобальное гражданское общество» действительно существует, ему присуща эмпирическая очевидность, и поэтому оно измеримо. Путём ввода многочисленных количественных и качественных социально-экономических характеристик эксперты показывают, что этот новый тип общества – не абстрактное словосочетание и не социально-политический конструкт. Особое внимание уделяется исчислимым признакам существующих благотворительных организаций (*charity*).

Несколько позже другая группа исследователей в рамках проекта CIVICUS продолжила изучение состояния гражданского общества на глобальной шкале. Одной из сложных методологических проблем уже второй десяток лет является вопрос о точном опреде-

лении того предмета, который номинируется как «гражданское общество». Ещё больше эпистемологических коллизий с «глобальным гражданским обществом». Кого считать социальным актором? Где заканчивается конфликт между гражданскими объединениями и государством и где начинается этап сотрудничества и взаимодействия граждан и государства? На эти и другие вопросы пытаются дать ясные и фактически обоснованные ответы авторы двухтомной работы «CIVICUS Глобальный обзор положения дел в гражданском обществе» (2007) [Heinrich, 2007]. Ответственный редактор исследования В. Ф. Хайнрих – директор программ по изучению сетей глобального гражданского общества CIVICUS (*Director of Programmes for the global civil society network CIVICUS*).

Международный проект CIVICUS Civil Society Index (CSI) (Индекс гражданского общества) с участием сотен исследователей и организаций направлен на получение детального и проработанного описания гражданских структур, гражданских инициатив, гражданских объединений, действующих в различных странах мира и представляющих значимые альтернативы деятельности государственных органов власти. Наряду с обработкой краткосрочных индикаторов (*short-term indicators*) используется многофакторный анализ, позволяющий изучить долгосрочные сложные процессы (*long-term complex processes*) формирования глобального гражданского общества. Использованы сведения о гражданских обществах 44 стран. На основе кратких справочных данных, размещённых в десятках

таблиц, сделан сравнительный анализ гражданской вовлечённости в общеполитические процессы, демократизации обществ, уровня коррупции, наличие социального капитала, гендерной справедливости, уровня здравоохранения. Кроме оценки положения дел авторы делают рекомендации с целью оптимизации позитивных тенденций укрепления гражданских инициатив в планетарном масштабе. В ходе своего становления гражданское общество постоянно сталкивается с проблемами, организационными, идеологическими, коммуникативными и другими. Учёные, занятые в международном проекте CIVICUS, систематически описали и проанализировали ключевые направления развития глобального гражданского общества во втором томе «CIVICUS Глобальный обзор состояния гражданского общества» (2007) под редакцией В. Ф. Хайнриха и Л. Фиорамонти [Heinrich, Fioramonti, 2007]. В исследовательское поле попало более 45 стран на разных континентах.

Стержневым вопросом для понимания роли гражданских обществ и гражданского активизма были взаимоотношения граждан и государственных структур. Учёные сосредоточились на теме свободы предпринимательской деятельности в развитых и развивающихся странах. Ведущими в изучении глобального гражданского общества становятся методы компаративного анализа. Учитывая то, что глобальные трансформации и динамика развёртывания гражданских инициатив в информационном пространстве становится неуклонной тенденцией современности, пред-

ставляется необходимым проведение широкомаштабных исследований глобальной составляющей формирования гражданского общества.

Изучая динамику глобальных процессов, необходимо рассматривать экономические, технологические, политические, социальные и культурные измерения в систематической связи. Одним из ключевых измерений глобализации является социальное бытие. Глобальная социальная интеграция возможна лишь посредством формирования гражданского общества. Разнообразные социальные импликации глобальных изменений - это, несомненно, актуальная тема, показывает Рафаэль Каплински, раскрывая механизмы накопления социального груза бедности и неравенства как побочных эффектов планетарных трансформаций [Kaplinsky, 2007]. Глобализация – это историческое многоуровневое и многомерное явление. Различные социумы как на локальном, так и на региональном уровнях проходят этапы социально-политической, культурной и экономической глобализации с различными скоростями. Уже проявлены, хотя и не до конца прояснены, позитивные и негативные последствия глобальных изменений для формирования современного общества. Рафаэль Каплински стремится сбалансированно рассмотреть «плюсы» и «минусы» этого противоречивого движения. Комплексная глобальная экономика рассматривается автором в историческом контексте и предметно. Он анализирует конкретные социально-экономические события в Африканских и Латиноамериканских странах. Акцент сделан на фено-

менах бедности и социального неравенства, характерных для глобализирующихся континентов. В условиях глобальной экономики исключена опция эксклюзивности. Богатые постиндустриальные страны, выйдя «на стартовую позицию», значительно раньше других создали такие «правила игры», которые удобны для «вечных победителей». Однако, как показывает Каплински, некоторые прежде беднейшие страны (Китай), приняли жёсткие условия «взрослой игры» и сегодня уже вошли в лидирующую группу стран-глобализаторов. Здесь необходим исторический подход для понимания современного положения дел. Глобальные трансформации проходили и проходят неравномерно, во многом через интенсификацию региональных связей. Японо-китайские отношения как элемент восточно-азиатской регионализации анализирует Тимоти Брук [Brook, 2007].

Наиболее динамичной составляющей планетарных трансформаций становится формирование глобального гражданского общества. Специфика и важная организационная особенность многочисленных групп гражданского общества состоит в том, что они неоднородны по составу, организованности, связям с другими группами и, находясь в различных государственно-правовых средах, сильно отличаются формами выражения протеста. В состав глобального гражданского общества могут входить некоммерческие организации, религиозные общественные движения, студенческие организации, ученые, объединённые в профессиональные сети, художники и музыканты, этниче-

ские группы и так далее. В структурном плане глобальное гражданское общество представляет собой очевидную гетерогенность групп, видов социальной активности и социальных сетей. Несмотря на явную аморфность такого «пёстрого» «общества обществ» (society of societies), Кейн (Keane), автор книги «Глобальное гражданское общество?» (2003) [Keane, 2003], вопреки реальной диссоциации (разобщённости) гражданских обществ на глобальной шкале настаивает на том, что эта очевидная мозаичность и неконсолидированность, широкая «ассамбляжность» (vast assemblage of groups) всё же могут рассматриваться как некое надгосударственное специфическое гражданское образование – society of societies.

Общими чертами такого общества являются: открытость, движение к расширению демократии, стремление к общечеловеческим (универсальным) ценностям. Гражданское общество, а тем более глобальное гражданское общество, не существует само по себе. Есть историко-культурный, социально-политический и экономический контекст. Именно экономическому, а точнее, финансовому аспекту формирования гражданского общества в планетарном измерении посвящена книга под редакцией Албрехта Шнейбела и Яна Аарта Шолте (кстати, всемирно признанного эксперта в области глобальных исследований, *contemporary globalisation studies*) «Гражданское общество и глобальные финансы» [Schnabel, Scholte, 2002]. Качественный анализ развития глобального гражданского общества в контексте финансовой гло-

бализации представлен статьями двадцати авторов. Важно отметить, что это не только теоретики, но также государственные чиновники, ответственные за принятие значимых решений (*decision-makers*), и гражданские активисты. Все контрибьюторы представляют пять континентов, поэтому острые дискуссии о гражданском обществе и глобализации размещены, поистине, «на глобальной шкале».

Выводы. Вопрос о природе и сущностных особенностях глобального гражданского общества решить не просто в силу объективных обстоятельств. Дело в том, что феномен гражданского общества и его актуальная теоретическая рефлексия связаны с расширением ноосферной реальности и динамикой ноосферогенеза. Феномен «глобализации» стал предметом теоретических исследований в 1990-2000 годах. То есть по историческим меркам эти явления ещё недостаточно развиты и находятся в процессе становления, разнонаправленности, противоречивости. Однако, информационное общество (инфосфера) как часть ноосферы создаёт новые оптимальные условия для продвижения идеи гражданского общества и глобального гражданского общества. Тем более, что концепт «глобальное гражданское общество» оказывается в большей степени социально-политическим конструктом, и, скорее может быть описан как новый интеллектуальный феномен, как «тенденция», «проект», «утопия», в большей степени, чем очевидная, эмпирически обоснованная социально-политическая реальность.

Необходимо выделить вопрос о значении и роли акторов глобального гражданского общества (*global civil society actors*). Нужно знать, что собой представляют «движущие силы» и «мотиваторы» развёртывания интенсивной деятельности и стратегий глобализации гражданской активности в различных странах и регионах. Другой вопрос связан с производством технологий конструирования гражданского общества и их действенности, результативности на локальном и на глобальном уровнях. Здесь уместно говорить о специфической «топологии гражданского общества», то есть о локальных пространствах *civil society* и глобальном пространстве *civil society*.

В этой связи необходим постоянный аналитический мониторинг политической риторики и конкретных действий, проявляющихся в спонтанном, запланированном и манипулируемом гражданском активизме. Тогда и обнаруживается ясно диспозитив глобального гражданского общества. Такая гносеологическая ситуация создаёт эффект гиперреальности и социального, и глобального способов бытия человека. Проявляются более очевидным образом элементы реализма, утопичности проектов и риски конструирования социальной реальности посредством технологий сугубо «виртуальной гражданственности».

РАЗДЕЛ 4.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

4.1. ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наиболее очевидным доказательством глобализации социального мира является реализация проекта построения глобального гражданского общества. Идея гражданского общества появилась в античности, она связана с именами Аристотеля и Цицерона. В эпоху Гуманизма и Нового времени теория и практика гражданских инициатив постоянно расширялась и укреплялась в странах Западной Европы. Космополитические идеи И. Канта, выраженные отчётливо в работе «К вечному миру» (1795). В другой работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант утверждает: «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена [Кант 1966 (6): 15]. Буржуазные революции в Европе и Северной Америке позволили конституционными средствами утвердить идею гражданского общества и осуществить её в реальной политической деятельности свободных индивидуумов. С началом цифровой эпохи, экспоненциальным ростом электронных средств коммуникации, по-

явлением глобальной информационной сети (Интернет) как локальные гражданские организации, так и планетарные гражданские сети получили мощный коммуникативный ресурс для пропаганды демократических инициатив, самоорганизации и формирования собственно глобального гражданского общества. Но в пропаганде глобализации социума есть также и «тёмная сторона» информационной эры, о которой пишет Евгений Морозов: цифровое неравенство, нарушение авторских прав, нарушение конфиденциальности, мультипликация дезинформации и оскорблений личности, экономический ущерб, тотальная поднадзорность и др. [Morozov, 2011]. Это старая дилемма, взвешивание преимуществ и негативных последствий технических инноваций.

Она решается контекстуально, конкретно и контингентно. Поэтому различные аспекты, иногда диаметрально противоположные, в ходе развития научно-технического прогресса и, в частности, социокультурные импликации информационной революции необходимо иметь в виду и рассматривать соответствующим образом. Открытость и доступность передовых технологий – это одно из условий существования демократического общества и продвижение инициатив глобального гражданского общества.

Наиболее значимым технологическим проектом последней трети XX века стала информационная революция. Её значение для ускоренного развёртывания ноосферы трудно преувеличить. Это очевидно, поскольку информационные технологии создали расши-

ряющуюся, надёжную и эффективную глобальную сеть коммуникаций, в которую вовлечены правительства всех государств, предприятия, организации, университеты, школы и миллиарды граждан во всём мире [Okin, 2005].

Для этого необходимо иметь доступ к аппаратам для обработки информации, её хранения и свободного распространения. Более 2 миллиардов человек сегодня регулярно используют интернет-ресурсы. И ещё большее количество людей имеют мобильные устройства, большое количество которых предназначено и для коммуникации без ограничения расстояний, и для интерактивной работы с Интернет-траффиком. Это позволяет утверждать, что информатизация – один из ключевых ресурсов высокотехнологичной глобализации и формирования организационной деятельности гражданского общества.

Наиболее очевидной эмпирической формой существования киберкультурной реальности являются коммуникативные сети (главным образом глобальные), обеспечивающие высокоскоростную межличностную, производственно-финансовую, образовательную, научную и корпоративную коммуникацию. Самой мощной информационной глобальной системой с широким доступом к большинству стратегических познавательных ресурсов является Интернет. Эта планетарная высокотехнологичная система интегрирована с телекоммуникациями и спутниковой мобильной связью. Технологические, экономические, правовые и культурные основания интернет-коммуникации яв-

ляются составляющими частями информационного общества. Моделирование сложных процессов, включающих «человеческий фактор», неизбежно предполагает принятие концепций, напрямую связанных с эволюцией информационного общества. Например, Дэвис, Миллер и Рассел используют модель информационной революции для изучения роста потенциала современных бизнес-стратегий [Davis, 2006]. История формирования, структура и функции этого общества уже давно стали предметом исследования социальных теоретиков. Информационное общество является приоритетным объектом исследований для ноосферологии.

Как базисная инфраструктурная составляющая постиндустриального мира информационное общество значительно ускоряет процесс социально-экономической эволюции. Поэтому инфосфера как часть техносферы должна рассматриваться в более широком контексте развития – эволюции ноосферы. Информационное общество главным образом включает в себя технологический и коммуникативный аспекты, в то время как постиндустриальное общество включает в себя также экономический, геополитический, культурный, социальный, образовательный и другие. В ходе своего развития информационная революция сталкивается с проявлением специфических проблем. Прежде всего это касается вопросов этического и социального характера [Kizza, 2010].

Фундирующей производственной единицей информационного общества становятся компьютеры, в основном подключённые к глобальной сети Интернет.

Вначале цифровой эпохи это были стационарные вычислительные машины, позже – лэптопы, сейчас планшетники, коммуникаторы и мобильные телефоны. Они позволяют выполнять огромное число операций в течение короткого интервала времени – миллиарды операций в секунду, что значительно ускоряет развитие интеллектуальных технологий, коммуникативных интеракций, научной, образовательной и экономической деятельности.

В информатизированном обществе промышленная деятельность как сугубо экономическая составляющая утрачивает определяющее значение. Эксперты обоснованно говорят об «экономике знаний», «обществе знаний», «индустрии знаний». Очевидно, что общество знаний нуждается в постоянном совершенствовании и усилении информационных технологий и расширении системы дистанционного образования [Weert, 2004].

Необходимо отметить, что общество знаний прочно ассоциируется с ростом научно-технологического знания и вездесущностью информационных технологий. Социальные процессы и интенсивность социальных отношений непосредственно зависят от информационной обеспеченности индивидумов и организаций, как отмечают Бёме[Böhme, 1986] и Штир [Stehr, 2005]. Информационное общество для постоянного роста нуждается в эффективном менеджменте инновационных процессов. Во многом удачно используемые инновации, инновационные стратегии создают технологически интенсивную эко-

номику. Динамическое взаимодействие между менеджментом знаний и инновациями позволяют реализовать экономически и социально успешные проекты, показывают Мот и Форэй [Mothe, Foray, 2001]. Поскольку рационализированные знания стали стратегическим ресурсом цифровой эпохи, то управление производством и потоками знаний – это теперь важнейшая задача, показывает Нико Штир [Stehr, 2003]. Исследователь также развивает сравнительно новое направление – *knowledge politics*, что релевантно выражению - «продвижение политических инициатив и стратегических исследований производства и функционирования научно-технологических знаний в условиях информационного общества». Согласно Штиру, развитие биотехнологий, нейрогенетики, когнитивных наук, нанотехнологий, информационных технологий сулит значительное усиление человеческих возможностей и в то же время эти технологии увеличивают количество биосоциальных рисков [Stehr, 2006].

Тотальная информатизация усилила постиндустриальный аксиологический сдвиг в сторону актуализации так называемых «постматериалистических ценностей». Широко обсуждаются системы новых ценностей (иногда декларативно), формируется идеология постматериалистических ценностей с поправкой на истощение энергетических и других ресурсов в тени глобальных климатических изменений. Концепция постматериализма, выдвинутая американским исследователем Роналдом Инглхартom в конце семидесятых годов прошлого века, актуальна в современном

посткризисном глобализирующемся мире. По мнению Дача и Тейлора, продвижение постматериалистической идеологии основано на тесной взаимосвязи экономического развития и расширения образовательных практик [Duch, Taylor, 1993].

Постмодернистское мировоззрение оказалось логическим следствием комплекса аксиологических сдвигов, произошедших в результате осуществления материалистического проекта – «общества всеобщего благоденствия» - в западном мире (70-е годы). Мыслители постмодерна не создали, но констатировали ряд феноменов, таких как упадок религиозности, разрушение классовой солидарности. Исчерпали себя идеологии протестанской этики накопления, зацикленность на постоянном росте материального производства, культ потребления выродился в навязчивый «шоппинг». Ортодоксальное рыночное мышление, ранее успешные стратегические направления деятельности и в особенности тактическая тотальная конкуренция, эгоцентризм и гедонизм становятся «немодными» и контрпродуктивными. Такие тенденции свидетельствовали о серьёзном кризисе материалистических ценностей. Наряду с этим появлялись и укреплялись новые ценности: феминизм, эко-сознание (*Green values*), энвайронментализм, политический активизм, новые социальные движения.

Эти и другие поворотные моменты в сфере производства ценностей стали объектом междисциплинарного исследования «Столкновение ценностей» (1998). Гуманистические и социально релевантные

ценности формируются под влиянием идеологии постматериализма [Deth, Scarbrough, 1998]. Тренд культурного постматериализма зависит от темпов модернизации, глобальных социокультурных изменений и уровня демократии, полагают Инглхарт и Велзел [Inglehart 2005]. Постматериалистические ценности не появились вдруг. Роналд Инглхарт прослеживает такой аксиологический сдвиг в рамках западной культуры в период с 1970 по 2006 годы [Inglehart, 2008].

Постепенно приоритетными становятся, в частности, креативность, расширенная (глобальная) коммуникация [Norris, 2009]. На этом акцентируют внимание Пиппа Норрис и Роналд Инглхарт в работе «Космополитические коммуникации: культурное разнообразие в глобализирующемся мире» (2009) [Norris, Inglehart, 2009].

Глобализированные социальные сети становятся дополнительным ресурсом для личностной самореализации. Когда информационные сети и системы связаны на основе Интернета, мобильной связи, телекоммуникаций, возникает становление нового экономического и социального уклада, появление инфосферы. Это единое информационно-коммуникативное пространство, в том числе образовательное и экономическое. Фактически в этом пространстве границы между локальными общностями, регионами, странами и континентами стираются. Инвестиции движутся туда, где возможна наибольшая прибыль за короткое время работы капитала. Это необходимое условие действия процесса глобализации: финансовой, экономической и

политической. Горизонтальный трансфер артефактов, символов, образов и идей в эпоху глобализации способствует расширенному воспроизводству постматериалистических ценностей [Savicka, 2004].

Можно выделить фундаментальные характеристики нового общественного строя, основанного на приоритете информационных потоков и глобальной коммуникации.

- Произошла замена механических, электрических и электромеханических средств на электронные средства производства и коммуникации. Связь на производстве и в быту стала базироваться на электронных носителях.
- Компьютеры не только повсеместно распространились, но и революционизировали промышленность, экономику, науку и образование. При этом их составляющие части постоянно уменьшались в размерах. Если первые компьютеры были многотонными, то уже в начале 80-х годов XX века был создан персональный компьютер, помещающийся на письменном столе. Произошла миниатюризация компьютерной техники при многократном увеличении быстродействия вычислительных мощностей. При этом постоянно росло качество программного обеспечения.
- Знания как общего плана, так и узкоспециальные, стали важнейшим ресурсом в развитых странах.

- Инновации становятся самым эффективным двигателем прогрессивных изменений. А инновационное мышление возможно лишь на основе высокоразвитого уровня теоретического рационального мышления. Теоретическое знание – наиболее востребованный ресурс постиндустриального общества.
- Коммуникация и особенно глобальная коммуникация становится условием экономического, научного, образовательного развития и самоосуществлением личности.

Проблемы, связанные с функционированием информационного общества как технологической составляющей постиндустриального общества, нуждаются в комплексном изучении на основе междисциплинарного подхода. Экспоненциальный рост производства информации имеет как позитивные, так и негативные стороны, считает Джеймс Глэйк [Gleick 2011].

«Постиндустриальное общество» – это понятие гораздо более ёмкое, нежели «информационное общество». Дело в том, что кроме информационных потоков постиндустриальность включает в себя также производственные мощности, финансовую систему, социальные и политические институты. Постиндустриальная культура включает в себя религиозные, моральные и эстетические ценности, принадлежащие иногда противоположным социальным группам. Существование в этом обществе обеспечивается соблюдением политкорректности и наличием мультикультуральности. Здесь присутствуют не только постмодернистские

ценности постиндустриального плана, но также ценности индустриальной и даже доиндустриальной эпохи.

В информационном обществе кардинально меняются все сферы жизни: от технологической и производственной до экономической и культурной. Существенно меняются формы мышления и мировоззрения. Скорость технического и концептуального обновления технических средств и управления ими растёт по экспоненциальной кривой. В то же время унифицируются технологические стандарты, что позволяет увеличить конкурентный отбор как в области собственно технической, так и в области производства программного обеспечения. Информационное общество – это техно-коммуникационная часть постиндустриального общества, такое общество, где сфера услуг имеет приоритетное значение по отношению к промышленному производству и аграрному сектору. Главными продуктами производства и потребления оказываются информация и знания. Компьютерная революция и Интернет-революция – это не только продвижение высокотехнологичных брендов постиндустриального общества. На эту особенность указывает Сара Баас в своей работе «Дар огня: социальные, правовые и этические вопросы компьютинга и Интернет» (2008). Помимо социальных, правовых и этических вопросов автор исследует также политические, конституциональные и экономические проблемы, рассматривает различные дискуссионные вопросы по поводу перспектив развития информационного общества [Baase, 2008].

Характерные черты информационного общества:

1) увеличение роли информации и знаний в жизни общества; 2) возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; 3) создание информационного пространства. Наличие глобального информационного пространства обеспечивает: (а) реальное эффективное информационное взаимодействие людей; (б) неограниченный доступ к мировым информационным ресурсам; (в) удовлетворение потребностей в отношении информационных продуктов.

Инфосфера расширяется при условии устойчивости социальных и экономических институтов, стабильности экологии, ускорения научно-технического прогресса. Эффективное функционирование информационного общества предполагает существование информационной среды и информационной сферы (инфосферы). Теоретик постиндустриализма Д. Белл считал, что возникновение информационного общества в начале 60-х годов XX века ускорило процесс становления постиндустриального общества [Bell, 1976]. Другой социальный теоретик, А. Тоффлер, относит начало становления постиндустриального общества к середине двадцатого века [Toffler, 1984].

После создания микропроцессора и последовавшего за ним создания персонального компьютера в 1981 году изменилась структура информационного обмена в обществе, произошли огромные изменения в экономике, образовании и культуре. Компьютерная революция все больше приобретала ведущую роль в

формировании будущей социальности и культуры. Компьютеризированная информация как основа общества будущего помогает формировать новые суперсистемы, успешно конкурируя даже с такой традиционной для индустриального общества сферой, как производство товаров. Именно тогда знание высокотехнологическое может создавать новое знание, которое может быть применено в любой сфере человеческой деятельности. Производство знания, его хранение и скоростная передача на основе высоких информационных технологий становятся основным ресурсом человечества.

Феномен ускоренного расширения и быстрого обновления «компьютерного парка» получил название «информационной революции». Иногда встречается термин «компьютерная революция» или «Интернет-революция». Информационная революция – быстрое изменение в XX веке технологического базиса, способов передачи и хранения информации, а также скорости передачи и объема информации в обществе. Информационная революция создает технологическую платформу для реализации социальных, образовательных и культурных проектов во всех странах. Информационная эпоха основана на развитии нескольких ключевых ресурсов, благодаря которым осуществляются различные эффективные проекты в экономике, промышленности, научной деятельности, образовании прежде всего. Такими стратегическими составляющими информационной эпохи являются: данные (*data*), информация (*information*), знание (*know-*

ledge) и информационные технологии (*information technology*). Алан Портер и Уолтер Рид в работе «Информационная революция: современное положение дел и будущие последствия» (1998) рассматривают технические, организационные и коммерческие импликации информационной революции [Porter, 1998: 4-7]. Авторы опираются на концептуальный аппарат, связанный с комплексным анализом развития информационных технологий. Однако следствия информационной революции выходят далеко за пределы сугубо технологических решений, считает Хиллстром [Hillstrom, 2005].

Информационное общество характеризуется прежде всего развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий. В основе такого общества находятся информационные системы и сети. Главным стратегическим ресурсом является информация, но не в обыденном ее понимании (сведения о различных событиях), а как высокотехнологичный контент, исходные данные для производства новой информации для интенсификации производственного процесса. В свою очередь, информационные технологии являются сложной и многоуровневой системой для обеспечения работы телекоммуникаций. Информация и её производство являются важной характеристикой жизни и деятельности и развития информационного общества. Есть несколько форм представления информации: символическая, которая основана на использовании символов (букв, цифр, знаков, в том числе знаков пунктуации); текстовая (также использует символы,

но расположенные в определенном порядке); графическая форма (является самой емкой и сложной), к которой относятся различные виды изображений.

В гуманитарных и социальных науках информация является продуктом социального происхождения. Это совокупность мыслительных практик, ноосферная деятельность, обусловленная наличием объективного знания. В экономике это сведения, данные и значения конкретных экономических показателей. А поэтому они становятся объектами информационной обработки, передачи и хранения. Также эти данные используются в процессе анализа и выработки экономических решений в процессе стратегического управления.

Кроме того, информация – это один из видов стратегических ресурсов, используемых в экономических процессах, получение которого требует затрат времени и привлечения других видов ресурсов. В связи с этим затраты следует включать в издержки производства. Всегда документирование экономической информации осуществляется в порядке, установленном соответствующими органами государственной власти. Существует информационное право, призванное охранять экономические и авторские интересы производителя информации. В целом информация может быть определена как совокупность коммуникационного материала, доступного кодированию на специальных языках.

Информационная сфера – область деятельности людей, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации. Сегодня можно уже гово-

речь о планетарном масштабе информационной среды, которая обеспечивается существованием глобальной информационной инфраструктуры. Данная «сеть», «система» имеет важное стратегическое значение для реализации экономической и политической экспансии более развитых в технологическом отношении стран. Информационная сфера является одной из важнейших составляющих ноосферы. Взаимодействие Интернет и общества – это предмет междисциплинарных исследований, показывает Слэвин [Slevin, 2000]. Актуальна и справедлива такая метафора, как «Общество онлайн» [Howard, 2004].

Технологии развиваются ускоренным образом, «обгоняя» динамические тренды более консервативных социальных отношений. И поэтому дальнейшее комплексная эволюция социальной реальности во многом зависит от успешности и результативности проектов, связанных с интенсификацией информационной революции.

4.2. Ноосферизация социума в эпоху ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИИ

Ноосферогенез с очевидностью заметен в условиях продолжения информационной революции. Интеллектуализация всех форм человеческой деятельности приобретает тотальный характер. Скорость передачи осмысленной информации постоянно возрастает. Ноосферная реальность обуславливает все интеллект-

туальные и технологические проекты экономической и социокультурной глобализации. Наиболее действенной и эффективной структурой инфосферы (как сегмента ноосферы) является глобальная информационная сеть, состоящая из физических (сервера) и программных компонентов. В основе развития системы Интернет находится технологически фундированная информационная инфраструктура. Наличие развитой информационной системы становится необходимым условием самого существования современного государства. Некоторые исследователи (Джованетти) считают, что наиболее очевидной и эффективной формой расширения ноосферы сегодня является Интернет [Giovannetti, 2005].

Можно сказать и по-другому. Интернет – это технологическая глобальная инфраструктура производства ноосферной реальности. Это несомненно одно из величайших технологических событий рубежа XX и XXI столетий. Некоторые историки Всемирной паутины начинают хронологию событий с середины девятнадцатого века [Moschovitis, 1999.]. Возникновение Всемирной информационной паутины исследуют Кэти Хэфнер [Hafner, 1998], Дженет Эббейт [Abbate, 2000], Иэн Грэхем [Graham, 2002]. Становление и эффекты Интернет, факторы, воздействующие фактически на все аспекты социальной жизни современности освещены в работах Окина [Okin, 2005].

Очевидно, что современное общество развивается главным образом благодаря производству научных знаний и информационным технологиям. Такие про-

цессы особенно заметны в сфере экономики. Информационные технологии способствуют продвижению и производству современного научного знания. Благодаря высоким информационным технологиям (IT) отдельные научные области знания становятся весьма близкими посредством организации гипертекстовой среды, когда с помощью гиперссылок не только терминологически, но и тематически соединяются отдаленные массивы знания. О первоначальной идее и окончательном воплощении Всемирной паутины пишет Тим Бернерс-Ли, создатель проекта World Wide Web, основы современного Интернета [Berners-Lee, 2000].

Информационная революция и в особенности расширение Internet глобальной информационной супермагистрали (*Matrix, World Wide Web, Infobahn* – ее синонимы) фундаментальным образом меняет характер, структуру, накопление и скорость обработки и передачи информации не только в области обмена знаниями, но и в ходе научения знаниям, т.е. в сфере образования [Thomas, 2011].

Информационное пространство сегодня интенсивно развёртывается и интегрируется в основном благодаря ускоренному росту глобальных информационных систем, например, сети Интернет. Уже сегодня количество пользователей сети достигло двух миллиардов человек. Интернет представляет собой разветвлённую систему обеспечения информацией всех сегментов государства на основе взаимосвязанных баз данных, соединённых коммуникациями и обеспечивающих жизнедеятельность государства. Ин-

формационная инфраструктура включает в себя такие характеристики: наличие технического базиса, разветвлённости, доступность для различных пользователей, эффективность коммутируемых линий. От качества информационной инфраструктуры зависят внешнеполитические, финансово-экономические, социальные, образовательные, внутривнутриполитические, информационные сферы безопасности существования каждой страны. Интернет в качестве глобальной информационной сети – это информационная планетарная структура, которая возникла к середине 90-х годов XX века в постиндустриальных странах. Она представляет собой постоянно расширяющуюся глобальную информационную сеть, открытую для пользователей населения земного шара.

Система Интернет возникла благодаря соединению глобальных, региональных и локальных информационно-телекоммуникационных систем, а также систем цифрового телевидения и радиовещания, спутниковых систем и мобильной связи. Будучи всего лишь одной из коммуникационных технологий (наиболее удобных для широкого круга пользователей), Internet является наиболее масштабной и быстрорастущей системой интерактивной связи. Как многофункциональная, высокотехнологичная система многосторонней связи и информации Интернет идентифицируется многими исследователями с одним из наиболее эффективных и перспективных орудий глобализации.

В истории техники беспрецедентен скачкообразный количественный рост и качественная транс-

формация сети Интернет. Этот крупнейший технологический проект информационной эпохи появился как инженерно-техническая идея в конце пятидесятих годов прошлого века, вскоре после запуска первого советского спутника.

Первые более или менее успешные испытания информационной сети в США прошли в 1969 году (лаборатория ARPANET). Позже в Женеве, в Европейском Центре Ядерных Исследований (CERN), 17 мая 1991 был запущен первый веб-сервер, созданный на основе гениальной идеи гипертекстовой среды, предложенной исследователем CERN Тимом Бернесом-Ли. В конце 1991 Интернет включал в себя уже 5 тысяч сетей, существовавших в 40 странах мира и обслуживал 700 000 компьютеров, которыми пользовались 4 миллиона человек. В 1994 к Интернету было подсоединено уже 3 200 000 компьютеров. В течение 1995 и 1996 годов количество компьютеров, подключённых к Интернету, удваивалось ежегодно. К концу 1997 число компьютеров, интегрированных в систему Всемирной Паутины, достигло 19 с половиной миллионов. По данным на июнь 2000 года их было уже 93 миллиона. Если учесть, что каждым компьютером, подключённым к Сети, пользовались в среднем пять человек, то можно предположить, что реально её различными услугами пользовались к концу 2000 более 400 миллионов человек. По различным данным, на конец 2002-го число пользователей во всём мире выросло до 600 млн. человек. В 2004 году Интернет охватывал более 800 миллионов пользователей во всех странах мира.

Уже к началу 2006 года количество пользователей сети Интернет достигло одного миллиарда. А сегодня это 2 миллиарда пользователей. Интернет показывает пример экспоненциального роста высоких технологий.

Глобализация и ускоренное внедрение Интернет в различные сферы современного общества особенно явно сказалось на экономике. На этой основе стали возможными новые виды экономической деятельности, в частности, специалистами уже несколько лет исследуется так называемая «виртуальная экономика». Виртуализация современного общества – решение экономических проблем с использованием высоких информационных технологий. Это обеспечивает переход к использованию модернизированной индустриальной и информационной инфраструктуры в развитии интеллектуально-ёмких сфер деятельности: науки, образования, здравоохранения, которые являются основными инновационными областями виртуальной экономики. Интернет – это не только глобальная информационная магистраль, но также инструмент глобализации финансов, международного менеджмента, маркетинга, экономического развития в целом, согласно Когуту [Kogut, 2004].

В глобальной информационной сети уже давно функционируют виртуальные супермаркеты и виртуальные банки, оперирующие собственной виртуальной валютой. Виртуальная экономика не занимает определённого места в географическом пространстве. Она имеет тенденцию к освоению виртуального и физического пространства. Стратегия виртуальной экономики

заключается в том, чтобы расширять экономическое пространство, используя все большее число коммуникативных инструментов и массмедийных ресурсов. Сегодня новые информационные и коммуникационные технологии делают возможным организацию рабочего места где угодно: дома, на отдыхе, в автомобиле и самолете. Сегмент цифровой экономики постоянно растёт, показывает Бруссо [Brousseau, 2007].

При этом система аутсорсинга – виртуальные товары, виртуальные производственные мощности, виртуальный труд, виртуальная организация, виртуальные деньги – ускоряют экономические транзакции. Поэтому получается, что компьютерные технологии становятся главным средством и информационной средой экономической деятельности. Виртуализация экономики вызывает к жизни коммерциализацию информационного пространства, где осуществляется обмен деловой информацией и полный экономический цикл. Вопрос о социально-политической роли медийных ресурсов и властных амбициях медиакорпораций в информационную эпоху становится ключевым в контексте глобального социально-политического менеджмента. Это тема междисциплинарных дебатов медиа-экспертов, историков, социологов, философов, экономистов и политологов презентована в работе Компэйна и Гомери - «Кто владеет медиа? Конкуренция и концентрация в масс-медийной индустрии» [Compaine, Gomery, 2000].

«Всемирная Паутина», как и все прочие составляющие постиндустриального мира, также находится

в зависимости от сети маркетинговых стратегий, потому что сулит прибыль и даже сверхприбыль. Интернет всячески «раскручивается» в средствах массовых коммуникаций, о ней создаются литературные произведения, художественные фильмы («Хакеры», «Сеть», «Матрица» и др.). Менеджеры и гуру электронной эры неустанно фабрикуют назойливо хлесткие, задевающие самолюбие человека и формирующие у него комплекс «цифровой неполноценности» слоганы: «Если ты не представлен сайтом в Интернете, ты не существуешь». Огромную роль в управлении общественным мнением, политическими, экономическими и культурными предпочтениями играют глобальные сетевые игроки: *Microsoft, Apple, Google, Yahoo, Amazon, My Space, Facebook, Twitter*. История и развитие каждой из информационных мегакорпораций стали предметом научных исследований.

Прошло уже более десяти лет с того времени, как *Google* начал своё восхождение в качестве Интернет-поисковика. Сегодня *Google* является ключевым фактором глобального техно-капитализма (*techno-capitalism*). Этот мегапоисковик значительно повлиял на развитие современной мировой экономики, культуры, образования и индустрии развлечений. История успеха *Google* в условиях информационного общества поучительна, поскольку конкуренция компаний, производящих и распределяющих информацию, нарастает и затрагивает интересы каждого пользователя. Однако *Google*, как и другие современные высокотехнологические проекты, является продолжением научно-

технической революции конца XX – начала XXI веков. По крайней мере Николас Карр показывает, что в основе «гуглизации» США, да и мира в целом, лежит реализованный в прошлом столетии план всеобщей электрификации, успешно развёрнутый в странах Европы и Северной Америки [Carр 2009]. Возникновение идеи эффективного поиска, организация и развитие стратегии «мирового информационного господства» *Google* – предмет исследования учёных и публицистов: Баттеля [Battelle, 2006], Вайса [Vise, 2008], Строса [Stross, 2008]; Жирапа [Girard, 2009]; Эулетты [Auletta, 2010] и Леви [Levy, 2011].

Интернет-гиганты, такие как *Google*, могут быть помощниками в «информационной Вселенной», но также обладают концентрированными маркетинговыми ресурсами, что, безусловно, помогает им осуществлять социальный контроль и надзор за пользователями. Именно эти и другие аспекты эволюции цифровой эпохи рассматривает Шива Вадьянатан в своей работе «Гуглизация всего» (2011). Влияние информационных технологий на культуру и социальную сферу изучается уже несколько десятилетий, но автор сузил своё исследование и рассматривает неафишируемые приложения *Google*, которые выходят за рамки «просто информирования» пользователей. Он напоминает, что мегапоисковики – это прежде всего составляющие части многофункциональных бизнес-проектов. Поэтому *Google*, как одна из наиболее прибыльных высокотехнологичных кампаний со своими маркетинговыми

стратегиями, отнюдь не «Санта-Клаус» на просторах инфосферы [Vaidhyathan, 2011].

Мифы об успешных «гаражных» стартапах информационного технокапитализма часто бывают раздутыми за счёт профессиональных инструментов PR и саморекламы (*Microsoft, Apple, Amazon, Facebook*). Культурный архетип «американской мечты» продолжает эффективно эксплуатировать общественное сознание. Сеть рекламирует телевидение, а телевидение рекламирует в себе Сеть. Ведущие газеты, журналы, TV-каналы и радиoprogramмы обладают собственными интернет-страницами. Многочисленные эпатажные *real-show* параллельно проходят по TV и Интернету. Информационная среда как медиареальность расширяется и тяготеет к коммуникативно-жанровому синкретизму. Такие тенденции вызывают опасения в среде культурологов, социологов, психологов. Первоначальный образ Сети как пространства для реализации абсолютной свободы уже не работает. Цензура и «поднадзорность» в Сети – это факт. Стоимость пребывания в Сети, контроль спецслужб за «гражданами киберпространства» спецслужбами под прикрытием антитеррористических операций превращают её из либертарианской утопии в виртуальный сегмент гражданского общества, основанного на принципах паноптизма, прозрачности и ответственности.

Сеть Интернет как стратегическая высокотехнологическая структура неравномерно распределена по странам и регионам, что порождает такой феномен, как «цифровой разрыв». Это следствие неравного эко-

номического, политического и технологического развития стран. Здесь, конечно же, напрашивается ассоциация с давно существующим геополитическим и экономическим конфликтом между «богатым Севером» и «бедным Югом». Цифровой разрыв (*Digital divide*), информационное неравенство возникают из расслоения мирового сообщества по уровню доступа к информационным ресурсам, малого количества компьютерной техники, слабого развития информационной инфраструктуры. Концепт «цифрового разрыва», «цифрового неравенства» (*digital divide*) предполагает конструктивные дискуссии о роли высоких технологий в современном обществе, обсуждение проблемы социального неравенства и разных условиях доступа к информационным ресурсам, показывают Лэудер [Loader, 1998], Норрис [Norris, 2001], Компэйн [Compaine, 2001] и Варшауэр [Warschauer, 2004]. Величина цифрового разрыва обычно пропорциональна уровню доходов, степени образованности населения той или иной страны.

На формирование культурного пространства в пределах ноосферной реальности большое влияние оказывает высокотехнологичная информационная среда. Существуют объективные характеристики для определения качества информационной насыщенности информационной сферы. Это индикаторы развития информационного общества, то есть список показателей, характеризующих развитие информационного общества в информационно-инфраструктурном, экономическом и социальном измерениях. Устрани-

нию цифрового разрыва способствует государственная программа информатизации общества. Информатизация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обеспечение оперативного доступа к информационным ресурсам.

Информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания наилучших условий для удовлетворения информационных потребностей населения и органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов, что способствует реализации прав граждан. К тому же информатизация общества представляет собой глобальный, общеисторический процесс формирования и тотального использования информационных сетей и ресурсов. В 90-е годы благодаря интенсивному развитию сети Интернет формируется так называемое «сетевое общество», «виртуальное сообщество». Сетевое общество – это такое общество, в котором значительная часть коммуникативных актов, информационных взаимодействий производится без действия фактора дистанции и времени, в «виртуальной среде обитания» с помощью информационных сетей.

Благодаря информатизации общества происходит преобразование традиционного технологического способа производства и образа жизнедеятельности в новый технологически насыщенный способ производства на основе использования информационной техники. В то же время очевидна противоречивость раз-

вёртывания инфосферы. Вновь и вновь скептически настроенные авторы задают неудобные вопросы в отношении наивной установки: «Интернет – это безусловное благо». Возрастает количество информационных потоков, растёт скорость доступа к разнообразным информационным ресурсам, расширяются коммуникативные возможности индивидуумов, поэтому эффективный поиск нужной информации необходим. Илай Перизер предупреждает о некоторых латентных опасностях, связанных с работой в Интернет-пространстве, в частности, рассматривает роль и функции фильтров персонализации (*personalization filters, internet personalization*). Он показывает, что в адресном подборе ссылок присутствуют не только рационализированные методы выборки, но также работает механизм цензуры. Поисковики создают специфическую отсепарированную реальность (*reality bubbles*), презентуемую ссылками на определённые Веб-ресурсы. Хотя это далеко не все ресурсы по запросу пользователя. Управляющие программы для работы с библиотечными ресурсами (*librarians*) не только открывают запрашиваемые страницы информационного поля, но также фактически перекрывают доступ к другим, альтернативным базам данных. Хотя нужно отметить, что проблема фильтрации информационного контента комплексна, имеет технические, программные, экономические, политические, психологические, гендерные и правовые аспекты, а потому простых решений не имеет, отмечает Пэризе [Pariser, 2011]. Автор

размышляет скорее не о реальных, но потенциальных опасностях технологий интернет-персонализации.

В рамках развитого информационного общества формируется информационная культура, что требует создания общеобразовательных программ, направленных на корректное получение и использование информации. Появляется такая дисциплина, как компьютерная этика. Информационная культура – это способность общества эффективно использовать информационные ресурсы и средства информационных коммуникаций. Кроме того, она позволяет рационально применять передовые достижения в области развития средств информатизации и информационных технологий. Происходит «технологический сдвиг» в области традиционной культуры, её производства и дистрибуции.

Интердисциплинарные исследования социально-политических, экономических и культурных контекстов функционирования трендов новых медиа и в особенности расширения дигитализированной культуры представлены в сборнике работ под редакцией Прамода Наяра [Nayar, 2010]. Тематика определена полем киберкультурных исследований, какими они складывались в течение последних пятнадцати лет. Кроме содержательной стороны киберкультуры рассматриваются возможные социальные и культурные импликации эволюции киберпространства. Учёные исходят из того, что сегодня уже некорректно говорить о киберкультуре в единственном числе, более адекватным будет употребление понятия «киберкультуры».

По мере развития инфраструктуры и совершенствования законодательства в информационном обществе реализуются такие стратегические инициативы, как дистанционное высшее образование доказывают Карр-Чиллмэн [Carr-Chellman, 2004] и Вирт [Weert, 2004]. Происходят успешные попытки создания электронного правительства, как показывает Моссбергер [Mossberger, 2003]. Проекты и теоретические разработки должны подкрепляться практическими инициативами (*e-government initiatives*), считают Павличев и Гарсон [Pavlichev, Garson, 2003].

В области политической деятельности и управления социально-экономическими процессами информационные технологии создали условия для эффективной обратной связи между обществом и государством. Уже во многих странах существуют формы так называемой «электронной демократии», «электронного правительства» и «электронных муниципалитетов». В цифровую эпоху возникают новые формы институционализации, возникают предпосылки формирования «виртуального государства», показывает Джейн Фонтин [Fountain, 2001].

В отдельных странах даже проводятся выборы с помощью электронной почты, то есть голосование на выборах без физического присутствия электората на выборных участках. Электронное правительство – это система государственного управления на основе всеобщей компьютеризации и функционирования электронных средств обработки, передачи и распростра-

нения информации, при наличии обратной связи «государство – гражданин».

Побочные негативные результаты информатизации также имеют место. Всем давно известно слово «хакер». Масштабы хакерства велики. Оно наносит ущерб как материального, так и морального характера. Юристы специализируются в области информационной преступности, имеющей международный характер, поскольку преступления часто совершаются посредством использования глобальной информационной сети Интернет. Информационная преступность – это совокупность противоправных действий, производимых в информационной сфере, при этом происходит нарушение установленных законом прав личности, организации или государства, включая моральный или материальный ущерб. Фактически во всех странах принято и действует информационное законодательство – совокупность законов, нормативных актов и других форм правового регулирования в сфере функционирования и производства информации, а также легитимного применения информационных технологий.

Если говорить о глобальных издержках существования информационного общества, то необходимо упомянуть о ведении так называемых «информационных войн» (или «кибервойн»). Информационная война – это запланированная совокупность целенаправленных действий, предпринятых для достижения ряда стратегических задач, в том числе, информационного превосходства путем нанесения ущерба информации,

информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем. Также сюда входят действия по введению в информационное пространство заведомо ложных сведений, то есть дезинформации, для введения в заблуждение граждан, а также дискредитации политиков, партий, движений, крупномасштабных проектов.

В информационном обществе государству все труднее контролировать индивидуумов, их сознание и поведение. Интернет, телекоммуникации и мобильная связь, базирующиеся на спутниковых каналах и сетях, сделали невозможным сокрытие стратегической информации о значимых социальных, экономических и политических событиях, влияющих на выборный процесс. Казус Викиликс обнаруживает «слабые места» информационной свободы, цензуры и юридической защиты граждан. Это позволяет говорить о большей степени ответственности как политиков, так и отдельных индивидуумов. Благодаря насыщенности информационными каналами связей в постиндустриальном обществе можно говорить о том, что степень «прозрачности власти» постоянно возрастает. И тогда авторитарным режимам становится всё сложнее контролировать граждан. Гражданское общество и глобальное гражданское общество используют информационные ресурсы для осуществления своих инициатив. Одним из недавних и эффективных инструментов для гражданских активистов оказались социальные

сети. Реализация политических проектов формирования гражданских институтов на основе продвинутых информационных технологий получила название «твиттерных революций», «фейсбук-революций» и «викиликс-революций».

4.3. ПАРАДИГМА СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Ключевая особенность глобального гражданского общества заключается в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. Расхожее понятие «сетевое общество» (*Network Society*) применяется к различным явлениям, происходящим в эпоху информационной революции. Сетевая организация оказывает влияние на экономические, политические, социальные и культурные изменения в современном мире. Цифровые информационные потоки и коммуникативные технологии необходимы для эффективной работы узлов и частей сетевого общества.

Понятие «сетевое общество» становится всё более востребованным по мере ускорения информационной революции. Это связано с перманентной модернизацией экономики и усложнением социальной структуры постиндустриального общества. С появлением радио и телевидения возникли необходимые инфраструктурные и организационные предпосылки для формирования всеохватывающих информационных сетей. Создание и экспоненциальный рост Интер-

нета, его интеграция с радиосетями и телевидением, экономические эффекты сетевой деятельности спровоцировали научные и философские споры о значимости сетей для современного общества. В 90-х годах двадцатого века появляются и первые концептуальные интерпретации «сетевого общества».

Впервые понятие «сетевое общество» появилось в названии работы голландского исследователя Яна ван Дайка. Опубликованная в 1991 году книга «*De Netwerkmaatschappij*» (буквально – «Сетевое общество»), была переведена на английский и другие языки. Её автор характеризует сетевое общество как такой социум, где интеграция медиа- и социосетей формирует новый способ организации жизни и деятельности в постиндустриальных странах. Учёный впервые показывает существенные отличия непосредственных «физических», коммуникативных актов от информационной коммуникации, когда индивидов разделяет огромное расстояние. Таким образом, ван Дайк зафиксировал факт «удвоения» социального пространства, выделяя медиапространство и пространство непосредственной персональной «материальной» коммуникации [Dijk, 1999].

В дальнейшем голландский исследователь продолжает развивать тему сетевого общества, рассматривает проблему «цифрового неравенства», изучая причины и особенности неравноправного доступа индивидов к информационным ресурсам, теоретические и практические аспекты осуществления «цифровой демократии» [Hacker, Kenneth, 2000]. Позднее он

констатирует продолжающееся углубление цифрового неравенства [Dijk, 2005a.]. Для обоснования своей точки зрения ван Дайк дополнительно изучает влияние социальных аспектов на развитие сетевого общества [Dijk, 2005b].

Наиболее известной и влиятельной работой по теме сетевого общества явилась книга испанского экономиста и социального теоретика Мануэля Кастельса «Сетевое общество» (1996), ставшая первым томом его трилогии «Информационная эпоха». Дальнейшая интернетизация и глобализация информационных потоков, их заметное влияние на экономику, образование и культуру показали важность и необходимость развития этого направления исследований. Автор полагает, что становление и трансформация глобального гражданского общества немислимы без развития сетевых ресурсов в техническом, организационном и правовом поле. На сегодняшний день очевидно, что «сетевое общество» стало фундаментом современной экономики, политики и культуры. Несмотря на тематическое разнообразие исследования М. Кастельса, акцент в нём делается на экономических приложениях сетевой коммуникации.

Другая книга испанского автора – «Восхождение сетевого общества» – неоднократно перепечатывалась в разных редакторских версиях, причём только в английском переводе с 1996 по 2010 годы она была переиздана более десяти раз [Castells, 2000].

Как ведущий экономист и социальный теоретик информационного общества Мануэль Кастельс про-

должает исследовать систему сложнейших взаимодействий между информационными технологиями, экономической деятельностью, культурной и социальной жизнью современного постиндустриального мира. В сферу интересов учёного входят такие темы как перспективы новой информационной экономики, новые социальные движения, виртуальные сообщества и киберкультура. Он также постоянно обращается к проблеме «цифрового неравенства» (*digital divide*) в глобализирующемся мире [Castells, 2003].

По мнению Кастельса, сетевая коммуникативная структура отражает тип мышления и способ жизни индивидуумов, находящихся в условиях развитого информационного общества. Интернет становится такой сферой, где всё чаще успешно работают экономические, культурные и политические формы деятельности. Автор полагает, что проводимая в сети Интернет политика должна защищать принципы приватности и индивидуальной свободы пользователей.

Актуальность сетей как целостного, взаимосвязанного и тотального феномена постепенно становится объектом и философского анализа. При помощи натурфилософского подхода, Альберт-Ласло Барабаши постарался использовать математические, химические, нейрофизиологические, социальные и экономические знания для создания синтетической теории всеобщей связности, что позволяет увидеть в его работе «Связанное: как всё связано со всем другим, и что это означает» философскую теорию сетей [Barabasi, 2003].

Организационная деятельность функционирования социальных сетей – это, пожалуй, ключевая часть всей работы по оптимизации коммуникации между индивидуумами и группами. Здесь необходимо выделить такие факторы развития сетей как окружающая среда и планирование. Социальная сеть только тогда будет отвечать потребностям пользователей, когда качество коммуникации станет лучшим. В работе «Социальная сеть и организационное устройство» Мартин Килдафф и Вэн Пин Цай интегрируют ключевые исследования по строительству социальных сетей и показывают максимальное использование их потенциала[Kilduff, 2003].

В коллективной работе «Сетевое общество: кросс-культурные перспективы» под общей редакцией Мануэля Кастельса [Castells, 2004] международная группа экспертов излагает результаты исследований сетевого общества (его характера, принципов, моделей и динамики развития) в специфических культурных контекстах и различных странах мира (США, Канады, Великобритании, России, Финляндии, Испании, Индии, Китая).

В книге анализируются институциональные особенности, технологические и культурные трансформации локальных сегментов глобального сетевого общества. Авторы монографии исходят из того обстоятельства, что сети во многом определяют современную деловую активность, политическую и коммунитарную деятельность, социальную коммуникацию и повседневные практики. По существу, сетевое общество представляет собой новейшую форму интегриро-

ванной социальной организации и является закономерным переходом от структур индустриального общества к постиндустриальному (по терминологии Кастельса – вступлением в «информационную эпоху»). Очевидно, что ускоренные технологические трансформации непосредственно воздействуют на формирование социальной культуры и наоборот. Тематический анализ в рассматриваемом исследовании охватывает промышленное производство, движение глобальных финансовых потоков, производство культурной идентичности, систему дистанционного образования через Интернет, здравоохранение, политические процессы. В итоге составители монографии заключают, что сетевым обществом, способном адаптироваться к многоуровневой среде обитания человека в социуме, принимаются специфические формы в зависимости от местных культурных и институциональных условий.

По сложившейся традиции, выделяются технологическое, экономическое, социальное, политическое и культурное измерения сетевого общества. Экспертное исследование «Информационные и коммуникативные технологии в организациях: освоение, реализация, использование и эффекты» (2005) [Bouwman, Nooff, 2005] посвящено изучению прикладных и организационных аспектов функционирования информационных и коммуникативных технологий в современном обществе. В книге обозначены и рассмотрены технологические, организационные, психологические,

социальные и экономические перспективы развития сетевого общества.

Сетевая организация и сетевые практики становятся определяющими в различных сегментах современного общества. Марк Ньюман в работе «Сети: Введение» [Newman, 2010] рассматривает такие аспекты функционирования сетей как компьютерные, социальные, биологические и другие сети.

Автор пишет о том, как доступность компьютеров и Интернет создали пользователю возможность репрезентировать себя в киберпространстве. Это создаёт предпосылки для массового движения в социальных сетях к объединению по интересам. И здесь, по мнению учёного, нужно разделять потребности общения, необходимую производственную или образовательную коммуникацию и политическую сферу. Разнообразие сетевой организации и специфика инструментов сетевой коммуникации, по Ньюману, определяют целесообразность и динамику развития сетевого общества. Исследователь считает, что изучение сетей требует междисциплинарного подхода и работы в нескольких полях, включая физику, математику, компьютерные науки, информатику, биологию и социальные науки. Проблемы измеримости сетей и описание их структуры должны быть решены прежде, чем будет предпринят системный анализ сетевой деятельности. М. Ньюман также показывает разнообразие методов исследования сетевой организации и сетевой активности. Среди таковых автором называются теории динамических процессов в сетях (*theories of dynamical*

processes taking place on networks), физические измерения, компьютерные алгоритмы, математическое моделирование сетей, статистические методы, социологические методы, основы теории графов, модели, основанные на случайных графах (*random graph models*), обобщённое моделирование (*generative models*).

Сети тотальны, они покрывают/структурируют нашу социальную жизнь, экономическую деятельность, науку, образование, медицину. Коммуникативная составляющая выступает на передний план функционирования сетевой активности. Дэвид Изли и Джон Кляйнберг в работе «Сети, толпы и рынки» (2010) показывают, как компьютерные науки позволяют изучить инфраструктурные и собственно информационные аспекты работы сетей [Easley, Kleinberg, 2010]. В книге говорится, что информационные сети имеют массу приложений в повседневной коммуникации, бизнесе, политике и социальных практиках.

Комплексная связность современного общества обусловлена насыщенностью и структурной организованностью сетей. С помощью теории вероятностей, теории игр, теории графов, микроэкономических исследований и методов социальных наук Изли и Клейнберг рисуют широкую панораму поля развёртывания социальных сетей как феномена информационного общества. Особое внимание авторов привлекает пересечение экономических, социальных и коммуникативных практик, осуществляющихся в сетевом обществе. Главный вопрос исследования – о том, как работают сети – освещается ими достаточно полно. Эмпириче-

ские данные и математические модели, используемые в книге, дополняют и усиливают друг друга. Скорость передачи данных, доступность информации и проверка истинности данных (верификация), по мнению исследователей, являются необходимыми качествами дальнейшего прогресса сетевого общества. Авторы считают достигнутой поставленную перед собой цель показать, как работают сети в условиях сверхсложного, многомерного мира. Также следует признать, что предпринятый ими технический анализ работы сетей открывает перспективу для более глубокого понимания онтологии сетевой реальности.

Несмотря на многомерность и полифункциональность сетей, Мэтью Джексон («Социальные и экономические сети», 2010) выделяет социальную, организационную и экономическую составляющие как базовые взаимодополняющие друг друга характеристики сетевой парадигмы. Для понимания этих аспектов автор использует социологический анализ, методы прикладной математики, стратегическое моделирование и теорию игр [Jackson, 2010].

В общей сложности, именно экономический аспект сетевой деятельности во многом определяет благосостояние общества и граждан в условиях глобализации. А сетевое системное мышление определяет дальнейшее развитие постиндустриального мира, реконфигурируя его базовые характеристики. Санджив Гойял показывает, как работают организационные, инновационные, рыночные механизмы в сетевом обществе [Goyal, 2009]. По мнению автора, сетевые соци-

альные и экономические интеракции радикально изменяют жизнь в целом.

Тема сетевого общества открыта и многогранна. В своём очередном исследовании «Мощь коммуникации» [Castells, 2009] Мануэль Кастельс анализирует различные аспекты использования коммуникативных глобальных сетей. Исследователь показывает, как конститутивные принципы организации разнообразных сетей во многом определяют экономическую, политическую, социальную, культурную и индивидуальную деятельность.

Дерин Барни обобщает различные теории сетевого общества. В его работе выделяются технологические, социальные, экономические, политические и культурные аспекты развития сетевых глобальных институций и практик. Также выстраивается модель взаимоотношений между технологиями и обществом, рассматриваются проблемы цифровой демократии (*digital democracy*), возможности для реализации инициатив новых социальных движений (*new social movements*), трансформаций культуры, общества и появление специфических идентичностей [Barney, 2004].

Никлас Кристакис и Джеймс Фаулер на основе анализа работы социальных сетей доказывают, что сетевая деятельность весьма продуктивна, поскольку сеть как единое целое позволяет интегрировать усилия участников, что значительно превосходит суммативный эффект обычной коммуникации. Авторы доказывают, что социальные сети имеют ряд преимуществ по сравнению с обычной, оффлайновой коммуникаци-

ей. Новые позитивные качества, по их выводам, включают: совместную адаптацию, непосредственное влияние коллег, опосредованно воздействие их друзей, специфическую сетевую атмосферу сотрудничества, повышенную вирулентность идей и практик в сети, ускоренную комбинаторику коммуникативных паттернов [Christakis, 2011].

Любая социальная система рано или поздно становится объектом надзора, контроля и манипуляции. Современное сетевое общество, разумеется, не исключение. Работы на тему «социального паноптикума» со времён публикации исследования Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» всё чаще обнаруживают именно тонкие высокотехнологичные контролирующие инструменты власть имущих. «Контролируемый доступ: формирование власти, прав и норм в киберпространстве» (2010) – это коллективное исследование о новой ситуации в современном информационном обществе и о новом поколении Интернет-пользователей. Здесь рассматриваются сложные проблемы легитимного установления границ, форм контроля, функционирующих режимов цензуры и наблюдения за пользователями в наличном нормативном поле информационного пространства [Delibert, 2010].

Сетевое общество эволюционирует от локальных сетей к «сетевым городам» и далее, вплоть до глобального уровня. Джеймс Хайтцман в своей работе «Сетевой город: планирование информационного общества в Бангалоре» анализирует возможности создаваемой информационной инфраструктуры в южной

«столице» так называемой «Индийской Силиконовой долины». Он отмечает, что возводимый «сетевой город» может стать образцовой моделью развития научно-технических мегаполисов и исследовательских университетских центров в глобализированном двадцать первом веке. При этом автор пишет, что современная урбанизированная экономика, компьютерная индустрия, телекоммуникационные технологии и организация социальной жизни в таких городах должны быть тесно взаимосвязаны [Heitzman, 2004].

В исследовании сетевых характеристик мировых мегаполисов Питер Тейлор уделяет особое внимание конституированию комплексных пространств в ходе глобальной урбанизации. Он заключает, что деятельность транснациональных корпораций привела к массовому производству «глобального». В центре этих унифицирующих тенденций находятся крупные города, а их конкурентоспособность и потенциал развития зависит в первую очередь от высокой насыщенности сетями (прежде всего, информационными). Тейлор подвергает дескриптивному анализу деятельность ста глобальных корпораций, осуществляющих сервисные услуги, и 315 городов, находящихся на пересечении глобальных коммуникаций. Он показывает, что городские сети являются своего рода «скелетом» для эффективного продолжения современной глобализации. Уникальное компаративное исследование П. Д. Тэйлора опирается на обширные материалы урбанистических исследований (*urban studies*), географической науки (*geography*), социологии (*sociology*) и теории планиро-

вания (*planning*). В главе «От прошлого к настоящему: метагеографический аргумент» [Taylor, 2003:179-192] автор использует понятие «метагеографии» (*metageography*), чтобы более точно описать глобальные транзитные экономические потоки, непосредственно связанные с функционированием планетарного сетевого общества и передовой ролью мегаполисов.

Процесс глобализации трактуется им как «метагеографический транзит» [Taylor, 2003: 191-192]. В результате исследователь приходит к убедительному выводу о том, что, расширяясь и охватывая различные сферы: экономику, коммуникацию, международную политику, культуру, науку и образование, – сетевая парадигма создаёт инфраструктурную платформу глобализации и существенно влияет на формирование глобального гражданского общества, в том числе, через эффективную работу социальных сетей.

4.4. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ЭКОНОМИКА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Ключевая специфическая особенность глобального гражданского общества состоит в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. Тему «сетевого общества» как фундамента современной экономики, политики и культуры всесторонне исследовал испанский экономист Мануэль Кастельс. В его работах сделан акцент на экономических приложениях сетевой коммуника-

ции. Книга «Восхождение сетевого общества» переиздавалась в разных редакторских версиях более десяти раз (только на английском языке с 1996 по 2010) [Castells, 2000].

В работе Дерина Барни обобщаются различные теории сетевого общества, выделяются технологические, социальные, экономические, политические и культурные аспекты развития сетевых глобальных институций и практик. Выстраивается модель взаимоотношений между технологиями и обществом, рассматриваются проблемы цифровой демократии (*digital democracy*), возможности для реализации инициатив новых социальных движений (*new social movements*), трансформаций культуры, общества и появление специфических идентичностей [Barney, 2004]. Эволюция сетевого общества самым непосредственным образом влияет на формирование глобального гражданского общества через эффективную работу социальных сетей.

Многопрофильное коллективное исследование «Формирование сетевого общества: новая роль гражданского общества в киберпространстве» (2004) под редакцией Дугласа Шулера и Питера Дея – пожалуй, первая значительная попытка описать природу сетевых тактик и понять механизмы влияния сетей на формирование гражданского общества в глобализирующемся мире. Авторы разделов книги на основе документальных данных анализируют феномен появления в киберпространстве социальных сетей (*civil society in cyberspace*). Экспертные исследования в ос-

новном сосредоточены на теме новых форм демократии и их обеспечения сетевыми технологиями в информационную эпоху [Schuler, Day, 2004].

Сегодня социальные сети – это глобальные медиа-инструменты для осуществления маркетинговых и социальных практик (гражданский активизм) в планетарном масштабе. Беспрецедентный количественный и территориальный экспоненциальный рост сетей позволяет считать их стратегическим информационным и операциональным ресурсом расширения и консолидации глобального гражданского общества. Первоначально социальные медиа трансформировали способы коммуникации, затем они стали радикально изменять способы ведения бизнеса. Собственно говоря, именно с коммерцией и агрессивным «точечным» маркетингом связана отработка наиболее эффективных сетевых стратегий. Само выражение «Твиттерная революция» (как впрочем и *«blogging revolution»*, *«Facebook Revolution»*) появилось в качестве констатации новейшей коммуникативной революции. Скорость, адресность, вездесущность и оперативность получения / переадресации значимой информации «пришлись ко двору» всем тем, кто большую часть своего времени проводил в Интернете и постоянно пользовался мобильным телефоном (подключённым к Интернету). Манифестом микроблоговой революции стала книга Деборы Мичек и Уоррена Уитлока «Твиттерная революция: Как социальные медиа и мобильный маркетинг меняют наш способ ведения бизнеса и онлайн-рынок» [Micek, Whitlock, 2008].

Информационное общество постоянно создаёт новые стартовые условия для деятельности граждан и организаций. Быстрота перемещения огромных массивов адресной информации и широкий диапазон её распределения (рассылки) позволяет в короткие сроки мобилизовать потребителя или социального активиста для индивидуальных или коллективных действий. Социальные сети интегрированы на основе Интернета, дополняются возможностями мобильной телефонной связи, благодаря чему группы граждан ассоциированных по интересам в виртуальной информационной среде реализуют свои коммуникативные потребности. Информационные, технологические и организационные ресурсы «Фейсбук» (*Facebook*), «Твиттер» (*Twitter*), «Майспейс» (*Myspace*), «В Контакте» глобальны, многовекторны и являются многоуровневыми инструментами воздействия и контроля отдельных пользователей, группы граждан и «виртуальных сообществ». Начальный этап развития и очевидная эффективность социальных сетей проявились прежде всего в рекламной и организационно-маркетинговой сфере. В последние годы социальные сети также стали мощным социально-политическим ресурсом. Экономическое направление развития Интернета и социальных сетей очевидны. Книга Клары Ших «Эра Фейсбук: успешное продвижение продуктов в онлайн-сетях» [Shih, 2009] позволяет понять специфику работы в интернетизированных социальных сетях и гарантирует выигрыш «бонусов» для тех индивидуумов, которые рискнули своими материаль-

ными и социальными инвестициями в этот непредсказуемый эмерджентный сектор «экономики будущего».

Для адекватного понимания базисных принципов социальных приложений мобильных технологий и поведенческих корреляций пользователей мобильной связи необходимо знать, как работают способы репрезентации данных и какова эффективность прикладной коммуникации. Эти параметры необходимо изучать в долгосрочной перспективе, учитывая многоуровневый характер измерений.

Социальные сети могут быть инструментом любых практик, направленных на достижение быстрого и эффективного результата через групповую («клубную») коммуникацию. Первоначально авторы книг о социальных сетях изучали в основном их маркетинговые возможности. О практически бесконечных бизнес-возможностях социальных сетей для индивидуумов и организаций пишет Дэн Заррелла [Zarrella, 2009].

Целая серия издательства «Сибекс» (Sybex) посвящена исследованию целевых аудиторий, построению идеальной маркетинговой платформы сетевого бизнеса, стратегиям маркетингового внедрения в экономическое Интернет-пространство. Социальные сети и социальные медиа уже прочно стали активной частью маркетинговых планов большинства малых, средних и крупных компаний. Детально изучаются маркетинговые возможности наиболее многочисленных социальных сетей: *MySpace*, *YouTube*, *Facebook*, *LinkedIn*, *Seesmic*, *Eventful*, *FriendFeed*, *Twitter* и других. Исследование рынков сбыта, насыщенность конку-

рентной среды, агрессивный брендинг, реклама, «не-навязчивый сервис», измерительные методы в сетях и многое другое скрупулёзно рассматривается Дейвом Эвансом в книге «Социальный медиа-маркетинг» (2008) [Evans, 2008].

Нужно отметить также книгу Криса Тридвэ и Мэри Смит об эффективных маркетинговых стратегиях в социальных сетях «*Facebook Marketing*» (2010) [Treadaway, Smith, 2010]. Грег Джарбо в работе «*YouTube and Video Marketing*» (2009) развивает экономические идеи продвижения товаров, услуг, развлечений и знаний посредством имплементации и трекинга видеомаркетинговых стратегий [Jarboe, 2009]. Холис Томасис на основе демографических и социологических исследований анализирует широкие возможности использования микроблогового сервиса «Твиттер» для брендинга, рекламы, PR-компаний, предпринимательской деятельности, для профессионалов и обычных пользователей. Уже в 2006 году пользователями Твиттера были небольшие и средние фирмы, такие транснациональные корпорации, как *Apple, JetBlue, GM* и *CNN*, не говоря о более чем 32 миллионах индивидуальных пользователей в 2010 году [Thomases, 2010].

Необходимо отметить и другие экономически ориентированные книги, рассчитанные в основном на бизнесменов и студентов экономических специальностей университетов, решивших посредством глобализированных социальных сетей использовать онлайн-маркетинг для освоения Интернет-Клондайка. Предпочтительными являются *Twitter*, по мнению Комма и Ро-

бинса [Comm, Robbins, 2010] и *YouTube* считают Шепп [Schepp, Schepp, 2009] и Миллер [Miller, 2011].

Когда речь идёт не о продовольствии, одежде и мобильных телефонах, а о «политическом продукте» для внутреннего или внешнего пользования, то нужно заметить, что маркетинговые технологии, отработанные в социальных сетях, могут с «модернизацией» использоваться для политической мобилизации индивидуумов. Для понимания спектра возможностей и продуктивного использования маркетингового движения необходима оценка мотиваций потребителей.

Более чем один с половиной миллионов пользователей, работающих ежеминутно на *Facebook*, ничего не говорят социологу. Вполне возможно, что это миллионы «зомбированных» пользователей. Но может, эти цифры говорят и о другом (о том, что это миллионы социально активных ответственных граждан). Качество и релевантность информации - вопрос времени и социальной ответственности. Главное здесь то, что резонансность и адекватность информации становится международной нормой, которую нельзя «обойти», «игнорировать», которой нельзя пренебречь. Бизнес и информация переплетаются с социальной и политической информационной «тканью». Затем всё это информационное многообразие пропускается через социальные сети, использование технологий вирулентного распространения информации. Так возникает автономная самодостаточная онлайн-овая сегментированная инфосфера, которая превращается в глобальный симулякр «кластерной конфиденциальной экс-

клюдивной информации». Возможна ли информация автономия в эпоху глобальных трансформаций? Это ключевой вопрос развития глобального гражданского общества.

4.5. ПЛАНЕТАРНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мобильная телефонная связь прочно вошла в бытовую и деловую коммуникацию большинства населения нашей планеты. Мобильных телефонов уже гораздо больше, чем стационарных аппаратов телефонной связи. Сегодня мобильная связь и мобильные технологии во многом определяют направленность и эффективность коммуникации в современном мире. Социальные теоретики и антропологи изучают разнообразные аспекты этого феномена. Исследователи, в том числе философы, политологи и культурологи, пытаются постичь взаимосвязь между технологическими трендами и социокультурными трансформациями информационной эпохи. Высокоинтеллектуализированная коммуникация посредством Интернет и мобильной связи – это не только технологический инструмент, но также средство для нового культурного и социального дизайна, считает Говард Рейнгольд [Rheingold, 2002]. В свою очередь Рич Линг в работе «Мобильная связь: влияние сотовых телефонов на общество» (2004) поднимает проблему техносоциального детерминизма в истории современного социума и пы-

тается выяснить степень нашей «мобильной зависимости». Последствия взаимодействий новых технологий и традиционных обществ были очевидны уже во времена неолитической революции, после которой оседлый образ жизни стал прообразом будущих цивилизаций, а кочевнический образ жизнедеятельности ассоциировался с культурами. Автор доказывает, что технические инновации влияют на социальную динамику и в значительной степени определяют формирование социальных институций [Ling, 2004: 171-176].

Мобильные коммуникации – это не только сугубо технический инструмент продвинутой коммуникации. Культурные особенности, принесённые мобильной связью, оказались объектом исследования многих специалистов: культурологов, социологов, антропологов, менеджеров и всех тех, кто рассматривает мобильную телефонию более чем просто современное техническое средство эффективной коммуникации. Размещение этой темы в историческом и техносоциальном контекстах позволяет понять фундаментальные факторы формирования современного информационного общества. Национальные, региональные и локальные специфические черты коррелируются с интернациональным мейнстримом – ускорения расширенного доступа уникального культурного контента для глобального культурного потребления. Конвергенция современных медиасредств позволяет рассматривать мобильную связь как часть междисциплинарных многопользовательских инструментов для продвижения идеологических, политических, соци-

альных и эстетических проектов освоения территорий информационного общества. Джерард Гоггин исследует те практики повседневности, на которые значительное влияние оказало широкое распространение мобильной телефонии [Goggin, 2006].

Хотя не стоит забывать и о том факте, что мобильная связь сегодня интегрирована с Интернет и социальными сетями. Это создаёт глобальный коммуникативный эффект, которым пользуются маркетологи и политики [Blumauer, Pellegrini, 2008]. Не только в большом бизнесе происходят постоянные «поглощения» и «слияния» фирм, корпораций в целях усиления конкурентоспособности. Новые технологии даже более подвижны и открыты для создания более успешных и эффективных конфигураций.

Конвергенции медиаинструментов предшествует конвергенция культуры, доказывает Генри Дженкинс. Культурный сдвиг (*cultural shift*) изменяет социокультурную динамику и делает возможным технологическую революцию [Jenkins, 2008]. Понятие «конвергенции» всё чаще употребляется в связи с возрастающей тенденцией пролиферации научного знания высоких технологий. Кроме того, происходит конвергенция технических средств и социальных технологий. Примером этой тенденции является конвергенция новых медиа-технологий (*new media technologies*), социальных медиа (*social media*) и технологий, поддерживающих семантические сети (*semantic web technologies*). Изучение этого процесса предполагает междисциплинарный подход. В отличие от знаний, связанных с конкретной предмет-

ной областью (*domain-dependent knowledge, domain-specific knowledge*), исследование в этом случае должно быть направлено на сами познавательные технологии (*knowledge technologies*). Поскольку социальные медиа и семантические сети взаимодействуют в образовательных, исследовательских, экономических и коммуникативных контекстах, то это требует приложения также инструментов социальной теории и культурной антропологии. Базовой предпосылкой изучения механизмов такой конвергенции является допущение комплементарности технологий. Координация совместной деятельности (*collaboration*) специалистов позволяет формировать новые стратегии сетевых познавательных технологий (*networking knowledge*). Составители и авторы комплексного исследования «Сетевое знание – сетевые медиа» (2009) поставили задачу описать и проиллюстрировать различные подходы для изучения этого нового проблематического поля [Pellegrini, Auer, 2009].

Интеграция и конвергенция информационных технологий и новых социальных технологий позволяет гражданам и общественным движениям, становящемуся глобальным гражданскому обществу, создавать более эффективную и скоростную коммуникацию. Благодаря этому возрастают ресурсы контроля государственных организаций и отдельных функционалов, что создаёт ситуацию генезиса «прозрачного общества» [Vattimo, 1992]. Джанни Ваттимо, анализируя значение медиасферы для формирования идеологии и позитивных политических практик, скептически смотрит на достижение объективной истины, по

крайней мере в поле социогуманитарной деятельности. Истина не абсолютна, она интерпретируется и конструируется в ходе демократической коммуникации, показывает итальянский философ [Vattimo, 2011]. Становление новых общественных отношений в глобализирующемся мире в сильной степени зависит от взаимодействия государства, гражданских объединений и овладения новыми технологиями, информационными в частности.

Мобильная телефония – это отнюдь не изолированное и самодостаточное техно-коммуникативное явление в современном постиндустриальном глобализованном мире. Изобретения девятнадцатого века, такие как телеграф, телефон и радио, в «снятом» виде неизбежно присутствуют в современной сотовой связи. Кроме того, мобильная связь является одним из компонентов широкомасштабного процесса, который именуется «конвергенцией технологий». В различных контекстах это подразумевает взаимодействие, взаимодополняемость и взаимное усиление однопорядковых технологических трендов – например, *NBIC-технологии (нано-био-инфо-когно-технологии)* [Bainbridge, 2003; Bainbridge, 2006; Bainbridge, 2007]. В случае с сотовой телефонией, мобильная связь находится в процессе конвергенции с другими информационными технологиями: обычной кабельной телефонией, радио, телевидением и Интернет. Мобильные телефоны последнего поколения представляют собой, по существу, многофункциональные терминалы для приёма, обработки и хранения гигантских объёмов инфор-

мации. В форме текстов, аудиосообщений, фото, видео, 3D-моделей виртуальной реальности, видеоигр, выходов в социальные сети, обеспечивая доступ к банковским счетам, для осуществления платежей за материальные и виртуальные объекты потребления и т. д. [Jenkins, 2008]. Экспоненциальному росту глобальной мобилизации способствует маркетинговая составляющая расширения мобильной телефонии. Телефонные аппараты, аксессуары к ним, программы, услуги, контент, развлечения, лотереи, конкурсы, абонплата и другие полезные и чаще бесполезные функции являются явно или опосредовано производными конsumerистских стратегий транснациональных корпораций, работающих на этом высокотехнологичном перспективном глобализированном рынке.

Планетарная мобилизация в первой декаде XXI века фундаментально изменила глобальное коммуникативное пространство, практики повседневности, приватную жизнь, коммерцию, а также создала новые возможности для укрепления гражданских инициатив, в том числе, техно-коммуникативных предпосылок построения глобального гражданского общества. Мобилизация тинейджеров и молодёжи (индивидуумов от 12 до 30 лет) позволяет выделить «поколение C» (*generation communication*) [Stein, 2011], наряду с «поколением X», «поколением Z», «поколением *Pepsi*» и другими «поколениями». Такая типология отражает попытки социологов и социальных теоретиков классифицировать гендерные группы эволюционирующего общества потребления, где от предпочтений моло-

дѣжи во многом зависит развитие экономики и формирование социокультурной сферы. «Поколение С» (*Generation C*) расшифровывается как «поколение коммуникации» (*generation communication*), поскольку для этого возрастного интервала выделенной спецификой является возможность, способность и даже необходимость «быть на связи» всюду, всегда и везде. Технологическим условием появления «Поколения С» явилось создание компьютерных сетей нового поколения, что, собственно, и послужило началом конвергенции стационарных и мобильных сетевых технологий, что показывает в своём исследовании Кшиштоф Иневски [Iniewski, 2010].

Одними из основных акторов глобальной интернетизированной мобилизации являются транснациональные компании *Nokia, Samsung, Sony Ericsson* и др. Глобальная мобильная революция была подготовлена многолетней, напряжённой, инновационной деятельностью в условиях высококонкурентной среды. Успех глобальной мобилизации был обеспечен несколькими высокотехнологичными фирмами. В их числе всегда находилась финская компания *Nokia*. Автор книги «*The Nokia Revolution*» Дэн Стейнбок специализируется на истории, технологических инновациях, маркетинговых стратегиях и социальных импликациях мобильной революции. В своей первой книге по этой тематике он представил фундаментальное исследование одного из наиболее успешных игроков на глобализированном поле мобильной телефонии. В своей работе он показал сквозь историческую призму эволюцию фин-

ской производственной компании *Nokia*. Автор попытался найти «секреты» перманентной инновационности, нестигаемой конкурентной устойчивости и впечатляющего успеха у разнообразных потребителей. Стейнбок считает, что именно благодаря уникальному менеджменту *Nokia* стала своего рода движущей силой на рынке глобальных мобильных коммуникаций. Он также отмечает специфические удачные дизайнерские решения и стратегии, которые сделали бренд узнаваемым и ожидаемым. Кроме того, показаны инновационные высокотехнологичные проекты, которые позволили компании стать одним из лидеров в продвижении беспроводной связи третьего поколения (книга Стейнбока «*The Nokia Revolution*» вышла в 2001 году). Баланс между сохранением менеджерских, маркетинговых, организационных традиций и революционных технологических инноваций, по мнению Стейнбока, позволил *Nokia* выстоять в борьбе за доминирование в условиях глобального рынка мобильной телефонной связи [Steinbock, 2001]. В следующих своих работах, развивая темы «мобильная телефония», «мобильная революция», «глобализация рынков», Стейнбок уточняет свои первоначальные ключевые тезисы и дополняет исследования актуальными материалами, а также новой информацией [Steinbock, 2007; Steinbock, 2010].

Мобильная связь и Интернет радикальным образом преобразовали обыденную жизнь и профессиональную среду обитания. Прежде всего это относится к сфере коммуникации. Культурное и социальное время существенно уплотнилось, и индивидуумы стали

выполнять во много раз больше дел, чем до начала интернетизированной мобильной революции. Однако, несмотря на заметные преимущества, появились также и проблемы «перепроизводства» технологичной глобализированной коммуникации. По крайней мере, так считает Нэнси Бэйм в своей работе «Межличностные связи в цифровую эпоху» (2010) [Baum, 2010]. Автор показывает, что «заочные» контакты между людьми возможны и эффективны в определённых экстремальных ситуациях, но в плане постоянного общения ущербны, поскольку лишены психоэмоциональной компоненты непосредственного человеческого общения. Физическое присутствие участника диалога онтологически иное и, главное, более подлинное, чем дистанцированная коммуникация с помощью технических средств. Эти размышления Бэйм особенно актуальны сегодня, когда для многих людей общение в социальных сетях вытесняет традиционные виды контактов и непосредственной коммуникации. Брайан Чжень рассматривает феномен *iPhone-революции* и перспективы будущего в режиме «*always-on*», то есть нашего повседневного существования, когда мы «всегда на связи» (*always-on*) [Chen, 2011]. В своей полемической книге он показывает, как чудоизобретение корпорации Эппл – *iPhone* – открыл для нас возможность быть на связи всюду и в любое время (*unlocked the anything-anytime-anywhere*), благодаря соединению трёх революционных технологий: мобильной телефонии, аппарата *iPod* и сенсорного дисплея без механической клавиатуры. Но с другой стороны,

iPhone заблокировал нас (*locked us in*) в этой гиперкоммуникативной информационной сфере. Позитивные достижения этого нового высокотехнологического гаджета не должны скрывать заложенных в нём маркетинговых ловушек, потенциального нарушения приватности, реальной свободы и возможностей для креативной самореализации, утверждает Чжень. Философские дискуссии о «пользе» и «вреде» техники для человека восходят к тридцатым годам двадцатого века. Шпенглер, Бердяев, а позднее Ясперс, Хайдеггер и Гелен анализировали место техники в жизни человечества. Однако если выдающиеся философы исследовали разнонаправленные эффекты индустриальных технологий, то Брайан Чжень исследует положение дел в период продвинутых симбиотических информационных технологий, когда техника – это уже не только то, что рядом с нами, но это уже «продолжение» тела, или, во всяком случае, соблазнительный высокотехнологичный протез.

Как и другие массовые инновационные технологии, мобильные телефоны и сотовая связь широко распространены и имеют массу аспектов, выходящих за пределы основной функции – межличностной коммуникации. Одним из важнейших и стратегических применений интернетизированной мобильной коммуникации является её востребованность и пригодность для использования в локальной и глобальной медиасфере [Feldmann, 2005]. Поэтому создаются многочисленные новые специализированные программы под специфический контент и сервисные приложения.

Новый импульс для развития мобильных медиа создали экспоненциально развёртывающиеся социальные сети. Политизация социальных сетей, их использование в социально-политической деятельности (твиттерные революции, фейсбук-революции) делают мобильную интернетизированную среду мощным международным политическим и политэкономическим ресурсом. Название книги Говарда Рэйнгольда «Интеллектуальные толпы» двусмысленно. Ведь мы знаем, что толпа ведёт себя инстинктивно, иррационально, а не рационально или, тем более, интеллектуально. Но Рэйнгольд, автор бестселлера «Виртуальное сообщество», имеет в виду не те толпы, которые возникали до начала информационной и, тем более, мобильной революции, а индивидуумов, коммуницирующих посредством беспроводной связи. Именно они, как показывает автор, являются творцами новой, противоречивой высокотехнологичной современной культурной среды. Эту мобильную революцию по умолчанию возглавили в основном тинейджеры, для которых мобильный телефон превратился из имиджевого высокотехнологичного гаджета в повседневный неотъемлемый атрибут многоуровневой коммуникации и некоторым образом в «электронный протез», без которого возникает угроза гендерной и персональной идентичности [Rheingold, 2003]. Повседневное общение, учёба, работа, коммерция, развлечения – сегодня уже очевидно, что благодаря «твиттерным революциям» эффекты «*smart mobs*» становятся значительным фактором и социально-политической сферы.

Спектр применения ресурсов «*smart mobs*» широк: от антиглобалистских акций в Сиэли и Маниле до оппозиционных движений в Молдове, Иране, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Такие технологии как *WiFi* и Интернет могут превратить «*smart mobs*» в ключевой ресурс формирования глобального гражданского общества или в деструктивную силу для реализации геополитических стратегий. Потенциал «мобилизированной толпы» ещё не раскрыт полностью, а потому является привлекательным объектом социокультурного, социально-политического и социологического анализа. Для демонстрации динамических и организационных характеристик общества, где «интеллектуальные толпы» играют всё большую роль, Рейнгольд использует неологизм «адхократия». Термин *ad-hocracy* произведён от латинского выражения *ad hoc* – то есть ситуация, устроенная для какого-то эксклюзивного случая, для реализации определённой цели (с коннотацией у Рейнгольда – «специальная, эпизодическая, чрезвычайная акция»). Адхократия «работает» противоположным образом, чем веберовская бюрократия. Главное то, что в адхократии нет очевидного легитимизированного «начальника», отсутствует ясное разделение функций и отсутствует строгая (и нестрогая, впрочем, тоже) иерархия. Как нам кажется, это какая-то неустойчивая форма ситуативной упорядоченности в поле спонтанности и методологической анархии. Однако необходимо отметить, что сам автор скептически относится к будущему об-

ществу, в котором доминирует адхократический принцип управления.

Используя объяснительный потенциал консюмеристской экономики и теории игр, Джеймс Суrowецки исследует поведенческие механизмы малых диверсифицированных групп – в его терминологии, *crowds* (массы, толпа). Название его книги «*The Wisdom of Crowds*» (2005) [Surowiecki 2005], можно перевести как «Мудрость масс», и это напоминает название книги Говарда Рэйнгольда «*Smart Mobs*» (2003) «Интеллектуальные толпы», где речь также идёт о деконструкции понятий «толпа», «масса», «народ». Прежние представления о малых группах с неустойчивыми организационными связями стоит радикально пересмотреть, считает Суrowецки, поскольку нынешние «толпы» более свободны и более информированы, технологически оснащены для постоянной коммуникации (мобильная связь, Интернет). Автор пытается показать, что в целом «мобилизованная толпа» умнее, чем сумма интеллектов всех её членов. У этих новых «толп» есть потенциал, который может быть развит, а именно: *когнитивные способности*, эффективная *координация* посредством синхронизации действий, наконец, *кооперация*, где эгоистические импульсы подавляются самим индивидуумом во имя достижения значимых «общественных целей». Как бы там ни было, но слабое место всякой толпы – это повышенная эмоциональность и иррациональность поступков. Согласно автору, этим стихийным группам необходима «работа над ошибками», а потому им нужно культивировать принцип раз-

нообразия мнений, повышать уровень персональной автономии, стремиться к децентрализации решений, учиться вырабатывать коллективные идеи. В общем, выдвигается достаточно дискуссионный тезис о «коллективном разуме» малых групп. Получается аналогия с «облачным интеллектом» в современном компьютеринге. Эта гипотеза нуждается в аргументированном доказательстве, а не в ассоциативных интуициях автора. Хотя, учитывая возрастающую популярность и социально-политическую ангажированность социальных сетей, эта тема является весьма перспективной.

Психология толпы – тема отнюдь не новая. Специфика современных дискуссий в этом направлении заключается в учёте радикально изменившейся коммуникации и организации спонтанных по сути своей действий. Технологии интернетизированной телефонии, разветвлённые специализированные социальные сети создают новые возможности для демократизации социальных процессов, но также и различные риски (конфиденциальность, дезинформация, провокации и т. д.). Во второй декаде XXI века фактически все средства мобильной связи равно доступны бедным и богатым на глобальной шкале. Во всех странах мира имеется устойчивая тенденция интернетизации и мобилизации социальных сетей, поэтому маркетинговые и политические инструменты использования эмерджентного тренда мобильной революции становятся стратегическим ресурсом решения экономических, внутривнутриполитических и геополитических проектов.

Информационное общество создаёт предпосылки для функционирования политехнологии нового поколения. Одним из результатов развития инфосферы стали «сетевые революции». Их влияние на технико-социальную эволюцию человеческой цивилизации не стоит преувеличивать. Это элемент ускорения социальных трансформаций. Тем не менее, информационными ресурсами нельзя пренебрегать, поскольку они существенно изменяют коммуникативные формы жизнедеятельности.

4.6. КИБЕРКУЛЬТУРА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В рамках развитого информационного общества формируется информационная культура, что требует создания общеобразовательных программ, направленных на корректное получение и использование информации. Появляется такая дисциплина как компьютерная этика. Информационная культура – это способность общества эффективно использовать информационные ресурсы и средства информационных коммуникаций. Кроме того, она позволяет рационально применять передовые достижения в области развития средств информатизации и информационных технологий. Происходит «технологический сдвиг» в области традиционной культуры, её производства и дистрибуции.

Визуальная культура существует более нескольких десятков тысяч лет. Это подтверждают изображе-

ния Альтамиры, пиктограммы, найденные на разных континентах? и неолитическая скульптура. Однако в условиях информационного общества визуальная культура становится наиболее эмерджентной формой медиа-сферы и киберпространства. Традиционная визуальная культура включает в себя фотографию, живопись, скульптуру, моду, рекламу. Информационные технологии создают новые возможности, и появляются системы производства и мультипликации цифровых изображений, формируется расширяющаяся «цифровая имажинативная вселенная», виртуальная реальность. Современная визуальная культура, очевидно, нуждается в междисциплинарных исследованиях [Mirzoeff, 2002]. Цифровые медиа расширяют свою экспансию, осваивая «культурные территории» традиционной медиа-сферы: пространства устных народных нарративов, письменной литературы, школьного и университетского образования, драматургии и кино. Авторы комплексной работы «Киберкультура и новые медиа» изучают изменения отношений между «старыми» и «новыми» медиа [Ricardo, 2008]. Новая визуальная культура непосредственно связана с новыми медиа-технологиями (*new media technologies*), новыми средствами коммуникации (*new communications*) и, в определённом смысле, является производной информационной революции [Lister, 2009]. Эмерджентные медиа информационного общества показывают радикальную реконфигурацию современного медиа-пространства. Принципиальной технологической инновацией в цифровых медиа является воз-

возможность интерактивной деятельности индивидуумов, отмечает Рикардо [Ricardo, 2009]. С точки зрения текстологии и теории литературы информационное пространство буквально переворачивает параметры классического текста. Как показывает Найар, в идеальном тексте цифровой эпохи все «субтексты» переплетены и интерактивны. Этот мега-текст, по сути дела, представляет собой «галактику означающих» (*galaxy of signifiers*), каждое из которых – реверсивно (*reversible*), при этом доступ к каждому из них открыт по нескольким направлениям, причём ни одно из значений не является «главным» (*authoritatively declared*) [Nayar, 2004: 95]. Новые медиа значительно расширяют культурное пространство, делают его пластичным, гомогенизированным и интерактивным.

Одним из основных триггеров современной киберкультурной эмерджентности являются онлайн-игры. Первые примитивные видеоигры появились как техно-экспериментальные забавы в среде программистов задолго до создания мультимедийности и 3D технологий, до появления Интернета и игровых приставок *Xbox*, *Nintendo*, *PlayStation*, *Game Boy* и других. Поэтому киберкультура вначале появляется как субкультура «продвинутых пользователей» со специальным математическим и инженерным образованием. Такие исследователи как Джон Маркофф [Markoff, 2005] и Фред Тёрнер [Turner, 2006] показывают мощное влияние контркультурных трендов 60-х годов на формирование современной киберкультуры. И только после Интернет-бума конца 90-х годов прошлого века

она становится новым эмерджентным сегментом визуальной культуры. Сегодня уже очевидно, что Интернет является основной площадкой для продвижения киберкультурных проектов. Игры, как и музыку, как фильмы можно покупать в сети, а не в специализированных магазинах. Многопользовательские игры *online* становятся более привлекательными, чем домашние игры «один на один» с собственным компьютером. Сотни миллионов пользователей иногда или постоянно находятся в игровом пространстве. Но их состав неоднороден. Этнические, религиозные, гендерные и социальные черты определяют жанры и мотивацию геймеров. Помимо игр существуют чаты, форумы, видео-проза, видео-арт и другие формы, основанные на цифровых технологиях и моделируемой виртуальной реальности. Поэтому необходимо учитывать чрезвычайно широкую шкалу, на которой располагается киберкультура. Здесь присутствуют в качестве акторов: группы хакеров, блоггеров, участников кланов видеоигр, индивидуумов, вовлечённых в разнообразные социальные сети, просто пользователей интернет-ресурсов. С расширением киберкультурного пространства тесно связаны дальнейшая киборгизация человеческого тела, киборгизация социальной реальности и футуристических проектов новой антропологии. Отсюда происходят литературные, кинематографические, а затем и социально-философские презентации темы киберпанка. Киберпространство, в интерпретации Найара, это согласованная коллективная галлюцинация (*consensual hallucination*), ежедневная реаль-

ность для миллионов (возможно, сегодня – и миллиардов) пользователей, фундированная математическими концептами и компьютерными программами [Nayar, 2004: 66].

В литературном жанре научной фантастики в середине восьмидесятих годов прошлого века появились первые концепты киберкультурной антропологии. *Neuromancer*, *Johnny Mnemonic* и другие киберпанковые персонажи Уильяма Гиббсона [Gibson, 1984; Gibson, 1995] постепенно вышли за пределы книжных страниц, стали заполнять широкоформатные киноэкраны, мониторы компьютеров и появляться в субкультурных группах. Часто киберпанк ассоциировался с субкультурой хакеров и других представителей контркультуры цифровой эпохи [Hafner, 1995; Featherstone, Burrows, 1996]. Гендерная проблематика и особенно киберфеминизм в конце девяностых годов становятся ведущими темами киберкультурных исследований [Balsamo, 1995]; [Gray 1995]; [Hovenden, Jones, 1997]. Киберкультура развивается по восходящей линии благодаря всё большей технологизации повседневной жизни и ускорению передачи информации между пользователями информационных сетей. Увеличение сегмента развлечений, базирующихся на электронных носителях, интернетизация коммуникации и бизнеса, увеличение количества онлайн-сообществ, онлайн-многопользовательских игр, расширение социальных сетей, социальных медиа, социального сетевого активизма способствовали появлению новых культурных форм. Именно наличие и

распространение этих культурных форм в режимах сетевых интеракций и даёт возможность выделить их в новый тип культуры – киберкультуру. Киберкультура, виртуальная реальность, коммуникация в условиях расширенной виртуальной культуры, идентичность в киберпространстве, специфика киберсообществ и другие экзотические для философии культуры предметы всё чаще обсуждаются в рамках междисциплинарных исследований [Jones, 1997]; [Jones, 1998]; [Kennedy, Bell, 2000]. Наиболее важным вопросом формирования киберпространства и киберкультуры является онтологический статус виртуальных миров. Та реальность, которая симулируется с помощью информационных технологий и доступна пользователям благодаря мультимедийным средствам, получила наименование виртуальной реальности (или виртуальных миров). Фундаментальные философские вопросы о природе бытия, действительности, реальности, гиперреальности проявляются в исследованиях таких авторов, как: Кастронова [Castronova, 2006]; [Castronova 2008] и Найар [Nayar 2004]; [Nayar 2010a].

Одной из наиболее характерных особенностей трансформации информационного общества стала киберкультура. Специфично обнаруживается она в игровой индустрии. Компьютерные игры стали неотъемлемой частью досуга детей, подростков и взрослых. Информационный контент часто деллокализован, фрагментирован и асинхронен, поэтому традиционные привязки к «месту и времени» не работают и идентичность информации ставится под вопрос

[Nayar, 2004: 191]. Такие характеристики способствуют расширению космополитической ментальности в среде пользователей и геймеров. Здесь есть и значимый коммерческий эффект. Мировой рынок компьютерной игровой индустрии имеет годовой объем продаж в несколько миллиардов долларов. Этнонациональные и локальные специфические характеристики потребителя становятся препятствием для продвижения глобальных торговых брендов.

Развитие информационных технологий и широкое распространение их во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, социокультурную сферу, образование, способствовало возникновению такого синтетического явления как киберкультура. Одним из лучших вариантов введения в область киберкультурных исследований является работа Дейвида Бэлла «Введение в киберкультуры» (2001). Автор представил теоретические основания и тематизировал поле новых культурных исследований [Bell, 2001]. Бэлл, оставаясь в области академических подходов *cultural studies*, стремится использовать свои знания о прикладных аспектах компьютерных технологий. Используя манифестации куберкультуры в литературе и кинематографе, автор проявляет специфические смыслы для новейших культурных форм, тесно связанных с информационными технологиями. Такие темы, как «идентичности в киберкультуре», «тела в киберкультуре», «культурные исследования киберпространства» и другие, обнаруживают оригинальные интерпретации новых видов культурной деятельности.

Один из наиболее известных экспертов в области киберкультуры Пьер Леви также представил теоретическое введение в исследование культуры, базирующейся на цифровых носителях. В работе «Киберкультура (Электронные медиации)» (2001) он описал и систематизировал знания о киберпространстве, включая инфраструктурный, технологический аспект и практические, прикладные технологии для обычного массового использования с тенденцией к разветвлению культурных цифровых практик [Levy, 2001]. Леви делает оригинальные философские обобщения и широко исследует социальные реалии информационного общества.

Работы, опубликованные в книге «От Барби к Смертельной битве (*Mortal Kombat*): гендер и компьютерные игры», тематически связаны с запутанными вопросами, возникающими у исследователей феномена видеоигр для девочек. Традиционно пользовательская аудитория компьютерных игр – это мальчики, поэтому гендерный анализ открывает новые аспекты молодёжной киберкультуры. Какова связь технологий, гендерных особенностей и воздействия виртуальной реальности на человека в зависимости от пола и возраста? Как происходит социализация посредством видеоигр? Эти проблемы пытаются решить авторы коллективного исследования [Cassell, Jenkins, 2000]. Американский культуролог Генри Дженкинс является основателем и директором Центра компаративных медиа-исследований и программ при Массачусетском технологическом институте (MIT). Его очередная работа «Конвергенция культуры: там, где сталкиваются

«старые» и «новые» медиа» (2008) [Jenkins, 2008a] – это результат многолетних исследований взаимодействия культурных трендов в условиях цифровой эпохи. Дженкинс показывает, что на самом деле новые медийные формы не вытесняют из культурного пространства «старые медиа», но происходит симбиотический эффект на основе сложных комплексных взаимодействий и взаимовлияний. Этот феномен он обозначает как «конвергенция культуры» (convergence culture). Анализируются такие акторы новой культуры, как: продюсеры, аудитория, контент. В противоположность многим исследователям культур в цифровую эпоху Дженкинс считает, что триггером для экспоненциального развития новых медиа оказались не только высокие технологии, но и фундаментальный культурный шифт, специфика культурной динамики, широкая вовлечённость коньюмеризированных индивидуумов в производство культурных форм.

В конце первого десятилетия двадцать первого века Интернет стал не только глобальным инструментом передачи разнообразной информации, он формирует специфическую культурную среду, проще говоря – киберкультуру. Это быстро развивающийся сегмент глобализирующегося культурного пространства. Авторы сборника работ по этой теме изучают новые типы сообществ информационной эпохи: онлайн-сообщества хакеров, игровых кланов, социальных сетей (типа *Facebook*), контрибуторов Википедии, блоггеров и тех, кто постоянно пользуется подкастом. Неравный доступ к Интернету, цензура, непрозрачность сетей,

проблемы в процессе информационной социализации и другие препятствия для отдельных пользователей и сообществ непосредственно относятся к формированию современной киберкультуры [Jenkins, 2009].

Дженкинс высказывает и аргументировано доказывает оригинальную идею о том, что в современной культуре очень важную роль играют «фаны», рассматривая их не как членов маргинальных сообществ, но как социально активную, креативную силу. В исследовании «Фаны, блоггеры и геймеры: медиапотребители в цифровую эпоху» (2008) он показывает, что массовая популярная культура формируется во многом под воздействием фан-групп, которые одновременно являются наиболее значимой аудиторией, активными потребителями, носителями рекламы – одним словом, теми, кто энергично (подчас даже неосознанно) продвигает новые успешные культурные проекты. Поэтому фаны, блоггеры и геймеры оказываются «героями» новых высокотехнологичных культурных горизонтов. Дженкинс призывает дезавуировать стереотипы фанов как устаревшие ярлыки маргинализации и стигматизации соответствующих субкультур [Jenkins, 2008b].

В своём исследовании «Виртуальные миры: культура и политика в век кибертехнологии» (2004) Прамод Найар предпринял удачную попытку междисциплинарного изучения феномена киберкультуры, которая принципиально зависит от развития новейших технологий [Nayar, 2004]. Оригинальность работы заключается в том, что Найар размещает дискурсы о

киберкультуре в контексте глобальных трансформаций, привлекая медицинские исследования, указывая на такие современные факторы, как консюмеризм, увеличение сегмента досуга в практиках повседневной жизни, обучающие практики, установление идентичностей. Исследователь опирается на теоретические достижения таких выдающихся учёных, как Мануэль Кастельс, Стюарт Холл, Донна Харэвей, Поль Вириллио, Кэтрин Хайлс. Акцентируются такие проявленные аспекты технокультуры, как музыкальные файлы, видеоигры, сегментированный (концентрированный) маркетинг, электронная текстуальность, косметическая хирургия и другие яркие проявления современной технологизированной повседневности. Основная направленность работы – исследование того, как социокультурные производные кибертехнологий просачиваются и распространяются в сфере популярной культуры и социальной политики.

Прамод Найар, один из наиболее известных исследователей киберкультуры, показывает, как происходит конвергенция новейших видов медийных инструментов и существующей киберкультуры [Nayar, 2010a]. Он разрабатывает проблему идентичностей, как она проявляется в медиа-пространстве и киберпространстве. Рассматриваются такие факторы, как: классовые различия субъектов, новые географии, сетевые сообщества, расовые особенности, гендерные, специальные характеристики, эстетические инновации, политика и др. Отсюда происходит попытка новой картографии популярной высокотехнологизиро-

ванной цифровой культуры. Формально книга представляет собой «Введение в новые медиа и киберкультуры» (2010), но по существу автор открывает новые пространства речи о гибридизации культуры, формировании киберкультур и развитии новых медиа в глобализирующемся мире. Одним из методологических инструментов является постколониальная теория.

Интердисциплинарные исследования социально-политических, экономических и культурных контекстов функционирования трендов новых медиа и, в особенности, расширение дигитализированной культуры представлены в сборнике работ под редакцией Прамода Найара [Nayar, 2010b]. Тематика определена полем киберкультурных исследований, какими они складывались в течение последних пятнадцати лет. Кроме содержательной стороны киберкультуры рассматриваются возможные социальные и культурные импликации эволюции киберпространства. Учёные исходят из того, что сегодня уже некорректно говорить о киберкультуре в единственном числе, более адекватным будет употребление понятия «киберкультура». Как утверждает Найар, научные фантасты и футурологи прошлого века, в частности Оруэлл и Хаксли, имели диаметрально противоположные мнения о грядущей информационной эпохе. Если Оруэлл полагал, что эффект тоталитаризма заключается в минимизации и ущемлении доступа к информационным ресурсам, то Хаксли считал, что «орудием» власти будет информационный «передоз», который ввергает индивидуума в состояние информационного коллапса, где он

оказывается бессилён перед мега-массивами разнообразной и часто противоречивой информации [Nayar, 2004: 157]. Киберкультура как сегмент информационной среды является сложнейшим и многомерным явлением. Эволюция киберкультуры и её эффекты плохо предсказуемы.

В своей повести «*Neuromancer*» Уильям Гиббсон открыл новаторский подход к пониманию антропологии для новой цифровой эры. За последние десятилетия в жанре «киберпанка» созданы не только литературные, научно-фантастические произведения, существует множество фильмов, «городских легенд» и мифов об удивительных трансформациях личности, перестроиванию сознания благодаря инновациям в области высоких информационных технологий. Нужно признать, что реальные, а отнюдь не фантастические, технологии радикально изменили жизнь современного поколения. Формы традиционной культуры агрессивно вытесняются эффектами киберкультурной деятельности. Онлайн-культура, наряду с устоявшимися формами коммуникации социальных групп, посредством функционирования множества виртуальных сообществ продуцирует новую коммуникативную среду повседневного обитания. Киберсообщество неуклонно и постоянно расширяется. Предметом изучения Стивена Джонса и его коллег как раз и являются киберсообщества, онлайн-культуры, виртуализированная коммуникация, проблемы идентичности в киберпространстве, виртуальные преступления, формы контроля в киберобществе и др. В книге «Вирту-

альная культура: идентичность и коммуникация в киберобществе» пересекаются дискурсы антропологии, коммуникативных исследований, социальной теории и психологии [Jones, 1997].

В ходе интенсивных исследований в области киберкультуры и киберантропологии, специалист по социологии Интернет Шерри Тёкл предлагает рассматривать компьютеры не только как высокотехнологичные инструменты, но и как неотъемлемые части нашего социального и психологического бытия. Работа «Второе Я: компьютеры и человеческий дух» (2005) [Turkle, 2005] содержит широкий спектр проблем осознания того, что компьютерные игры позволяют нам осмыслить некоторые аспекты нашего психологического самосознания, которые недоступны в иных модусах человеческого существования. Отношения между индивидуумами, между людьми и технологиями, авторефлексия и другие коммуникативно-практические действия раскрываются полнее через опыт пребывания в киберпространстве, доказывает исследовательница. Технологии становятся катализатором не только изменения нашего бытия, но также и нашего мышления. Первая редакция «*Second Self*» вышла из печати в 1984 году, и тогда, конечно, киберпространство было «примитивным», имело более скромные пользовательские параметры. Это было время других технических возможностей, других скоростей, и до начала Интернет-революции конца девяностых прошлого века тогда оставалось, по меньшей мере, десятилетие. За прошедшее время киберкультура суще-

ственно изменилась, и, тем не менее, основные проблемы, поставленные автором, существуют до сих пор. Новое издание «Второго Я» снабжено новым введением, новым эпилогом и также новыми ссылками. Исследовательница сделала акцент на психологических сторонах работы с компьютерной техникой.

Ставшая уже классической предыдущая, «пионерская» киберкультурная работа Шерри Тёкл «Жизнь на экране монитора: идентичность в эпоху Интернет» (1997) открыла новые горизонты для теоретизирования о человеке, личности, производстве идентичностей в обществе и культуре, пронизанных идеологией и практиками информационного общества [Turkle, 1997]. Наиболее интересная часть исследования фокусируется на тонкой грани, разделяющей идентичности в реальной жизни (RL, *real life*, *реальная жизнь вне киберпространства*) и выстраивание идентичностей в пространстве многопользовательских ролевых игр в Интернете, в которых одновременно может участвовать много играющих, взаимодействующих друг с другом в реальном времени (MUD, *Multi-User Dimensions*). Проблемы идентичности рассматриваются сквозь призму гендерных отношений. Различные аспекты формирования идентичностей в киберпространстве и виртуализации телесности исследовала Кэтрин Хейлис «Как мы становимся постгуманными: виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике» (1999) [Hayles, 1999].

В сборнике работ «Симуляция и неудовлетворённость ею» Шерри Тёкл, наряду с другими экспер-

тами, изучающими антропологию киберпространства, продолжает свои исследования идентичностей в эпоху Интернет [Turkle, Clancey, 2009]. Речь идёт о том, что технологии компьютерной симуляции кардинально трансформировали работу учёных, программистов, инженеров, дизайнеров. Авторы разделов пытаются выстроить различные таксономии, как они формируются под воздействием цифровых технологий в виртуальном пространстве.

Отношения между людьми в цифровую эпоху значительно изменились. Реальная коммуникация всё больше вытесняется онлайн-общением. Мобильная связь и Интернет увеличивают наши коммуникативные возможности, но в то же время диалог «лицом к лицу» имеет больше регистров для эмоционального соучастия и проявлений психологической эмпатии. Тёкл отмечает, в частности, что контакты в социальных сетях (*Facebook*, *Twitter* и др.) имеют скорее поверхностный характер, а впечатляющее количество «френдов» у отдельных индивидуумов, чаще свидетельствуют о дефиците реальной коммуникации, имитации подлинных отношений, явной или латентной потребности в подлинной дружбе [Turkle, 2011]. Виртуальная реальность как значимый фактор формирования новых идентичностей изучается в рамках междисциплинарных исследований также и другими авторами: Холмсом [Holmes, 1998], Массуми [Massumi, 2002], Болтером [Bolter, Gromala, 2005]. Импликации длительного пребывания в условиях виртуальной ре-

альности многообразны, включая негативные психологические, социальные и экзистенциальные эффекты.

Не всеми исследователями киберкультура рассматривается как только лишь новый этап трансформации популярной культуры. Наиболее настораживающий эффект расширения киберкультурных дискурсов проявляется в синдроме зависимости от виртуальных сообществ, онлайн-коммуникации, онлайн-игр и других проявлений виртуальной реальности. Неоднозначно влияние видеоигр на психику. Есть противники «видео-досуга» и защитники нового вида развлечений. В комплексном исследовании «Компьютерные игры как социокультурный феномен: игры без границ, войны без слёз» (2008) предприняты попытки междисциплинарного изучения видеоигр их культурных и социетальных импликаций [Jahn-Sudmann, Stockmann, 2008]. Компьютерные игры являются ключевым элементом генерации киберкультуры. В исследовании С. Пирс «Сообщества игры: новые культуры в многопользовательских играх и виртуальные миры» (2009) с использованием этнографических методов изучается непосредственный опыт видеоигр, восприятие виртуальных миров и характеристики онлайн-пространств [Pearce, 2009]. Тема компьютерных игр наряду с технологическим, психологическим и культурным аспектами имеет тенденцию морализаторских интерпретаций в направлении стигматизации «бездуховности» и манипулируемости. Т. Тэйлор в работе «Игра между мирами: изучение онлайн-игровой культуры» (2009) решает задачу опровержения

общепринятого клише относительно абсолютного вреда видеоигр. Как она показывает, компьютерные игры это не только лишь выражение психосоциального эскапизма, происходящего во тьме цокольного помещения. Просто это совершенно специфический мир и новая культура со своими особыми правилами и ценностями [Taylor, 2009]. Внимательный и непредубеждённый подход показывает, что это не чуждая человеку реальность, которую нужно отвергать или запрещать. Здесь проявляются новые возможности и, конечно же, появляются новые опасности, впрочем, как и в реальном мире. Очарование видеоигр – это не только форма консюмеризированного соблазна, оригинального проведения досуга, социализации, но также самообнаружение подлинности, социальной значимости и экспликация высокотехнологичной эстетики в условиях расширения киберкультуры. Виртуальные сообщества и фаны компьютерных игр – это часть большого человеческого сообщества.

В производстве киберкультуры важную роль играет создание симулированной реальности. Различные негативные эффекты функционирования киберкультуры связаны с тем, что рефлексия по отношению к реальности и её симуляции иногда затемнена и вместо различения пользователи сталкиваются с монструозными формами реальное-симулированное бытие или симулированное как квази-реальное. Теория симуляции и симулякров Жана Бодрийара постоянно интерпретируется и дополняется. Информационное пространство и цифровые технологии имеют особую

специфику, а потому симуляции в глобальном информационном пространстве нуждаются в новых теоретических исследованиях. По мнению Найара, симуляция сегодня более не связана с территорией, поскольку в силу технологических инноваций географическое местоположение фактически детерриториализировано в информационном пространстве, а потому и не имеет непосредственного отношения к бытию или субстанции. Симуляция – это новая генерация моделей реального без наличия источника или самой реальности, это столкновение с гиперреальным [Nayar, 2004: 54].

Интернет-зависимость становится наиболее острой проблемой, поскольку более 90 процентов молодёжи регулярно пользуются глобальными информационными ресурсами, в том числе используют онлайн-игры. Психологические и социальные импликации пребывания в киберпространстве исследуют: Дини [Dini, 2008], Кларк и Скотт [Clark, Scott, 2009], Янг и Абро [Young, Abreu, 2010,], Робертс [Roberts, 2010], Клив [Cleave, 2010]. Особое беспокойство у психологов и педагогов вызывает раннее привыкание детей и подростков к многочасовому пребыванию в виртуальной реальности и своего рода «виртуальный эскапизм». Об этом убедительно пишут Майер [Maier, 2006], О. Бруннер и К. Бруннер [Bruner, Bruner, 2006], Кэш, Макдениэл, Лукас [Cash, McDaniel, Lucas, 2008], Бауэрляйн [Bauerlein, 2009]. Всё острее проявляется проблема манипуляции интернетизированными индивидуумами благодаря усилению маркетинговых и политтехнологических стратегий, направленных на

осуществление манипуляцией сознанием пользователей. Такие риски анализируют Николос Карр [Carr, 2011] и Дж. Ланир [Lanier, 2011]. Все эти проблемы необходимо рассматривать в более широком культурном контексте, комплексно, в рамках парадигмального техно-социального сдвига. Он начался ещё во времена индустриальной революции и ускоренно происходит в постиндустриальном мире.

Выводы. Инфосфера это органическая часть ноосферы. Информационная революция, как триггер расширения инфосферы всеохватна и стремительна, включает промышленное производство, науку, образование, масс-медиа, сферу досуга и развлечений. Противоречивые взаимоотношения человека и техники в философском измерении были исследованы ещё в начале 20 века О. Шпенглером, Н. Бердяевым, затем этой темой занимались К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Гелен. Метафизические, антропологические и культурные аспекты нарастающего господства технического разума были отмечены и выделены ещё до наступления «компьютерной эры». Поэтому проблематика и методология изучения темы «человек и техника» расширяются уже более чем полстолетия. После появления эмерджентных технологий и наметившейся их конвергенции «вопрос о технике» оказывается одним из наиболее важных в списке глобальных проблем современности. Зависимость от информационных технологий, усиление рисков манипулятивных стратегий, угрозы персональной конфиденциальности, когнитивные диссонансы в связи формированием идентич-

ностей в киберпространстве, интернетизированные политтехнологии и другие проблемы исходящие из инфосферы могут быть минимизированы. Ноосферная реальность непосредственно зависит от структурирования инфосферы, становления информационного общества и роли человека в глобализирующемся социокультурном пространстве.

РАЗДЕЛ 5.

ГЛОБАЛИЗИРОВАННАЯ КУЛЬТУРА И КОНСЮМЕРИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО

5.1. МАРКЕТИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Как показано многими исследователями, глобальные трансформации – это многоуровневое историческое явление. Наряду с экономическими, миграционными, технологическими, информационными, социально-политическими потоками наиболее значимы культурные потоки образов, идей, артефактов и услуг. Все глобализированные потоки имеют потребительскую стоимость, и их планетарное движение, скорость продвижения от производителя к потребителю определяется сегодня качеством и эффективными маркетинговыми стратегиями. Философская и психологическая тематизация потребления как значительного культурного явления связана с именем Эриха Фромма, поскольку именно он ввёл в оборот понятие «общество потребления». Но только после начала постиндустриальной революции, в конце 60-х и в 70-е годы двадцатого века концептуально и системно учёные различных специальностей (экономисты, социологи, психологи и философы), в том числе и в рамках междисциплинарных исследований, изучают консюмеризм и консюмеристское поведение.

Проблема избыточного потребления впервые была поднята американским экономистом и социологом Торстейном Вебленом в конце девятнадцатого века. В первом десятилетии двадцатого века общество потребления стремительно трансформируется в связи с ускорением глобализационных процессов, поскольку система электронных покупок посредством Интернет позволяет многократно увеличить «рыночную площадь» и позволяет реально получить любую продаваемую в мире вещь, будь то сексуальные услуги *on-line* или остров в Тихом океане, притом в кратчайшие сроки. Кроме того, повышение жизненных стандартов благодаря профессиональным сетевым маркетинговым стратегиям заставляет людей всё чаще совершать демонстративные покупки, «быть в стиле», то есть «как все».

Очевидно, что историко-культурные, социально-экономические, политические особенности глобальных трансформаций отражают многообразие новых явлений на локальном, региональном и глобальном уровнях. Системный кризис в экономике, истощение природных ресурсов, загрязнение природной среды обитания послужили причиной сдвигов в отношении чрезмерного потребления и могут дать импульс для формирования новой системы ценностей. Синдром постэмоционального общества может быть преодолен, в том числе также и за счёт утверждения системы ценностей «постматериализма». Постматериалистические ценностные установки (*postmaterialism*) начинают формироваться в самом начале постиндустриальной

эпохи, уже в 1970-х годах двадцатого века. Термин был впервые введен американским социологом Рональдом Ингелхартом в работе «Тихая революция: смена ценностей и политических стилей западной общественности» (1977) [Inglehart, 1977]. Американский учёный показывает на обширном историческом и экономическом материале, что вплоть до начала семидесятых годов фактически универсальным критерием благосостояния для граждан всех западноевропейских стран стало достижение совокупности основных легитимизированных благ, то есть приоритетом стали материалистические ценности. Это означало демонстративно высокий уровень жизни, включая значительный рост доходов, владение недвижимостью, экономический рост. Наряду с этим также были важными общественные цели и ценности, такие как: защита окружающей среды, права человека, доступность среднего и высшего образования, свобода слова и гендерное равенство.

Продвижение идеи государства всеобщего благосостояния усилило ощущение того, что комфортная жизнь в мире материалистических ценностей гарантирована, и качество жизни для всех членов общества будет и впредь постоянно возрастать. Появление социальных и политических противоречий в 1970-е годы вызвало рост ряда политических движений, в результате чего чисто материалистические ценности были смещены, если и не на периферию, то всё же не остались в центре системы ценностей. Большую роль в этом аксиологическом сдвиге и конституировании новых смысложизненных нематериалистических ценно-

стей сыграл социально-экономический и культурный поворот. Также немаловажное значение имела глобальная демографическая ситуация, сложившаяся в ходе смены поколений. «Бебибумеры» в Соединённых Штатах Америки стали социальной и производительной основой послевоенной экономики, претендуя на свою долю собственности и власти, потеснив поколение, находящееся у власти позднеиндустриальных обществ в 1950-е – 1960-е годы. Оживление экономической деятельности, «переоценка ценностей» и новые маркетинговые стратегии привели к тому, что большая часть амбиций индивидуумов оказалась в ловушке послевоенного общества потребления.

Одним из симптомов стагнации современного общества потребления является так называемый «вещизм», философские основания которого могут быть раскрыты благодаря методологии Эриха Фромма. Ключевыми темами Фромма являются: авторитарное сознание (*authoritarian conscience*), непродуктивные ориентации (*nonproductive orientations*), гуманистическое сознание (*humanistic conscience*). Фромм также исследовал «ориентацию характера» человека в своей книге «Человек для себя» (1947, 1981) [Fromm, 1981], в которой описаны и систематизированы способы отношений индивидуумов к окружающей среде. В результате их изучения и описания, считал он, может быть конституирован общий характер личности. Принципиальными являются две базовые стратегии, два типа отношений человека к миру: «ассимиляция» (*assimilation*), то есть приобретение и ассимиляция

вещей, и «социализация» (*socialization*) – ответственное реагирование на людей. Эти два фактора не проявляются в чистом виде, но существуют в виде четырёх негативных типов: рецептивного (*receptive*), эксплуататорского (*exploitative*), накопительного (*hoarding*) и маркетингового (*marketing*). Позитивный тип характера он называет продуктивным (*productive*). Эта типология во многом определяется радикальной критикой общественных отношений эпохи зрелого капитализма (впервые работа опубликована была в 1947 году). Этот фрейд-марксистский подход, в большой степени пронизанный экзистенциалистской риторикой, объясняется тогдашней ещё недостаточной проявленностью феномена массового потребления, хотя доминирующий уже в то время «присваивающий» характер мироотношения и связанный с этим «дух вещиизма» стали достаточно распространённым явлением в западной культуре.

Понятие «общество потребления», ставшее частотным в конце 80-х годов XX века, прежде всего в социологической литературе, отражало научный интерес к новому социально-экономическому феномену. В этом понятии на первый план выдвигалась идеологическая коннотация, указывающая на негативные моменты потребления. Жан Бодрийар в своём исследовании «Общество потребления. Его мифы и структуры» (1970, 2006) [Бодрийар, 2006] сделал акцент на исследовании мифологической коннотации, поскольку чисто рационалистический подход, по его мнению, не схватывает сути происходящего, где бессознательные

мотивы и следующие за ними действия имеют источник в мифе. «Потребление – это миф, то есть это слово современного общества, высказанное им в отношении самого себя, это способ, каким наше общество высказывается о себе. И в некотором роде единственная объективная реальность потребления – это идея о потреблении, рефлексивная и дискурсивная конфигурация, бесконечно воспроизводимая повседневным и интеллектуальным дискурсом и приобретшая значимость здравого смысла» [Бодрийар, 2006: 242]. Проблемой потребления, генезисом, динамикой и систематикой общества потребления занимались и продолжают заниматься социологи, экономисты, психологи, этнографы, культурологи и философы. В междисциплинарном исследовании под общей редакцией Арджуна Аппадурай «Социальная жизнь вещей: предметы потребления в социальной перспективе» (1988) [Appadurai, 1988] авторы рассматривают и анализируют процесс продаж в целом и локализованную торговлю самыми разными товарами в различных социальных и культурных средах – как в прошлом, так и в настоящем. При этом учитываются базовые механизмы, которые в конечном счёте регулируют вкус, способы торговли и производство желаний в ходе консьюмеристских практик, а также проясняются способы, благодаря которым люди в повседневной жизни придают ценность каким-либо объектам.

Проблемы, связанные с потреблением вещей, изучают с помощью методов социальной истории, культурной антропологии, экономической теории и

других социальных дисциплин. Главное качество современной вещи, вернее вещей, функционирующих в режиме общества потребления, заключается в том, что они представляют собой мощную систему, функционально и символически завязанную на постоянно возрастающее потребление. В наибольшей мере этому способствует институционально организованная система кредитования. Каждая вещь, произведённая в системе культурной индустрии, непосредственно связана с системой финансов, а если актуализировать это положение, то все вещи находятся на поверхности глобальных финансовых потоков, и их объективация требует не только культурного анализа, но также некоторых политэкономических экскурсов. Вещь, взятая в кредит, только отчасти принадлежит человеку, в то же время этот человек испытывает зависимость как от самой вещи, так и от кредитно-финансовой системы. Это убедительно показывает Жан Бодрийар: «При покупке в кредит человек одновременно с приобретаемой вперёд вещью поглощает и принимает на свой счёт миф о магической функциональности общества, способного предоставить ему такие возможности немедленной реализации желаний» [Бодрийар, 1995: 134]. Развивая дальше свою мысль о своего рода социальной «магии вещей», Бодрийар уточняет, что через кредит «и через порождаемую им стратегию вещи начинают играть роль ускорителя и множителя задач, потребностей и расходов; они становятся чем-то вроде автомобильного тренажёра – самая их неподвижность превращается в центробежную силу, внося в нашу по-

вседневную жизнь ритм убегания вперёд, незавершённости и нестабильности» [Бодрийар, 1995: 135]. При чтении книги Бодрийара, конечно же, вспоминается название книги братьев Стругацких «Хищные вещи века». Это «коварство» мира вещей, производимого в позднекапиталистическом обществе потребления, отметил ещё в конце XIX века Торстейн Веблен.

В конце последнего десятилетия XX столетия Жан Бодрийар произвёл анализ общества потребления в контексте культуры постмодерна. И, наконец, в начале XXI века Джордж Ритцер исследовал отношения между человеком и вещами (услугами) в условиях глобализирующегося мира [Ritzer, 2001]. Феномен консюмеризма характерен для обществ с индустриальной и постиндустриальной экономикой и исторически соотносится с эпохами европейского модерна и постмодерна. В консьюмеристском обществе созданы условия для того, чтобы процесс покупки / потребления вещей и услуг автоматически вызывал чувство удовольствия, удовлетворения и эти практики потребления становились бы неотъемлемой частью повседневности, способом социальной, гендерной и темпоральной идентичности. Однако эти, казалось бы «общезначимые» ценности не могут быть приняты на региональном и локальном уровнях культуры. Конфликт между горизонтальным и вертикальным трендами трансфера ценностей ведёт к гибридизации и мозаичности культуры. Ноосферная реальность обуславливает некий симбиоз культурных практик, в ос-

нове функционирования которых находятся меметические механизмы.

5.2. ФЕНОМЕН ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОРСТЕЙНА ВЕБЛЕНА

Непростой характер формирования современной культуры может быть проанализирован сквозь социологическую «призму» *потребление/сверхпотребление*. Проблемы, связанные с чрезмерным потреблением, с зависимостью от постоянного и часто немотивированного реальными потребностями стремления покупать что-либо, привлекали внимание социологов, психологов, философов и социальных теоретиков. Первое систематическое исследование, посвящённое консюмеризму – это работа американского социолога и экономиста Торстейна Веблена «Теория праздного класса» (*The Theory of the Leisure Class*, 1899, 2004) [Veblen, 2004]. Ещё на рубеже XIX – XX столетий Веблен в своём исследовании отметил такую характерную черту массового консюмеризма, как демонстративное потребление (*conspicuous consumption*) и иррациональность поведения покупателей.

Термин «консюмеризация» и «консюмеризм» имеют ярко выраженную коннотацию «излишнее потребление», «потребительские излишества», видимо, поэтому и теоретическая рефлексия общества потребления в основном обнаруживает критическую пози-

цию по отношению к этому социально-экономическому феномену. Несмотря на то, что прошло уже более ста лет со времени публикации основного труда Веблена, в начале XXI века происходит своего рода «вебленовский ренессанс», сравнимый с «веберовским ренессансом» конца XX века. Общество потребления сегодня не только не исчезло, но, напротив, после трансформации в массовое потребительское общество стало «глобальным потребительским обществом», и концепты Веблена весьма актуальны для социологов, социальных теоретиков и философов культуры. Джон Диггинс в книге «Торстейн Веблен: теоретик праздного класса» (1999) [Diggins, 1999] показывает, что Веблен одним из первых выделил и изучил статус конкуренции в процессе легитимации, укреплении власти и усилении её гегемонии посредством упрочившихся институций и систем. Исследование выполнено в жанре критической биографии и анализа истории идей. Диггинс доказывает, что Веблен – это единственный социальный теоретик, который в самом конце девятнадцатого века создал оригинальную концепцию, релевантную социальной теории Маркса.

Другие теоретики социально-экономической сферы позднего капитализма также уверены в том, что Веблен – это ключевая фигура американской интеллектуальной истории начала XX века. Его идеи, считает Майкл Шпиндлер, автор историографического исследования «Веблен и современная Америка: Революционный иконоборец» (2002) [Spindler, 2002], вполне сравнимы по своему воздействию на социальную тео-

рию с влиянием, которое в своё время оказали концепции Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. При этом Шпиндлер отмечает, что Веблен выходит за рамки чисто экономического анализа и выходит на проблемы критики современной ему зарождающейся массовой культуры. Дуглас Доуд в книге «Торстейн Веблен» (2000) [Dowd, 2000] также отмечает значимость революционных идей Веблена в области анализа социально-экономической системы и всего культурного процесса, характерного для американского общества рубежа девятнадцатого и двадцатого веков. Стефен Эджел в исследовании «Веблен в перспективе: его жизнь и мысли» (2001) [Edgell, 2001] рассматривает особый вклад Веблена в анализ потребительской системы в контексте современных социологических теорий. В работе Луиса Пацураса «Торстейн Веблен и американский образ жизни» (2004) [Patsouras, 2004] предпринят междисциплинарный анализ истоков, природы и принципов невероятной устойчивости индустриального общества. Исследователь пытается вывести Веблена из приписываемой этому мыслителю маргинальной социологии и акцентирует внимание на его эволюционном подходе в интерпретации индустриального капитализма. Также рассматриваются теоретические источники вебленовской концепции и влияние Веблена на формирование современной американской критической социальной теории. Анализируется вклад идейного наследия Веблена на понимание современного положения дел в глобальной экономике и культуре.

Тотальная коммерциализация социальной, политической, спортивной, образовательной и досуговой сфер жизни в контексте глобальных трансформаций ещё больше способствовала акцентированию внимания исследователей на разнообразных эффектах массового чрезмерного потребления. Растущее население планеты, повышение уровня жизни, появление новых продуктов, товаров и услуг в мире, где природные ресурсы ограничены и неуклонно истощаются, при нынешних темпах потребления в ближайшие десятилетия приведут к необратимым негативным экологическим и ресурсным последствиям. Психологическая составляющая зависимости от демонстративного и постоянного потребления стала очевидна в глобальных масштабах после начала мирового экономического кризиса осенью 2008 года. Одной из определяющих причин кризиса стал феномен массового кредитования, главным образом тех граждан, которые никогда не смогли бы выплатить свои долги. Причём банки, открывавшие кредитные линии таким потребителям, знали об их принципиальной неплатёжеспособности, но были заинтересованы в долговых обязательствах, поскольку долги превращались в ценные бумаги и успешно продавались на вторичном рынке.

Глобальная система экономики нуждается в постоянном притоке денег, наличных или безналичных, «чистых» или «грязных» – безразлично для мировой финансовой машины. Заставить людей, организации, фирмы и корпорации постоянно вбрасывать как можно больше денег в экономику производства / потреб-

ления – вот главная задача всех без исключения акторов, явно или опосредованно продвигающих процессы глобализации. Глубокий и точный анализ кредитной системы в контексте развития постмодернистской культуры даёт Жан Бодрийар. «В целом можно сказать, что кредит, якобы способствующий образованию современной цивилизации пользователей, наконец, избавленных от гнёта собственности, создаёт, напротив того, целую систему интеграции, где социальная мифология смешивается с грубым экономическим угнетением. Кредит – это не только мораль, но и политика. Тактика кредита вкупе с тактикой персонализации, сообщает вещам неведомую прежде социополитическую функцию. Прошли времена крепостничества и ростовщичества – эти формы зависимости абстрагировались и получили ещё больший размах в кредите, составляющем особое измерение общества, времени и вещей» [Бодрийар, 1995: 135]. В противоположность аксио-логике, присущей премодерной традиции, модерное и в особенности постмодерное общество в условиях ускоряющейся культуры, «мобилизации» всего общества и каждого гражданина способствуют принятию и осуществлению режима «текучей современности», анализу которой посвятил ряд исследований Зигмунт Бауман [Bauman, 2000], [Bauman, 2007]. Формируется такое многосоставное, коллажное и подвижное сообщество, которое «гнётся в любую сторону», предельно пластично и восприимчиво к любым политическим, эстетическим и этическим трансмутациям. Это состояние социума и культуры, по мнению Айвы

Онг, характеризуется как флексибельная ассамбляжность [Ong, 1999].

В таком обществе культурные вещи и явления подлежат быстрому, постоянно ускоряющемуся обмену, замене одних серий вещей на другие, на те, что обладают большей степенью новизны. Вместе с этим широко распространяется космополитическая идеология, отражающая реальные номадические формы социальности, увеличение миграционных потоков в глобализирующемся мире. Люди передвигаются по миру в поисках работы и развлечений. Работая, они зарабатывают деньги, а развлекаясь, то есть «отдыхая», тратят заработанное. На этом основано развитие мировой экономики. Чем больше заработано денег, тем больше будет потрачено. Причём, кредитная система создана для того, чтобы человек тратил денег гораздо больше, чем имеет здесь и сейчас, чтобы тратил по сути пока что ещё не заработанные деньги, отмечают Ритцер [Ritzer, 2001] и Мэнинг [Manning, 2001]. Чтобы «отобрать» у потребителя деньги, создаются мощные маркетинговые стратегии. Принцип их действия различается, но есть один общий для всех стратегий механизм *consumer targeting* – эффективная охота за потребителем, показывают Ларри Келли [Kelley, 2003] и Макс Сазерленд [Sutherland, 2009]. Основным способом «плотной работы» с потребителем уже давно стала рекламная деятельность. Джордж Ритцер – один из ведущих социальных теоретиков, специализирующихся по такому актуальному предмету, как современное глобализированное общество потребления. Он посто-

янно диверсифицирует направление своих научных поисков, осваивая такие темы, как «макдональдизация», «старбаксизация», организационные и антропологические основания систем быстрого питания, глобальная система кредитных карточек, игровой бизнес, точнее, международная сеть казино. При этом он постоянно имеет в виду глобальный контекст, фундированный наиболее мощными торговыми трендами эпохи международного маркетинга [Ritzer, 2001]; [Ritzer, 2007a]; [Ritzer, 2007b]. Все планетарные мегатренды потребления имеют экономическую, биологическую, социокультурную, психо-эмоциональную и идеологическую составляющие. Одной из важнейших особенностей сверхпотребления является проблема статусной и имиджевой идентичности.

5.3. КОНСЮМЕРИЗМ В ПОСТЭМОЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Формирование потребностей в посткапиталистическом обществе зависит в основном от маркетинговых стратегий. Как отмечают многие исследователи, тотальный рекламный прессинг, кроме прямого «выбивания денег» из карманов потребителей, имеет побочные эффекты, приводит к снижению уровня эмоционального восприятия не только поднадоевшей рекламы, но ведёт также к формированию так называемого «постэмоционального общества». Степан Мештрович вводит социологический концепт «постэмоциональность» и считает, что благодаря этому по-

нению можно более точно понять суть постмодернистской ситуации в современном обществе [Mestrovic, 1997]. Согласно Мештровичу, современные западные общества, пройдя этап социокультурного постмодернизма, вступили в новую фазу своего развития, которая характеризуется тем, что «синтетические квази-эмоции стали основой для широко распространяющейся манипуляции собой, другими и культурной индустрией в целом» [Mestrovic, 1997: XI]. Автор показывает, что «постэмоциональные типы» способны ощущать широкий спектр эмоций без реальной вовлечённости в конкретное действие. В постэмоциональном обществе эмоции не исчезают. Скорее всего, появляются «новые гибриды интеллектуализированных, механических, массово воспроизводимых эмоций, возникающих на мировой сцене» [Mestrovic, 1997: 26]. Западный мир уже давно находится в состоянии утраты чувства сострадания к чужому горю (*compassion fatigue*) – Мештрович имеет в виду натовское вторжение на Балканы, что, собственно говоря, и является результатом дегуманизации и очевидным маркером трансформации «постэмоционального общества». Мештрович широко исследует роль эмоций в ходе конституирования современной социальной реальности. Его работа «Постэмоциональное общество» – это пример конструктивной проблематизации, когда показана важность коллективных эмоциональных инвестиций в формирование эффективной коммуникации, и в то же время автор формулирует принцип выстраивания и рационализации индивидуальных эмоцио-

нальных стратегий для оптимизации социальной жизни. В качестве теоретических источников он использует тексты таких разных авторов, как Дюркгейм и Бодрийар, Рисмен и Ритцер, Достоевский и Оруэлл.

В ходе исследования параметров постэмоционального общества Мештрович пытается доказать, что эпоха модерна фундаментально отличается от постсовременности, поскольку современное положение дел характеризуется постоянными колебаниями амплитуды от хаотичности к упорядоченности, в результате чего формируется новый гибридный мир, хотя внешне и рационально организованный, но содержательно гипер-эмоциональный. Моделью этого гибридного мира может служить рационально организованная квази-эмоциональная микрокультура, имеющая место в ресторанах быстрого питания МакДональдс. Получается, что предельная эксплуатация эмоций различными индустриями культуры приводит неизбежно к разрушительному эффекту, эмоциональному и психологическому истощению, а затем и отчуждению, поскольку в результате гипер-эксплуатации эмоции отделяются от содержания самой деятельности. Отчуждение эмоций ведёт к тому, что социальная солидарность становится проблематичной. Квази-эмоции становятся средством тотальной манипуляции и ведут к политической безответственности [Mestrovic, 1997: 150]. Теоретический конструкт «постэмоциональность», согласно Мештровичу, позволяет глубже понять природу таких высокоэмоциональных трагических событий конца 90-х годов XX века, как эт-

нические конфликты на Балканах [Mestrovic, 1997: 33, 40]. Работа «Постэмоциональное общество» в тематическом и теоретическом отношении зависит от предшествующих исследований общества потребления. Здесь нужно кроме прочих имён непременно упомянуть исследования Дюркгейма, Веблена, Рисмена, Миллса и Бодрийара. Текст Мештровича может быть прочтен под разными углами зрения и представлен или как социально-психологический диагноз, или как критический комментарий, а может быть, и как образец социокультурного теоретизирования.

Исследуя общие психологические эффекты жизни человека в современном обществе, Джон Шумейкер приходит к выводу о том, что совокупность условий современности позволяет привносить в человеческое существование новые силы, формируются новые процессы, включаются новые культурные мотивации, которые оказывают влияние буквально на все аспекты социального бытия и даже психического здоровья людей в обществе потребления. Постепенно происходит снижение и замещение естественных эмоциональных реакций квази-эмоциями, что в конечном счете ведёт к появлению «постэмоциональной культуры» [Schumaker, 2001: 26]. Роль эмоций и здоровья индивидуума в современном обществе потребления рассматривает Саймон Уильямс. Эмоции не являются самодостаточной сферой человеческого бытия, доказывает автор. Помимо эволюционных и генетических факторов становления эмоциональных состояний большую роль играют социальные события. Он прово-

дит фундаментальные различия между «психо-нейро-иммунологической адаптацией» (*psycho-neuro-immunological adaptation*), психосоциальной адаптацией (*psycho-social coping*) и «социально-политической практикой» (*socio-political praxis*) для того, чтобы определить и объективно исследовать феномен «капитализации эмоций» в современном обществе потребления. Эмоциональные состояния граждан в постиндустриальном социуме балансируют на стыке биологических и социальных онтологий [Williams, 1998]. Отметим, что современный маркетинг уже давно привлекает социологов, психологов, этологов, антропологов для создания успешных торговых брендов и повышения прибыли. Социальные теоретики, в частности, представитель феминистской теории Мэгги О'Нилл, исследуя феномен деградации эмоциональных отношений в постиндустриальном мире, признаёт справедливость тезиса Теодора Адорно о всемогуществе культурной индустрии, и показывает, что «рост и сила культурной индустрии позволила создать и придать устойчивость тотально администрированному обществу, где пространство критического мышления и подлинных чувств постоянно сокращается (*diminishing*)» [O'Neill, 2000: 3]. Простые эмоциональные, а точнее, квази-эмоциональные реакции способствуют беспрепятственному усвоению рекламных сообщений и, следовательно, работают на максимализацию потребления товаров и услуг. Общество потребления из локального феномена, возникшего в рамках евроатлантической культуры, превратилось в

глобальный феномен. Питер Стернс в своей работе «Консюмеризм в мировой истории: Глобальная трансформация желания» (2001) [Stearns, 2001] представляет фундаментальное и глубоко проработанное исследование консюмеризма как исторического явления, имеющего международное распространение. «Несомненно, консюмеризм является продуктом современности» [Stearns, 2001:1], утверждает одно из основных положений Стернса, с чего, собственно говоря, он и осуществляет анализ консюмеризма в историческом и глобальном контекстах.

Особенности происходящих глобальных трансформаций отражают динамику новых социокультурных явлений на локальном, региональном и глобальном уровнях. Кризисные тенденции в мировой экономике, истощенность энергетических ресурсов, дестабилизация материалистических ценностей должны послужить началом для глобальных сдвигов в отношении к феномену чрезмерного потребления и, возможно, могут дать импульс для формирования новой, постсовременной, постматериалистической системы ценностей. Трудно представить себе сегодня некую инстанцию формирования универсальных ценностей, которая устраивала бы всех акторов, на локальной, региональной или даже глобальной шкале. Учитывая турбулентные потоки желаний и ценностей в современном глобализированном обществе, механизмы потребления оказываются существенными в определении и переопределении аксиологических приоритетов. Постоянная диверсификация маркетинговых

стратегий перенаправляет научные поиски, обнаруживая новые темы, включая: «диснейлендизацию», «голливудизацию», «макдональдизацию», «старбаксизацию» и др.

5.4. МАКДОНАЛЬДИЗАЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ГОМОГЕНИЗАЦИИ

Очевидно, что глобальные трансформации отнюдь неравномерно распределены в историческом и географическом измерениях. Тем более значим социальный аспект глобализации, который, в общей сложности, и указывает на движущие силы глобальных трансформаций.

Попытки редуцировать противоречивые тенденции культурных планетарных процессов посредством выделения в ключевой тренд гибридизации культуры, креолизации или культурного джемминга сталкиваются с методологическим конфликтом интерпретаций. Наиболее успешное и эмпирически фундированное объяснение культурной гомогенизации мы находим в исследованиях Джорджа Ритцера и его последователей. Основная проблема изучения социокультурной истории глобализации как многомерного процесса состоит в определении структурных и функциональных особенностей расширения глобальности. Ключевые задачи, обеспечивающие решение проблемы, заключаются в анализе макдональдизации как

наиболее очевидного и репрезентативного тренда глобальных трансформаций.

Существует множество версий глобальных трансформаций, одновременно наблюдается отсутствие консенсуса относительно движущих сил, механизмов, практик и направленности трансконтинентальной гомогенизации. Нетривиальным подходом для объяснения хода глобализации является «тезис макдонольдизации» [Ritzer, 1997]. Джордж Ритцер, один из наиболее влиятельных социальных теоретиков современности, освоил такую, казалось бы, «нефилософскую» масскультурную тему как «ритуалы повседневности», изучаемые через призму организационной культуры сетей быстрого питания. По мере роста благосостояния отдельно взятого человека диеты и субкультурно дифференцированная кулинария играют всё более заметную роль в современном обществе, что связано прежде всего с увеличением продолжительности досуга и наличием денежных средств для выполнения ритуалов повседневности вроде «шоппинга» [Miller, 1998], досуга в тематических парках [Bryman, A. 2004] и в сетях сервисного обслуживания [MacDonald, 2008]. Как предмет культурной антропологии, изучение кулинарных социо-культурных кодов и других аспектов потребления пищи традиционно восходит к этно-культурной работе К. Леви-Строса «Сырое и приготовленное» [Levi-Strauss, 1983]. Пища, кулинарные ритуалы сегодня утратили бóльшую часть сакральных коннотаций. Пафосные культовые «пиры», ритуалы, связанные с мифологическими и религиозными дей-

ствиями, поддержанием тысячелетних культурных традиций если и существуют, то эксклюзивно и фрагментарно. Запреты на те либо иные продукты значимы лишь в отдельных этно-национальных кулинарных традициях как механизмах выражения этнокультурной идентичности. Тем не менее глобализация существенно повлияла на изменение кулинарных предпочтений и продолжает агрессивно формировать новые десакрализованные, денационализированные ритуалы повседневности. Именно эта поведенческая сторона социо-культурной гомогенизации оказалась в фокусе внимания Джорджа Ритцера.

Необходимо отметить, что книга «Макдональдизация общества» (1993) Ритцера переведена на десятки языков и постоянно переиздаётся с новыми уточнениями, предметными расширениями и дополнениями автора. Помимо главной темы социальный теоретик занимается методологическими проблемами социологии массовой культуры, издаёт сборники, непосредственно связанные с его оригинальными интерпретациями динамики общества потребления – «макдональдизации». В последние годы предметом его исследований стал и многомерный феномен глобализации. Создатель понятия и концепции «макдональдизации», Джордж Ритцер опубликовал несколько работ, которые непосредственно относятся к теме макдональдизации повседневности [Ritzer, 1997], [Ritzer, 2007], [Ritzer, 2009 a], [Ritzer, 2010 a]. Помимо этого в качестве редактора он составил несколько сборников научных работ, непосредственно связанных

с новейшими тенденциями глобализирующегося общества потребления, где макдональдизация оказывается своего рода матричным принципом: «....[Ritzer, 2009 b], [Ritzer, 2010 b], [Ritzer, 2011].

Термин «макдональдизация» стал часто употребляемым. Концептуально и метафорически он работает в различных контекстах, где стандартизация и рационализация человеческой деятельности рассматривается в качестве угрозы для индивидуальности, оригинальности и креативности. Как социологическая метафора «макдональдизация» используется в названиях исследований с глобализированными коммерческими и культурными трендами. Этот концепт/метафора наличествует в заголовках книг, посвящённых социологии юриспруденции («Макдональдизация американской полиции, судов и исправительных учреждений» Мэтью Робинсона [Robinson, 2002], социальной философии («Макграждане» Брайана Тюрнера [Turner, 1999], модернизации университетского образования (сборник работ «Макдональдизация высшего образования» [Hayes, Wynyard, 2006], трансформации современных религиозных практик («Макдональдизация церкви» Джона Дрэйна [Drane, 2000].

Если Макс Вебер считал, что бюрократия является наиболее репрезентативной моделью модернизирующегося общества, то Джордж Ритцер доказывает, что рестораны готовой пищи (*fast-food restaurant*) оказываются наиболее репрезентативной моделью современной потребительской парадигмы [Ritzer, 2007]. Социальный теоретик Джордж Ритцер в своих исследовани-

ях современной массовой культуры показал, что по мере коммерциализации и брендинга динамика культурной глобализации развивается по типу развёртывания сетей быстрого обслуживания. В качестве методологической модели Ритцер принял культурный тренд ресторанов-закусочных быстрого обслуживания (*fast-food restaurant*) «Макдоналдс» (*McDonald's*).

Первые рестораны сети Макдоналдс появились в США в 1955 году (в 2004 в мире действовало уже свыше 30 тысяч таких ресторанов в 119 странах). Быстрое, недорогое и качественное обслуживание, стандартное меню создают эффект массового потребления. Кроме логотипа McDonald's Corp существует и образная персонафикация бренда – Роналд Макдоналд (*Ronald McDonald*), забавный клоун с доброй гостеприимной улыбкой. Феномен экспоненциального и планетарного распространения этой ресторанной сети, её очевидное влияние на культуры повседневности оказался в фокусе внимания социологов и социальных теоретиков, пытавшихся понять механизмы культурной глобализации.

Ритцер выделяет несколько компонентов макдональдизации.

- Эффективность (*efficiency*) – оптимальный метод выполнения задачи. Обусловлена быстрой удовлетворения потребности (питание) и минимизацией времени (отпущенного для приготовления и доставки пищи).
- Калькулируемость (*calculability*) – должна быть объективирована в количественных терминах (продажах) при одновременной ми-

нимизации субъективного отношения к процессу производства, высокому качеству конечного продукта и успешной реализации. Определяет наилучшее соотношение цены и качества.

- Предсказуемость – стандартизация (*predictability – standardized*) предполагает единообразие формы и обслуживания. Качество обслуживания единообразно, не зависит от места и времени. Работа стандартна, рутинна и прогнозируема.
- Контроль (*control*) – стандартизация продукта и обслуживания ведёт к замещению гуманитарных технологий негуманитарными.

Эти четыре интегрированных принципа базируются на допущении превосходства рациональной организации деятельности над иррациональными действиями [Ritzer, 2010: 223-224]. Выделяя абсолютизацию рационального элемента в обслуживании (феномен макдональдизации), Ритцер тем не менее приходит к парадоксальному выводу о том, что в сердцевине макдональдизированной культуры имеется иррациональное начало (*irrationality of rationality*). Под «рациональным» он понимает продукты человеческого разума, «гуманность», которая минимизирована, по его мнению, в системе ресторанов быстрого питания. Этот «иррационально-рациональный» принцип автор считает пятым компонентом макдональдизации [Ritzer 1997]. Здесь, скорее, нужно говорить о дегуманизации технологического прогресса, а не об иррационально-

сти рациональной деятельности. Ритцер также полагает, что засилью макдональдизации во всех сегментах постиндустриального мира нужно противопоставить «демакдональдизацию» (*de-McDonaldization*).

Макдонольдизация – это один из очевидных механизмов глобальной гомогенизации. То понятие, которое по сложившейся традиции подразумевают под словом «глобализация», в различных контекстах оказывается на пересечении публицистических, обыденно нарративных и академических дискурсов. Поэтому крайне важным представляется определение границ компетенции «повествований о глобальном». Ключевые концепты глобализации дают возможность эффективно структурировать противоречивые тенденции многомерных глобальных трансформаций. Ритцер и Айтэли размещают тему глобальных изменений в контексте дискуссий и обсуждений ведущих экспертов. Тематический подход позволяет исследователям уточнить актуальные проблемы глобализации и выделить основные направления исследования этого многомерного феномена. Междисциплинарные работы испытывают разноплановое (идеологическое и методологическое) влияние Карла Маркса, Макса Вебера, Ульриха Бека, Зигмунда Баумана, Мануэля Кастельса, Хоми Бхабха и других теоретиков планетарных трансформаций. Наряду с теоретическими исследованиями в своём издании Ритцер и Айтэли экспонируют эмпирические подходы, отражающие фундаментальные реалии глобализации. Ключевые концепты глобализации оказываются эпистемологическим фокусом, ко-

торый уточняет саму тему и её аспекты. В ряду дискутируемых составители сборника выделяют следующие концепты: культура и цивилизации, колониализм, постколониализм, ориентализм, неолиберализм, транснационализм, мир-системный анализ, национальное государство, империя, сетевое общество, общество риска, космополитизм, гибридность, креолизация, мировая культура, МакМир, Макдональдизация, глокализация. Эти и другие понятия проясняют подходы к интерпретации глобальных трансформаций [Ritzer, Atalay (eds), 2010]. Отметим, что феномен макдональдизации не может стать «формулой глобализации», поскольку глобальные трансформации это комплексный процесс.

Выводы. Консюмеризация культуры это неотъемлемая часть социокультурной глобализации. Такой порядок вещей характерен для посткапиталистического постэмоционального общества в целом. Феномен культурной макдональдизации объективно презентует глобализацию как динамичное и многоуровневое явление. Понимание механизмов и свойств макдональдизации позволяет гораздо точнее познавать природу и направленность противоречивой планетарной интеграции, сопровождающейся гомогенизацией социальных и культурных практик.

РАЗДЕЛ 6.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

6.1. МОБИЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ТРИГГЕР ДИНАМИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Динамика социокультурных изменений неравномерна. Постиндустриальное общество эволюционирует благодаря ускорению экономических, социальных, политических, информационных, коммуникативных и культурных потоков на глобальной шкале. Планетарные изменения определяются механизмами многоуровневого ноогенеза [Буряк, 2007]. Наиболее очевидными симптомами глобализации оказываются проявления возросшей мобильности. Социокультурные трансформации в глобализирующемся мире происходят с различной скоростью и различаются в зависимости от того или иного региона, детерминированного историческими причинами. Динамические глобальные процессы концептуально могут быть осмыслены через такие понятия, как «глобальные потоки» (*global flows*) [Appadurai, 1996]; [Appadurai, 2000], сети (*networks*) [Castells, 2000], «текучесть» (*liquidity*) [Bauman, 2000]; [Bauman, 2003]; [Bauman, 2005]; [Bauman, 2006]; [Bauman, 2007], «гибкость, флексибельность» (*flexibility*) [Ong, 1999], «мобильность» (*mobilities*) [Urry, 2000]; [Urry, 2007] и «культура скорости» [Tomlinson, 2007]. Эти термины указывают на специ-

фические методологические подходы в понимании природы глобальных трансформаций. Хотя и в различной степени, они пригодны для описания и концептуализации динамики культурных процессов в эпоху глобализации. Ускорение и мобильность проявляются на всех уровнях и направлениях социокультурных трансформаций. В экономической, в технологической, социально-политической, научной и образовательной сферах в особенности. Общая направленность динамики глобальных трансформаций определённо влияет на формирование мировой культуры. Немаловажный тренд глобальных трансформаций – это культурные планетарные потоки. Как наиболее масштабные культуруобразующие факторы в условиях расширения современного информационного общества выступают: вертикальный культурный трансфер, который происходит локально, линейно, «замедленно» (передача культурного опыта от поколения к поколению), деривативным способом, и горизонтальный глобализированный культурный трансфер образов, символов, смыслов и артефактов, определяющийся частотой сетей, направленностью потоков и их скоростными характеристиками.

Необходимо рассматривать эти два диаметрально противоположных направления в производстве культуры и как противоположные, и как взаимозависимые. Для более точного понимания происходящего уместен термин «глокальность культуры». Это выражение указывает на взаимосвязь локального аспекта (вертикального распространения культурных форм) и

глобального аспекта (горизонтального распространения культурных форм). Мобильность в глобализованном мире и скорость культуры являются фундаментальными принципами формирования современного общества. Алекс МакДжилливрей показывает, что интенсификация массовых миграционных потоков, путешествия и туризм за прошедшее столетие трансформировали окружающий глобальный мир и превратили его в «гипер-мобильную планету» (*hyper-mobil planet*) [MacGillivray, 2006: 172-185]. Для того, чтобы адекватно описывать, а затем анализировать радикально меняющийся под воздействием глобальных трансформаций мир необходимы новые концептуализации, новая терминология. Именно таким путём движется Джон Урри, совмещая исследовательские методы социально-экономической географии и социальной теории. Осуществляя свой инновационный подход в работе «Социология за пределами обществ: мобильности для XXI столетия» [Urry, 2000], британский учёный исходит из того факта, что в традиционных подходах социальной теории и социальной философии «общество» рассматривалось как центральный объект исследования в статическом измерении. Он считает, что это результат использования устаревших теоретических реконструкций социальности. Эссенцеалистские, структурно-функциональные концептуализации не в состоянии адекватно «схватить» существо и поворотные моменты нового, динамичного глобализирующегося мира, в котором границы подвижны и гибки. Речь идёт не только о внешних грани-

цах/формах (государственных, политико-правовых, социальных, экономических и культурных), но и о внутренней динамике постоянного изменения социальных потоков, ретрансформациях социальных страт и сетей. В условиях глобализации всё большее значение приобретает направленность и скорость изменений. Одним из наиболее значимых измерений глобальной динамики является «мобильность». Степень подвижности границ внешних и внутренних социокультурных событий оказывается определяющим фактором конституирования эмерджентной социальной реальности.

Этот «мир без границ» имеет важное свойство - мобильность, что, собственно, становится ключевым объектом представленного исследования. Найти релевантные выражения, концепты и теоретические конструкции для описания подвижной постсоциетальной реальности, соотнести это с реалиями обществ до начала эпохи глобализации – такова задача исследования. Постоянное переключение фокуса аналитической работы с физических аспектов движения на виртуальные и обратно – это отражение современных эпистемологических нон-эссенциалистских подходов. Мобильность многомерна, и необходимо выделить такие её феноменальные формы, как трансконтинентальные путешествия людей, миграции, научный и образовательный туризм, перемещение идей, образов, сообщений, товаров, промышленных отходов и денег. С каждым годом движение этих культурных потоков ускоряется, и мобильность становится уже не просто тен-

денцией, а условием глобализированного существования людей, образов и вещей. Такая интенсивная и тотальная «мобилизация» приводит к «искривлению» социального пространства-времени. Можно сказать, что онтология глобализации определяется индустриализованным социальным пространством, информатизированным временем и ускоряющимся движением. Этот подход в наиболее развёрнутой форме проявлен в англо-американской социальной теории. Урри [Urry, 2000], Томлинсон [Tomlinson, 1999], Харвей попытались картографировать глобализацию как динамическую социальную реальность в контексте географической науки.

Феномен мобильности должен быть размещён в поле междисциплинарных исследований (*multidisciplinary exercise*), заявляет Питер Эйди в работе «Мобильность (Ключевые идеи в географии)» [Adey, 2009]. По крайней мере мобильность – это значимый объект для таких дисциплин, как социально-экономическая география (*human geography*), социология, урбанистика (*urban studies*), антропология (*anthropology*), культурная антропология, культурные исследования (*cultural studies*), политические науки. Для всех исследователей очевидны «упрямые факты» - современный мир наполнен постоянно перемещающимися объектами (людьми, транспортными средствами, вещами, идеями, образами, информацией и знаниями). Глобализированный мир только и существует потому, что «всё движется». Устойчивость организаций, стран и регионов гарантирована не социокультурной стагнацией, а

мобильностью. Этот знаковый для XXI века «мобильный поворот» (*mobility-turn*) в оптике социальной теории и культурной географии наиболее последовательно и объёмно рассматривает Джон Урри.

Миграционные трансконтинентальные потоки рабочей силы, круглосуточная работа транспортных узлов (железнодорожных вокзалов, оживлённых автобусных трасс, аэропортов, крупных морских портовых терминалов) визуально экспонируют феноменологию мобильности. Континуум глобальных информационных потоков также приоткрывается нам через экраны мониторов, телеприёмников, благодаря радиопередачам, выпускам газет и журналов. Это соотношение между скрытым планетарным движением и осязаемой мобильностью необходимо рассматривать как часть онтологической проблематики, как отношение между «сущностью» и «явлением», выражаясь словами Гегеля. Материальная мобильность и мобильность как концепт нужно различать и исследовать соответствующими методами. Мобильность уточняется через такие опции как «смыслы», «политика», «практики» и «медитации». По крайней мере так называются основные разделы исследования Эйди [Adey, 2009]. Эволюционный подход к раскрытию темы движения позволяет понять мобильность как исторический феномен. «Мобильность» - достаточно ёмкий и многозначный концепт с постоянно ускользающим смыслом (*evasive concept*). Конкретизированные анализируемые ситуации (*case-study boxes*), количественные и качественные методы помогают уточнять, более детально опреде-

лять границы и специфику «мобильностей». Такие аспекты социально-экономического движения, как глобализированные транспортные сети, глобальная миграция, глобальные коммуникативные потоки и международная безопасность, требуют пристального внимания, особенно учитывая то, что мы существуем во взаимосвязанном и взаимозависимом мире.

6.2. УСКОРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФИЯ СКОРОСТИ Поля Вириллио

Эпоха глобальных трансформаций характеризуется ускоренным развитием событий в экономике, в технологической модернизации, политической деятельности, социальных изменениях, и эта тенденция особенно значима для динамики культуры. Для описания характера культурных изменений, присущих традиционной и постсовременной культурам, можно «в первом приближении» использовать такие метафоры, как «торможение культуры» (ретронаправленность культурных целей) и «ускорение культуры» (футуризация культурного процесса). В традиционной культуре доминирует императив «возвращения к истокам», что очевидно прежде всего в рамках религиозной культуры. Инвариант схематики архаической «философии истории» - «золотой век», «серебряный век», «бронзовый век» и «железный век», где каждая следующая культурно-историческая эпоха обнаруживает всё более проявленные следы упадка (антропологиче-

ского, религиозного, аксиологического, экономического). Отсюда следует, что только возвращение через ритуал и другие практики к изначальным культурным формам (культурным архетипам) может позволить восстановить (в какой-то мере) утраченные ценности и, следовательно, саму «матричную культуру». «Инновации», «модернизм» в условиях традиционной культуры всегда считались нарушением «культурных табу», что, собственно, и являлось причиной деградации общества и человека. Библейский миф о грехопадении, платоновский миф об «Атлантиде» и многие другие нарративы традиционной культуры хорошо иллюстрируют ментальные стереотипы архаической и античной консервативной установки «возвращения к истокам» на основе мифологемы об «утраченном рае».

Постсовременная культура в противоположность традиционной и классической расширяет свою «культуртрегескую экспансию» за счёт принципа «ускорения» через радикальный отказ не только от парадигмальных форм традиционной и классической культуры, но даже от «вчерашних-сегодняшних-теперешних» форм, модернистских и постмодернистских «образцов». Динамика культурных изменений такова, что культурные формы не «плавно перетекают» из одной в другую, но смене форм предшествует конфликтная ситуация. Эти явления лучше всего описываются через концепт «сдвиг парадигм», здесь имеется в виду «сдвиг культурных парадигм». Современные изменения в планетарном культурном пространстве обусловлены в большой степени глобализацией и

присущей ей подвижности (мобильности), откуда и такой феномен – «скорость культуры». Эта важная черта, проявляющаяся через «эффективность культуры», была бы невозможной без внедрения повсеместно высоких информационных технологий.

Французский мыслитель Поль Вириллио широко тематизировал и концептуализировал «скорость», так как она презентована в искусстве и политике. Опубликованная впервые в 1977 году на французском языке, книга Поля Вириллио «Скорость и политика» много раз переиздавалась и содержит базисные положения, которые работают в его последующих философских произведениях. Основной идеей французского философа является понимание скорости как социально-политической машины с разрушительной силой, которая вызывает специфические эффекты посредством тотальной милитаризации современного общества [Virilio, 2007]. Его концепция «дромологии» (философской теории скорости как комплексного социокультурного и эстетического явления) не имеет аналогов в современной философии. Наибольший эффект скорость культуры производит в информационном обществе. Работа Вириллио «Информационная бомба» связана именно с свойствами функционирования информации после начала «компьютерной революции» [Virilio, 2000]. Идея скорости как маркера современного восприятия мира оказалась продуктивной. Британский социальный теоретик и философ Джон Томлинсон в своём оригинальном исследовании «Скорость культуры» (2007) презентует концепцию ускорения

культурных процессов, охватывая динамическую событийность индустриальной и постиндустриальной эпохи [Tomlinson, 2007]. Автор, кроме культурно-исторических фактов, прочих теоретических источников, ссылается также на работы Вириллио. Его подход специфичен в методологической и особенно в феноменальной части исследования скорости, как она проявлена в социокультурной сфере. Отметим, что креативные идеи Вириллио постоянно востребованы и работают также в других политических, эстетических и социокультурных контекстах.

Оригинальные идеи Вириллио были поддержаны в постмодернистской интеллектуальной среде. В статье «Дромоскопия, или экстаз чрезмерности» Эдвард О'Нил развивает идею «дромологии» Вириллио, анализируя метафоры и феноменальную сторону ускорения социокультурных и эстетических событий. Переосмысливается слоган французской дорожной патрульной службы: «Чтобы выжить, водитель должен смотреть «в оба глаза» (*For the driver, to look is to live*). Спорт-шоу «Формула-1», французский фильм «Такси» и его клоны отражают интерес многомиллионной глобальной аудитории к высоким скоростям, «сумасшедшему драйву», рискам, триумфам. Фактически это спортивные и кинематографические метафоры «бешеного ритма жизни» постиндустриальной эпохи. Эту особенность подверг глубинной аналитике Вириллио. Скорость, жизнь и искусство взаимосвязаны и взаимозависимы. На высоких скоростях, как говаривал Владимир Высоцкий, «песчинка обретает силу пули».

Существовать, творить и мыслить в дромологической перспективе – это значит постоянно преодолевать эссенциализм и статуарность метафизического медитативного тренда классической философии.

Средствами эстетической «провириллианской» рефлексии О'Нил показывает, что «перспектива», «задний план» и «передний план» становятся чрезвычайно гибкими и релятивными. Момент исчезновения одной визуальной точки сменяется появлением другой, а может быть, это и реинкарнация только что «бывшей». Поэтому дромоскопия современной культуры с необходимостью должна учитывать скорость как значимый онтологический коррелят и детерминанту актуального социально-политического и эстетического бытия [O'Neill, 1998]. Предельно эстетизируя тему скорости, Эдвард О'Нил пишет: «Движение стимулирует событие (*Movement drives the event*). Активизирует прозрачность действия. Скорость трансформирует явления (*speed metamorphoses appearances*). В ускоренной подготовке к путешествию, симуляция обретает место и возобновляется проект *trompe-l'oeil* (фр.: оптическая иллюзия, иллюзия; изображение, создающее иллюзию реальности)» [O'Neill, 1998: 11]. Далее он использует метафоры, связанные с ездой на автомобиле, что, несомненно, знакомо любому индивиду, живущему в западном обществе потребления. «Глубина ландшафта проявляется на поверхности подобно мазку кисти на поверхности живописного полотна (*like an oilspot on the surface of a painting*). Неодушевлённые вещи (*inanimate objects*) обнаруживаются

на горизонте (*exhume themselves from the horizon*) и мало по малу проявляются (*impregnate*) во всём своём блеске на ветровом стекле. Перспектива оживает. Исчезающая точка становится атакующей, источая энергии в направлении смотрящего (*voyager-voyeur*). Цель гонки становится проявленной, когда отблески низвергаются на изумлённого наблюдающего, очарованного надвигающимся ландшафтом. Эта ось, которая генерирует видимое движение, вдруг становится конкретной и очевидной в скорости двигателя, но эта конкретность такова, что она полностью релятивна по отношению к движению, поскольку объект, который ускоряется в кино на ветровом стекле, точно так же быстро предаётся» [O'Neill, 1998: 11].

Скорость – это также маркер «высокой глобализации», наиболее очевидным проявлением которой является почти мгновенная перегонка гигантских объёмов информации из любой точки планеты куда угодно. Отметим, что глобализация происходит в условиях дальнейшего развития реалий информационного общества. Такая ситуация, с одной стороны упрощает и ускоряет экономические и политические процессы унификации человеческой деятельности, с другой стороны, скорости, создаваемые в информационных сетях, и массивы передаваемой информации делают труднопредсказуемым стабильное и самодостаточное существование региональных культур по отношению к транскультурным трендам глобальной культуры. Тенденция к доминированию определённого типа унифицированных форм культуры, совокуп-

ность которых можно условно назвать «глобальной культурой», основано прежде всего на «вездесущности» глобальных информационных сетей, фундированных «проводной» и «беспроводной» связью, спутниковой связью, цифровым телевидением, сотовой связью и Интернет. Глобализация инициирует планетарную ассимиляцию унифицированных информационных технологий, на которых базируется современная система массовой коммуникации и информации.

Одним из «опасных» продуктов глобализации может стать именно скоростная «глобальная культура», не имеющая устойчивых «вертикальных» культурных связей, то есть прочно не связанная с этнокультурными традициями. В новой «глобальной культуре» наиболее важными и определяющими, экономически эффективными и технологически обеспеченными становятся «горизонтальные» связи, соединяющие «производителей» культурного продукта и «потребителей» этого продукта во всём мире. При этом немаловажным фактором эффективности глобальных трендов становится высокая скорость доставки «культурного продукта» потребителю, что в целом и определяет базисные характеристики скорости глобальной культуры. Здесь необходимо отметить вклад в «науку о скоростях» Поля Вириллио. Этот французский мыслитель впервые тематизировал и концептуализировал феномен «скорости», каким он был презентован в искусстве и политике современности. Опубликованная впервые в 1977 году на французском языке книга Поля Вириллио «Скорость и политика», несмотря на то,

что много раз переиздавалась, остаётся актуальной, поскольку содержит базисные теоретические положения, которые работают не только в других его произведениях, но востребованы прочими авторами в соответствующих культурологических контекстах. Основной идеей дромологии Вирилио является понимание скорости как репрезентации работы социально-политической машины, обладающей разрушительной силой. При этом феномен скорости отражает устойчивую тенденцию тотальной милитаризации современного общества [Virilio, 2007a].

Анализируя феномен скорости в постиндустриальном обществе, Вирилио создаёт специальный категориальный аппарат, ключевыми понятиями в его концепции являются «дромология», «дромократическое общество» [Virilio, 2007a], «дромоскопия» [Virilio, 2008] и «дромосфера» [Virilio, 2007b: 83-101]. Его концептуальная разработка «дромологии» (неологизм от греческого слова «*dromos*» - «*скорость*»), то есть философской теории скорости как комплексного социокультурного и эстетического явления, весьма подходит для актуального постмодернистского анализа информационного общества. Наибольших значимых для общества «величин» скорость культуры достигает в информационном обществе, считает автор. Работа Вирилио «Информационная бомба» связана именно с анализом специфики функционирования информации после начала «компьютерной революции» [Virilio, 2000]. Одним из главных преимуществ информационной эпохи является беспрецедентный рост оборота

информации и культурных смыслов, культурных форм. Вот этот «перекрёсток» культуры, технологии и политики детально изучает в своих многопрофильных исследованиях Вириллио.

Работая на стыке дискурсов философии, физики, политической науки и урбанистических исследований, Поль Вириллио прогнозирует характер возможных войн будущего. Книга французского философа «Пустынный экран: война со скоростью света» (2002) представляет собой экспозицию феноменологии и метафизики современной высокотехнологической войны [Virilio, 2002]. Вслед за Жаном Бодрийяром, который в работе «Войны в Заливе не было» [Baudrillard, 1995] подверг беспощадному анализу медийные империалистические симулякры первой войны в Персидском заливе, Вириллио показывает, что происходит эпохальный поворот от войн индустриального периода к войнам иного порядка (постиндустриальным и даже постинформационным), а именно, к информационным войнам. Он доказывает, что современная цивилизация вступила в период глобального пространственно-временного коллапса (*global spatio-temporal collapse*) в результате исчерпанности геополитических ресурсов эпохи Холодной войны (*Cold War*).

Сегодня политика ведения войны (*politics of military*) и медийные технологии значительно минимизируют и по сути, устраняют переговорный процесс, элиминируя инструменты традиционной дипломатии. Всё чаще работает, хотя и неэффективно, политика ультиматумов (Ливия – 2011). «Война в Заливе» - это

своего рода «поворотный момент» в современной истории, когда информационные технологии и сверхскорости оборота информационных потоков значат больше, чем дипломатические миссии и традиционные инструменты урегулирования международных отношений [Virilio, 2002]. Расширяя свою концепцию «дромологии» в работе «*The Original Accident*», Вирилио показывает, как интенсивное развитие высоких технологий и тотальные инновации раскручивают механизм ускорения на всех уровнях человеческого существования в современном мире, что увеличивает риск появления коллапса в масштабе глобальной экономики [Virilio, 2007]. Апокалипсический настрой автора балансирует на грани полит-экономического анализа и культурологических интуиций, хотя его аргументация, основанная на анализе существующих тенденций техно-научного прогресса и гипертехнологизации повседневности, вполне рациональна. Глобальная культура характеризуется перманентными изменениями (трансформациями), постоянным ускорением обращения коммуникативных практик, предельной информатизации и постоянного «культурного товарооборота».

Одна из последних важных публикаций Вирилио - это книга «Негативный горизонт: эссе о дромоскопии» (2008). Фактически это издание представляет собой сборник ранее опубликованных работ Вирилио, где рассматриваются ключевые темы мыслителя. Наиболее значимые из них: современное общество, «анатомия» скорости, виртуальность и новые техно-

логии. Некоторые дополнения и новая конфигурация работ позволяют ведущим сквозным темам французского философа, объединить методологические принципы дромоскопии, сфокусировать теоретическую работу на постижении «таинств» мира скоростей. Как и в прежних его работах, феномен скорости рассматривается как осевой принцип современной культуры и политики. В определённых контекстах скорость играет роль разрушительного принципа, учитывая тотальные импликации современного глобализирующегося общества. Сенсорное восприятие человека модифицировалось за тысячи лет, особенно заметно в связи с ускорениями, связанными с технологическими революциями. Начиная с изобретения паровой машины, движение играло всё более значимую роль в культурном развитии и формировании актуального мировоззрения. Вирилио в своих исследованиях показывает, используя ретроспективные проекции, как сопротивление ускорениям доктринально и идеологически подрывалось, ослаблялось и минимизировалось. Постоянно происходила адаптация людей к новым реалиям, к миру, где вещи начинали двигаться быстрее и быстрее. Французский философ анализирует социокультурные трансформации и исследует импликации представлений о скорости начиная со времён появления пещерной живописи, вплоть до появления новейших военных технологий, в том числе - создание «самолёта-невидимки» (*stealth technologies*) [Virilio, 2008]. В эпоху глобализации тема скорости стала особенно востребованной, и концепты ускорения оказались как никогда

продуктивными. Поэтому концепты и идеи Вириллио становятся важнейшим методологическим ресурсом для изучения флексибельной современности.

6.3. КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СКОРОСТЬ И МОБИЛЬНОСТЬ

В ходе комплексного исследования глобальных трансформаций необходимо рассмотреть культурные эффекты, связанные с многоуровневыми ускорениями в современном мире. Для этого нужно провести анализ онтологических, коммуникативных, антропологических и аксиологических характеристик феномена мобильности и скоростной динамики культурных процессов в глобализирующемся постиндустриальном мире. Описание событийности и теоретизирование относительно структуры и направленности культурной динамики обусловлены пониманием природы глобализационных процессов. Феноменальная составляющая культуры, а тем более скорости культурных изменений, очевидно, имеет многоуровневый, много-составной характер. Это требует применение комплексных подходов и учёта междисциплинарности исследовательского поля.

Изучения ускорения динамики культурных процессов определено необходимостью выбора соответствующих методологических средств для описания особенностей скорости и мобильности как ключевых характеристик современной социокультурной реаль-

ности. Основная теоретическая проблема исследования мобильности заключается в том, чтобы изменить методологическую оптику изучения культурных феноменов, учитывая усиление динамического фактора. При этом скорость культуры в качестве важной составляющей технологического и социокультурного механизма ускорения глобальных трансформаций рассматривается как концептуальная базисная составляющая. Одной из задач исследования является определение характеристик скорости культурных изменений в планетарном масштабе. Для этого необходимо решить ряд задач: выделить тематические, онтологические, эпистемологические, технологические и социокультурные аспекты скорости как основной особенности многомерных глобальных трансформаций; затем определить влияние феномена скорости на формирование современной культуры.

Бытие человека в условиях ускорения глобальных трансформаций представляет собой перманентную адаптацию к постоянно изменяющемуся миру. Увеличение скоростей, сокращение расстояний обусловили эффект так называемого «сжатия мира». Как показывает Уорвик Мюррей, эти процессы являются одним из маркеров глобализации. В контексте своего исследования «географий глобализации» он показывает, что благодаря технологическим революциям в сфере транспорта и коммуникаций за последнее столетие мир коренным образом изменился. «Сегодня можно за один день облететь всю планету. Пятьдесят лет тому назад путешествие из Британии в Австралию

занимало неделю. Ещё в 1870 почтовое отправление из Лондона в Новую Зеландию шло семьдесят дней. Теперь с помощью телефона, факса, электронной почты и видеоконференций трансконтинентальная коммуникация происходит мгновенно. Мы живём, используя известную гиперболу, в «глобальной деревне» (*«global village»*), и наиболее подходящий термин для описания этого феномена сжатия – «глобализация» [Murray, 2006: 3]. Стремительное сокращение дистанций позволяет интенсифицировать прежде всего экономические процессы. Финансы в качестве инвестиций, произведённые товары и самые разнообразные услуги быстрее перемещаются, а значит, скорее начинают давать прибыль, то есть ускоренная оборачиваемость капиталов и товаров есть прямой выигрыш от глобальных трансформаций. Люди быстрее и чаще перемещаются по планете, обмениваясь разнообразной информацией, что прямо и косвенно способствует культурной конвергенции в планетарном масштабе.

Ускорение социальных, экономических, технологических, политических и, неизбежно, культурных процессов становится необратимым и очевидным с самого начала эпохи модерна (*modernity*). Феноменально скорость как культурный маркер обнаруживает себя в движущихся экипажах с паровым двигателем, пароходах, паровозах в 1820-1840 годах, главным образом в Великобритании. Культурные эффекты скорости значительно возрастают после изобретения таких новых средств ускорения коммуникации, как телеграф, телефон и радио во второй половине XIX века.

Именно тогда были заложены основы технологически оснащённых «сетевых» способов современной трансконтинентальной коммуникации. И тогда же стало очевидным, что информационные потоки по-новому начинают формировать премодерные культурные ландшафты Западной Европы.

В начале XX века авиация и кинематограф, а немного позже и телевидение показывают преимущества скоростных средств передачи культурных форм, что проявляется в технологическом, экономическом, политическом и прочих способах человеческой деятельности. Наконец, полёт человека в космос, доминирование реактивной авиации, создание Интернет и мобильная сотовая телефонная связь создали ещё больший эффект ускорения общекультурных трансформаций. «Мгновенность» стала темпоральной реальностью для информационного общества. Кроме технологических причин всё большей подвижности людей, объектов и информации, есть ещё аксиологическая причина, аксиологический сдвиг.

Одной из определяющих черт постмодерного общества является его флексибельность, подвижность, гибкость и неопределённость вследствие высокой динамики изменений – тотальной мобильности, с одной стороны, и ценностного релятивизма, с другой. Эти два фактора и создают эффект «текучести». Зигмунд Бауман наиболее полно и последовательно изучил и феноменальную и сущностную стороны этого специфического постмодерного состояния современного общества, которое он вполне обоснованно и справед-

ливо назвал «текучей современностью» (*liquid modernity*) [Bauman, 2000]. Близкие отношения здесь характеризуются как «текучая любовь» (*liquid love*) [Bauman, 2003]. Социальное существование в условиях нарастающей урбанизации насыщено «текучими страхами» (*liquid fear*) [4]. А жизнь в целом отличается неизбежной «текучестью» (*liquid life*) [Bauman, 2006]. Общий «диагноз времени» – это «текучая эпоха» (*liquid times*) [Bauman, 2007]. В основе всех проявлений постмодерного существования в условиях продолжающихся глобализационных процессов, по мнению Баумана, находится подвижная, мобильная повседневность человеческого существования в самом широком смысле. Текучесть может рассматриваться как феномен и работать как метафора для описания современного положения дел в обществе и культуре. Для «объективации» социокультурной подвижности нужны дополнительные способы описания и анализа.

Концепт скорости в применении к социальным, культурным и антропологическим явлениям в эпоху ускоряющихся глобальных трансформаций оказался весьма эвристичным. Идеи дромологии Вирилио развивались успешно в конце 70-х и начале 80-х годов двадцатого века. Философичность актуальной темы и эстетизация феномена скорости в рамках постмодернистской культуры оказались весьма рецептивными. Однако в девяностые годы монструозно проявляется симптом глобализации, поэтому новые аспекты ускорения становятся объектом социальной теории. С конца 90-х вплоть до сегодняшнего дня наиболее зна-

чимы труды британского исследователя, географа, социального теоретика и культуролога Джона Урри. Тема мобильности и социокультурного ускорения раскрывается через конкретные явления «всеобщей мобилизации», особенно наглядно посредством анализа автомобильного движения как культурного феномена и особенно авиадвижения. В комплексном исследовании «Авиамобильности» [Cwerner, Urry, 2009] под редакцией Сауло Квернера, Свена Кесселринга и Джона Урри авторы поставили задачу показать антропологическую и социокультурную многомерность авиапутешествий. Значимость распространённость и растущая важность авиаперевозок заставляют приложить усилия для того, чтобы понять место авиалиний, международных аэропортов, мотиваций пассажиров в ускоренно глобализирующемся мире. В эпоху массовых трансконтинентальных авиапутешествий изучение не только экономических, энергетических и экологических, но и социокультурных импликаций необходимо для того, чтобы понять «этос глобализации». Авиамобильность, пожалуй, наилучшим образом презентует такое фундаментальное свойство глобализации как гипермобильность (*hypermobility*). Методологической основой этого комплексного исследования является междисциплинарный подход. Инновационное исследование современной аэромобильности способствует изучению потоков и сетей (*mobility networks*) посредством которых происходит дистрибуция культурных форм в эпоху глобализации.

Количество авиаперевозок и авиапассажиров неизменно растёт во всём мире, поэтому «жизнь в воздухе» становится для многих некой повседневностью, а значит и содержит значимый культурный опыт, запускает специфическое производство культурных процессов. Пространственно-временные характеристики окружающей среды и сенсорного опыта очевидно отличны «на земле» и «в воздухе». Человечество уже более ста лет исследует, использует и обживает «пятый океан» с помощью разнообразных летательных средств, включая вертолёты, самолёты, аэростаты и дирижабли. Работая на пересечении дискурсов теории познания, антропологии, социальных наук и культурной политики, Питер Эйди в книге «Аэровоздушная жизнь: пространства, мобильности, аффекты» исследует комплексный феномен «жизни в воздухе», которая присуща пилотам, аэронавтам и авиапассажирам. Он указывает на эксклюзивность некоторых «аэропрактик», специфику экстраординарных ощущений и исключительные эффекты телесного существования на больших высотах [Adey, 2010].

Тема скорости в культуре, культура скорости, мобильность в самом широком культурологическом и философском плане сегодня неизбежно оказалась предметом пристального внимания западноевропейских мыслителей, работающих в сферах культурной географии, социальных наук и в области культурных исследований. Согласно мнению британского теоретика современной культуры Джона Томлинсона, автора комплексного оригинального исследования «Куль-

тура скорости» (2007) [Tomlinson, 2007], уже во второй половине девятнадцатого и начале двадцатого столетий скорость социальных и культурных перемен в западноевропейских странах стала настолько очевидной, особенно если смотреть на это перспективно, что в первую очередь такие выдающиеся философы и социальные теоретики, как Маркс, Зиммель и Вебер чутко уловили ускоренные изменения в социальной динамике и попытались, каждый по-своему, теоретически осмыслить различные эффекты ускорения [Tomlinson, 2007: 5-7].

Научно-техническая революция середины двадцатого века в ещё большей степени «разогнала» технологический прогресс транспорта и коммуникаций. В результате создания счётно-вычислительной машины (ЭВМ), а затем и персонального компьютера, радикально трансформировался социально-экономический и культурный ландшафт постиндустриального мира, благодаря компьютерной революции возникло информационное общество. Этот феномен не остался без внимания социологов и философов. Формирование социальных сетей в эпоху глобальной мобильности рассматривается в работе «Мобильности, сети, географии» [Larsen, 2006: 11- 28]. Ларсен, Урри и Аксхаузен показывают, что коммуникативные маршруты и виртуальные путешествия значительно усиливают эффект мобильности. Во второй половине двадцатого века Томлинсон выделяет теоретический вклад Тоффлера, мыслителей Франкфуртской школы (почему-то не отмечая значение Бенямина, хотя, впрочем, значи-

тельно позже упоминание об этом авторе в книге всё-же появляется), Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти [Tomlinson, 2007: 8].

В последней четверти XX века, когда системные изменения в технологиях, экономике, коммуникации привели к очевидному ускорению преодоления государственных границ, перемещению больших объёмов финансов, товаров, умножению миграционных, информационных и культурных потоков (что упрощённо именуют «глобализацией»), появились исследования «новой формации», где одним из важнейших факторов многоуровневых трансформаций оказывается «скорость». Томлинсон в этой связи упоминает работы Гидденса, Робертсона, Кастеллса, Хелда [Tomlinson, 2007: 8], а затем отсылает к собственному фундаментальному исследованию «Глобализация и культура» (1999) [Tomlinson, 1999]. Особо выделен теоретический вклад создателя «дромологии» («науки о скоростях») – Поля Вирилио, который связал воедино феномены скорости, власти, жестокости, информации и кинематографа. Он ввёл с целью методологической рефлексии феномена скорости такие специальные термины, как дромология, дромоскопия и дромосфера. Здесь же Томлинсон упоминает политико-эстетические меседжи итальянских футуристов, и в частности Маринетти [Tomlinson, 2007: 8].

Скорость может и должна широко рассматриваться во всех своих проявлениях: в физическом, культурно-феноменологическом, аксиологическом, религиозном, спортивном аспектах, – считает Томлинсон.

Но здесь очень важен именно аксиологический аспект: «Скорость всегда имела характер культурной ценности (*cultural value*)» [Tomlinson, 2007: 3]. Разумеется, что скорость как культурная ценность, ассоциированная со стремительными социальными, религиозными, культурными трансформациями, воспринималась в различных исторических эпохах и в разных социальных группах отнюдь не унифицированным образом. «Консерваторы» и «инноваторы», к какой бы сфере это ни относилось, всегда занимали диаметрально противоположные позиции относительно «ускорения», если это относилось к «социальной форме движения», если говорить в терминах диалектического материализма. Вспомнить хотя бы известный слоган (набившая оскомину цитата), «древнекитайской мудрости»: «Не дай Вам Бог жить в эпоху Великих перемен», - и сопоставить это со строкой из песни Виктора Цоя: «Перемен, мы ждём перемен!». Здесь напрашивается такая гендерная редукция к «извечному конфликту поколений», но если обойтись без упрощений, то «социальные скорости» всегда были объектом политических, идеологических, экономических и культурологических дискуссий часто среди представителей одного и того же поколения.

Для Томлинсона важно выяснить «генеалогию» обыденного и теоретического осознания феномена скорости. Поэтому он считает, что независимо от того, как бы ни трактовали в историко-культурных контекстах ценностную значимость скорости, для специального исследования в первую очередь нужно прояснить

два взаимосвязанных вопроса. Наиболее важный из них заключается в следующем: «Как ценности и отношения, связанные со скоростью, могут изменяться во времени, то есть какие более ранние имплицитные ощущения, присущие определённому ритму жизни, могли бы быть утрачены ввиду появления новых восприятий феномена скорости, например, ассоциированных с неким социальным достоинством (*social virtue*)» [Tomlinson, 2007: 5]. Но прежде для его более продуктивного изучения «необходимо рассмотреть вопрос о том, как эти разнообразные, амбивалентные и часто противоречивые общие отношения и ценности оказались сформированными в более или менее когерентные, в целом имплицитные нарративы, включённые в комплексный культурный дискурс современности (*cultural discourse of modernity*)» [Tomlinson, 2007: 5].

Практически одновременно с работами Томлинсона культурными и социальными импликациями скорости занимались также и другие британские учёные, в том числе: Скотт Лэш, Джон Урри, Найджел Трифт, Тим Крессвел. Французский философ Поль Вирлио, о котором упоминалось выше, уже более двух десятилетий исследует феномен скорости в контексте постмодернистской культуры. Его соотечественник Марк Оже изучает такую важную и многоаспектную тему, как скорость в условиях современного мегаполиса, а также анализирует влияние мобильности на антропологию урбанизации. Датские учёные Тира Ут Томсен, Лизе Нильсен, Хенрик Гудмундссон и их кол-

леги в ходе междисциплинарного исследования «Социальные перспективы мобильности» (2005) [Thomsen, Nielsen, Gudmundsson, 2005] стремятся получить достоверные результаты относительно влияния транспорта и возрастания мобильности на современное общество, культуру и человека. Сегодня очевидно, что мобильность является одним из основных принципов современности наряду с индивидуальностью, рациональностью, принципом равноправия и глобальностью. В коллективной междисциплинарной работе «Мобильность и место» (2008) [Baerenholdt, Granas, 2008], вышедшей под редакцией Йоргена Берендтхольдта и Брюнхильд Гранас, группа скандинавских авторов рассматривает феномен периферийных пространств в контексте усиления глобализационных тенденций, таких, как связность, взаимозависимость, мобильность и нелинейные динамики. В книге немецких учёных «Отслеживая мобильности: по направлению к космополитической перспективе» (2008) [Canzler, Kaufmann, Kesselring, 2008] представлены работы, в которых исследуются различные формы движения, начиная с макросоциальных трансформаций, связанных с мобильностью, и заканчивая эмпирическими дискуссиями о новых формах мобильности, а также их проявленности в повседневной жизни. Рассматриваются социальные изменения в контексте экспоненциального роста мобильности, что специфично именно для эпохи глобальных трансформаций. В статьях Вольфганга Бонсса, Свена Кессельринга, Винсента Кауфмана, Виирта Канцлера и других фоку-

сируется внимание на междисциплинарном характере изучения мобильностей. Авторы совмещают теоретические рефлексии и эмпирические исследования.

С самого своего начала средства коммуникации и транспорт создавались людьми непосредственно для практических нужд. Сегодня транспортные средства – это уже не только простое средство передвижения, но и спортивный транспорт, средства развлечения. Иногда это имиджевый предмет роскоши или «мобильный симулякр» (спортивный виртуальный симулятор в видеоигре). «Современность (*modernity*) в очень большой степени зависит от транспорта, который связывает индивидуумов, корпорации и сообщества, находящиеся в глобальном мире сетей и потоков. Люди и товары перемещаются, преодолевая всё большие и большие расстояния с ещё большей скоростью, чем это было раньше. Изменение местоположения (*motion*), движение (*movement*), мобильность (*mobility*) стали интегрированными частями поздней современной идентичности (*late modern identity*), практики и мышления. Состояние потока (*flux*) может быть испытано всюду» [Thomsen, 2005: 1]. В целом тема возрастающей скорости и тотальной подвижности объектов, людей, образов и идей в постмодерную эпоху более узко обозначилась в ходе исследования различных аспектов феномена «мобильности». Как эффективный методологический инструмент особо нужно отметить типологию «мобильностей» Урри [Urry, 2007]. Социокультурное явление мобильности более развёрнуто следует специфицировать как совокупность глобализаци-

онных персонализированных эффектов современной социокультурной динамики.

Теоретики феномена возрастания «скорости культуры» и расширенной «мобильности», однозначно признают факт тотального ускорения социальной, культурной деятельности / подвижности в связи с экспоненциальным ростом передачи информации и образов, перемещением финансов и товаров. Это последствие значительного увеличения трансконтинентальных «пассажиропотоков», студентов, учёных, специалистов, туристов, политических и экономических мигрантов. Однако не всякое физическое перемещение подпадает под определение мобильности. Тим Крессвел доказывает, что «мобильность» – это в первую очередь «осмысленное движение» [Cresswell, 2006: 1-3].

По аналогии с различного рода тематическими и концептуальными «поворотами» в сфере гуманитарных дисциплин, характерных прежде всего для второй половины XX века («лингвистический поворот», «антропологический поворот», «герменевтический поворот», «постмодерный поворот»), Урри заявляет о «мобильном повороте» (*mobility turn*) в социальных науках первого десятилетия XXI века [Urry, 2007: 6-7]. Чтобы адекватно изучать сегодня культуру, общество и человека, необходимо учитывать социокультурную специфику скорости и расширение тотальной мобильности людей, вещей, образов и информации. «Современное общество (*modern society*) – это общество, находящееся в движении (*on the move*). Центральной идеей совре-

менности (*modernity*) является движение (*movement*), и именно поэтому современные общества смогли осуществить значительные перемены в своём отношении к природе и к опыту передвижения (*motion*), или путешествия», - считают Скотт Лэш и Джон Урри [Lash, Urry, 1994: 252].

Развивая тезис о мобильности, Урри выстраивает собственную методологию для объективного понимания места роли и перспектив индивидуальной подвижности субъекта в постоянно изменяющемся мире. Свой подход он называет «парадигмой мобильности» (*mobilities paradigm*), в основе которой новое представление о субъекте, отличное от модернистского представления. В значительной степени опираясь на идеи Бруно Латура [Latour, 1993; Latour, 1999; Latour, 2007] относительно исторического формирования эпистемологических параметров современного субъекта, Урри отмечает, что мобильный поворот имплицитно содержит критику антропологических представлений, сформировавшихся ещё в эпоху Просвещения и существующих в гуманитаристике до сих пор, в тех случаях, когда постулируется полная автономность, независимость познающего субъекта от существования материальных миров. «Парадигма мобильности» в интерпретации Урри учитывает то, что различного рода силы отдельных индивидуумов и человечества в целом «всегда усиливаются и расширяются (*augmented*) благодаря именно материальным мирам, производству одежды (*clothing*), инструментов, объектов, дорог, строений и т. д.» [Urry, 2007: 45]. Скорость как куль-

турный феномен и мобильность как антропологическая характеристика маркируют процессы глобализации, отражая направленность, быстроту и динамику планетарных преобразований. Фактором физического и информационного ускорения, на первый взгляд, является продолжающаяся высокотехнологическая революция. Это отчасти так и есть, но существуют и более фундаментальные причины тотальной и постоянно ускоряющейся подвижности, связанные со значительными историческими изменениями в мире. Ключевым моментом здесь, очевидно, является заметное изменение мировосприятия, иерархии ценностей и стилей жизни людей на протяжении последних десятилетий под влиянием очевидного тотального ускорения передвижения пассажиров, объектов, образов и идей, что особенно заметно в культурных ареалах Западной Европы и Северной Америки.

Глобальные трансформации приводят к неизбежной «разгерметизации» любого культурного пространства вследствие очевидной открытости для инокультурных интервенций. «Культурные драйверы» глобализации, такие, как «макдонольдизация», «диснеизация», «уолмартизация», «голливудизация», «кокаколонизация» или, обобщённо говоря, «вестернизация» либо «американизация», являются разновидностями «культурного империализма». Высокая скорость распространения этих вирулентных культурных форм обусловлена в первую очередь, экономическими причинами, но это также эффекты мейнстрима горизонтального трансфера культурных стереотипов. По-

литика культурного империализма прямо и косвенно способствуют навязыванию новых эстетических норм и упрощённых антропологических прототипов формирования идентичностей. Здесь, очевидно, работают механизмы «глокальности», «транскультурности» и «мобильности» в самом широком смысле слова, доказывает Урри в социологическом исследовании феномена мобильностей [Urry, 2000]. Возрастает значение тенденции ускорения социокультурных трансформаций, считает теоретик «культуры скорости» и исследователь механизмов производства событийности «немедленной культуры» Джон Томлинсон [Tomlinson, 2007]. Для понимания этих процессов нужны новые методологические подходы. Одним из таких наиболее адекватных подходов является исследовательская программа «новой парадигмы мобильностей» Джона Урри [Urry, 2007]. Она вполне применима к объяснению динамики и направленности культурных сдвигов в глобализирующемся мире. В терминах этой методологической парадигмы может быть более развёрнута и точно описана и объяснена взаимосвязь природы, общества, техники и человека.

Эффективность новых методологических подходов в изучении общества и человека зависит сегодня от того, насколько будет учтён фактор «разумного действия» и его включённость в контекст ноосферной реальности [Буряк, 2009]. Мир культуры и человеческого бытия умопостигаем, потому что он сегодня исследуется, планируется, конструируется и осваивается на основе целерациональной деятельности. Ноосфера как резуль-

тат совместной работы индивидуумов, групп, поколений и «в снятом виде» разумной деятельности всего человечества – это разумно обусловленная «цель в себе». Поскольку мобильность во всех её проявлениях сегодня продуцируется научными программами и реализуется с помощью высоких технологий, то и осознаваться должна как рациональный феномен, то есть как составная часть ноосферных процессов.

Если для технологий и торговли ускорение и мобильность однозначно полезны, то в том, что касается традиции как стабильного континуума культурных форм и архетипов, аксиологического «ядра» любой этно-национальной идентичности, несомненно, что постоянная диффузия и ускоренная трансмутация символов, образов, ритуалов и практик в глобализирующемся мире влечёт за собою системные изменения в обществе. Здесь возникают достаточно сложные и дискуссионные вопросы. Необходима ли в современном быстро изменяющемся мире абсолютная и «глубоко эшелонированная» устойчивость ритуалов, стереотипов, практик, стратегий и, как следствие, «незыблемость» культурных форм, обеспечивающих прочную связь с традициями? Кому необходима? Кому она мешает и почему? Каковы цели консервативных культурных стратегий? Наконец, какими способами можно затормозить «макдональдизацию» культуры, если даже она нежелательна для автохтонной культуры? Возможно ли это в принципе? Каковы ресурсы, стратегии, режимы и границы «культурного сопротивления»? На эти и другие вопросы ответить непросто.

сто. Однако только лишь сетовать на угрозу гомогенизации и кризисное состояние традиционной и классической культуры вследствие углубления процессов глобализации по крайней мере непродуктивно.

Связность и одновременность – это характеристики прежде всего трансграничного коммуникативного пространства, медиасреды и современной культуры в самом широком смысле. Поэтому возникает и новый тип человека, *homo mobilis*, «человек мобильный», «человек-турист», разновидность «фланёра», на что обратил внимание ещё в XIX веке Шарль Бодлер. Эту тему «урбанистических путешествий» исследовали затем Вальтер Беньямин и Георг Зиммель [Tomlinson, 2007]. Таким образом, возрастающие миграционные потоки, международные образовательные программы, ускорение коммуникативное, увеличение и интенсификация транспортных потоков и в конечном счёте «скорость культуры» производят значительное антропологическое смещение в направлении «мобильности» как важнейшей характеристики человека XXI столетия. Урбанистический аспект антропологии мобильностей исследует Марк Оже в своих работах [Auge, 2002]; [Auge, 2009].

Представление о «подлинности» культуры и человека, о самоидентичности в рамках архаического и доиндустриального обществ всегда включало в себя, явно или латентно, наличие этно-исторических, географических и, наконец, культурных «корней» в качестве эссенциального культурного и антропологического ядра. Разрушение святынь, алтарей, городов,

храмов и всякое низвержение культурных символов имело целью уничтожение культуры. К счастью, это разрушителям удавалось сделать не всегда. Изгнание из племени у примитивных народов или ритуал остракизма в античных обществах означали исключение из общества и культуры, что влекло за собой понижение социально-политического и собственно антропологического статуса индивидуума.

В эпоху глобальных трансформаций скорость передвижения (аэро- и авто-), сокращение дистанций (минимизация дальних и сверхдальних расстояний), частота перемещения (чем чаще, тем лучше) свидетельствуют об экономическом, социальном и культурном положении человека, его статусе в организации и обществе. Степень мобильности усиливает (или, наоборот, ослабляет) его позиции в профессиональной и культурной среде. В социокультурную систему глобальных трансформаций лучше вписывается тот, кто не имеет «корней», или по крайней мере «абстрагируется» от них, поскольку «корни» – это психологический, эмоциональный, социально-политический «тормоз». Такая идеология глобалистов и следующая из неё антропологическая максима «мобильной» глобализации.

Комплементарной формой мобильности выступают информационные сети. Тема «сети и мобильность» экспонируется в книге «Мобильности, сети, географии» [Larsen, Urry, Axhausen, 2006]. Физическая мобильность, резко возросшая в последние десятилетия на глобальной шкале, оказалась усилена информационными технологиями: мобильными телефона-

ми, текстовыми сообщениями, электронной почтой, видеоконференциями. Разветвлённые сети коммуникации наряду с постоянным перемещением людей и вещей создали эффект «гипер-мобильной планеты». Как отмечает МакДжилливрей, за последние триста лет население планеты увеличилось в десять раз, с 600 миллионов до 6 с половиной миллиарда человек, при этом продолжает интенсивно возрастать межрегиональная и межконтинентальная миграция [MacGillivray, 2006: 172-185]. В 2011 году ожидается демографический рост до 7 миллиардов человек. Учитывая глобальные демографические тенденции и постоянно увеличивающееся количество транспортных средств, представляется, что экономические, энергетические и экологические эффекты мобильности, по крайней мере в сегменте «автомобильностей», будут интенсифицированы во всё большей степени и сделают «скорость культуры» ещё более «высокой». То есть горизонтальный трансфер культурных и квазикультурных форм на глобальной шкале ускоряется, а следовательно, гомогенизация, гибридизация и креолизация планетарной культуры усилятся.

Продвижение глобальных трансформаций ведёт к неизбежной гомогенизации не только культуры, но также экономической, технологической и политической деятельности. Основными характеристиками этого процесса являются стандартизация, унификация и перманентная инновационность. Основным принципом изменений является возрастающая скорость перемещения людей, товаров, образов, информации и

идей. Скорость и мобильность культурных изменений определяют фактически все планетарные процессы [Буряк, 2009]. На антропологическом уровне скорость реализуется как мобильность. Движущими силами трансформации социокультурного пространства оказываются «культурные драйверы» глобализации, например: «макдонольдизация», «диснеизация», «уол-мартизация», «голливудизация», «кокаколонизация», а говоря обобщённо – «вестернизация».

Изучение феноменов скорости культуры, социокультурных и антропологических эффектов мобильности даст возможность более точного описания и прогнозтики культурных трансформаций в глобальном масштабе. Именно возрастание скоростей на уровне горизонтального трансфера культурных форм и является основным симптомом социокультурной глобализации. Наряду с экономическим, технологическим и политическим ускорением, феномен мобильности указывает на необратимость глобальных трансформаций. Поэтому актуальными проблемами изучения динамики культуры на планетарной шкале, кроме прочего, является выделение механизмов и триггеров многомерного ускорения, включая социокультурную мобильность. Ключевым механизмом ускорения динамики культурного трансфера в эпоху глобальных трансформаций является меметическая передача культурного опыта от индивидуума к индивидууму и от культуры к культуре.

6.4. БИО-СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА: (СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕМЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Своим происхождением термин «мем» обязан эволюционному биологу Ричарду Докинзу (*Richard Dawkins*). В своём бестселлере «Эгоистичный ген», впервые опубликованном в 1976 году (книга выдержала десятки переизданий на многих языках мира), британский учёный «мемом» назвал некую элементарную структуру передачи культурного опыта, представляя, что мемы это некие культурные эквиваленты гена [Dawkins, (1976) 2006]. С помощью многочисленных примеров он иллюстрирует базисное основоположение, доказывая, что мем это ключевая единица культурной трансмиссии. Если учесть глобальный контекст развития современной культуры и сделать акцент на базисных технологических характеристиках информационной эпохи, то упрощённо говоря, мемы это «единицы культурной информации». В биологической оптике обнаруживается аналогия с «вирусами разума», «ДНК культуры» и другими редукционистскими моделями понимания сложнейших социокультурных процессов.

В генеративном измерении, в теории интерпретации, экзегетике, герменевтике, семиотике, лингвистическом анализе происхождения смыслов и формирования текстов (в расширительном, постструктуралистском видении) меметика имеет очевидно слабые стороны. И неудивительно, поскольку биология и лин-

гвистика, эволюционная теория и теория культуры, генетика и историческая наука находятся в разных сегментах академического знания, также как «естественное» (к которому принадлежит биология) и «социально-гуманитарные дисциплины» (семиотика и герменевтика). Таким образом меметика претендует на то, чтобы занять междисциплинарную нишу между социальной теорией, социальной психологией и историей культуры. Аарон Линч, математик, программист и философ в своей книге «Когнитивное инфицирование: как убеждения распространяются в обществе: новая наука о мемах» (1996) [Lynch, 1996], задаётся непростым вопросом: Если существуют очень популярные социо-культурные идеи, то в чём секрет их широкого распространения? Исследователь обнаруживает впечатляющую эрудицию в области эволюционной биологии и эволюционной психологии, эпидемиологии, эволюции культуры и культурной антропологии, экономики и социологии, теории игр и теории коммуникации, когнитивных наук и философии сознания, истории фольклора и психоистории. Он вводит такой специфический концепт как «эпидемиология идей», чтобы объяснить механизмы меметической культурной эволюции [Lynch, 1996: 1-17]. Путём трансмиссии, ретрансмиссии, комбинаторики и реорганизации существующих смыслов и образов формируются новые конфигурации идей, которые обретают или не обретают своих последователей. Те, что реплицируются - «задерживаются» в культурном ареале, а те, которые слабо имитируются – исчезают из культурно-

популяционного пула. Автор опасно приближается к методологической ловушке редукционизма, обнаруживая склонность интерпретации эволюции культуры через дарвиновский концепт «борьбы за существование биологических видов». Сложные социо-культурные идеи несомненно связаны с биологическим существованием индивидуумов, но «идеальное» содержание религии, эстетики и философии не сводимо к атомно-молекулярной структуре нуклеотидов ДНК.

Социо-культурная эволюция происходит как продолжение (дополнение) биологической эволюции. Несмотря на значительные отличия жизни высших животных и человеческих сообществ есть и определённые сходства, что показывает сравнительный анализ функционирования человеческих групп и групп так называемых социальных животных (социальных насекомых). Тем более обоснованным является создание коэволюционной теории, где генетическая составляющая эволюции взаимосвязана с культурными трансформациями. Ген-культурная коэволюционная теория (*Gene-culture coevolutionary theory*) в интерпретации Марка Фельдмана и Кевина Лэланда представлена как отрасль теоретической популяционной генетики и в её рамках моделируются различные трансмиссии генов и культурных черт от одного поколения к другому [Feldman, 1996]. Эти модели используются для проверки гипотезы о работе адаптивных механизмов с использованием преимуществ более обучаемых и «окультуренных» индивидуумов. Исследователи стремятся понять механизмы находящиеся в ос-

нове социо-культурных изменений, схемы разброса вариаций сложного человеческого поведения и роли личностных характеристик. Авторы доказывают, что в ходе человеческой эволюции большую роль играет характер взаимодействия генов и культуры (*genes and culture*). Исследователи не прибегают к понятийному аппарату меметики, тем не менее их методологические установки вполне коррелируют с её основными положениями.

Характерной концептуальной особенностью меметики является её комплексность и междисциплинарность. Следуя этой традиции Джек Балкин использует методы эволюционной теории, антропологии, когнитивной науки, лингвистики, философии, социологии, политической теории, социальной психологии и теории права для экспликации своей оригинальной интерпретации теории культурной эволюции. В фокусе исследования - проблема взаимопонимания представителей различных культур и условия для консенсуса по принятию ключевых ценностей. Согласно Балкину культурная эволюция происходит путем передачи культурной информации (в форме мемов) и «культурных программ» (*cultural software*). Эти программы позволяют передавать культурный опыт посредством повседневной коммуникации. Он выделяет в поле культуры такой феномен, как идеология, которую номинирует как специфическую «культурную программу», вернее, как продукт эволюции специфических культурных программ (симптоматично название одной из глав книги - *Ideology as Cultural Software*). Бал-

кин считает, что беспорядочный процесс функционирования культурных потоков отражается в существовании противоположных мировоззрений. Компромисс и стабилизация культурных дискурсов происходит в тех случаях, когда обнаруживаются и закрепляются трансцендентные идеалы (ценности).

Статус меметики как науки в поле современного междисциплинарного социо-культурного знания до сих пор вызывает споры и дискуссии. Наиболее распространён упрёк в методологическом дарвинизме. Однако это не останавливает исследователей эволюции культуры. В комплексном исследовании «Дарвинизация культуры: статус меметики как науки» учёные, разделяющие взгляды Ричарда Докинса используют широкий арсенал методологических подходов и оригинальных концепций[Aunger, 2001]. Инновационные термины: «меметические агенты», «меметический процесс», «меметическая трансмиссия», «меметическая конкуренция», «меметическая перспектива», «успешные мемы», «популяционное мышление», «социальная симуляция» и другие понятия позволяют понять работу культуры как «меметической машины» (*meme machine*), по выражению Сьюзен Блэкмор. Нужно отметить, что механистическая метафора *meme machine* не отражает механистическую методологию, но скорее выражает уверенность в том, что культурные процессы законосообразны и имеют всеобщий характер для человеческих сообществ.

Создатели меметики постоянно помнят о «редукционистском соблазне» и пытаются балансировать

в методологическом интервале между естествознанием и социо-гуманитарными интерпретативными стратегиями. Как эволюционный биолог (а отнюдь не культуролог) Докинз под мемами понимает прежде всего устойчивые формы поведения, которые реплицируются в ходе непосредственных коммуникативных или квазикоммуникативных актов. Там, где происходит воспитательно-педагогический процесс, научение и образование неизбежно имеет место трансфер мемов. В самом распространённом обыденном варианте их распространение происходит путём нерелексивного подражания. Если принять расширительную интерпретацию мемов, то мемами могут быть: *«Мелодии, идеи, расхожие выражения, фасоны одежды, способы производства посуды или постройки куполов»*, считает автор «Эгоистичного гена» [Dawkins, (1976) 2006]. «Меметика», - (наука о мемах) это неологизм созданный Дугласом Хофштедтером чтобы определить теоретическое основание идеи Ричарда Докинза, относительно эволюционных механизмов культуры по аналогии с эволюцией биологических видов [Miller, 2009]. Меметика как «наука о мемах» получила широкое распространение благодаря расширению медиасферы в условиях глобальной информатизации. Именно тогда, благодаря новым технологиям информационные потоки стали доминировать в планетарном культурном пространстве. Эволюционные модели распространения культуры получили признание не только среди эволюционных биологов, но также среди специалистов по информационным технологиям и культуроло-

гов. Периодическое издание «*Journal of Memetics - Evolutionary Models of Information Transmission*» публикует материалы начиная с 1997 года [Journal of Memetics, 1997]. В контексте расширения инфосферы гипотеза миметического тренда глобализации культуры является наиболее достоверной, несмотря на некоторые методологические трудности интерпретации феноменов культуры. Нужно отметить и важный методологический аспект меметики. Это новая междисциплинарная научная теория, базирующаяся на достижениях эволюционной биологии, эволюционной психологии, информатики и когнитивных наук. Определяющим научным событием, позволившим конституировать меметику как научную теорию, считает Ричард Броуди, один из основателей компании «Майкрософт», было создание теории эволюции видов, сделанное Чарльзом Дарвином в 1859 году [Brodie, 2011: xiii]. Идея естественного отбора раз и навсегда трансформировала исследовательское поле современной биологии.

Методологические подходы и философские идеи Докинза наиболее результативно использовала для конструирования теоретических оснований меметики Сьюзен Блэкмор, британский биолог и эволюционный психолог. Как показывает Блэкмор в работе «*The Meme Machine*» [Blackmore, 2000], мемы играют в эволюции культуры такую же важную роль, как гены в биологической эволюции. Она пишет: «Мемы это некие инструкции для осуществления нашего поведения, они сосредоточены в области мозга (*brains*) и передаются от индивидуума к индивидууму посредством имитации.

Конкурентная борьба между мемами является движущей силой эволюции сознания (*mind*)» [Blackmore, 2000: 17]. Блэкмор в своём теоретизировании опирается на идею репликации мемов (*idea of a replicator*) из работы Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» [Dawkins, 1976, 2006] и концепцию «эволюционного алгоритма» (*evolutionary algorithm*) Дэниела Деннета «Опасная идея Дарвина: эволюция и смыслы жизни» [Dennett, 1996]. Меметическая эволюция это что-то вроде естественной неизбежности, «био-культурного закона». Благодаря тому, что мемы образуют группы по сходству, общий процесс меметической эволюции (*memetic evolution*) происходит таким образом, что в культуре остаются мемы, которые более предпочтительны для вида [Blackmore, 2000, 16]. В качестве репликаторов они задают некий устойчивый алгоритм, основанный на селекции, вариациях и наследственности (*retention or heredity*) [Blackmore, 2000: 14].

Мемы это культурные вирусы, их моментальное распространение аналогично действию биологических вирусов и компьютерных вирусов, хотя их происхождение и трансмиссия имеют свою специфику. Существуют некоторые онтологические инварианты присущие как генам, так и мемам, а именно: точность воспроизведения (*fidelity*), изобилие (*fecundity*) и устойчивость, долговечность, (*longevity*). Поэтому наиболее распространённые мемы «анонимны», достаточно унифицированы и являются «культурными стереотипами», если говорить о массовой культуре, или обыденных культурных практиках. Ричард Броуди утверждает

ет, например, что «не все Ваши мысли являются именно Вашими оригинальными идеями» [Brodie, 2011: xiv]. Методологический редукционизм прослеживается в таких высказываниях: «мысли подхватываются», непосредственно заимствуются от других людей, «ими инфицируются», непрямым образом, через «вирусы разума» (*viruses of the mind*) [Brodie, 2011: xiv]. С одной стороны культурные единицы уподобляются таким примитивным биологическим формам как «вирусы», а с другой стороны, сравниваются с «компьютерными вирусами» имеющими небиологическую природу. Тем не менее, «вирулентность» распространения культурных форм, культурных стереотипов и практик всё более заметна на глобальной шкале (музыкальные клипы, мода, молодёжный сленг) и этот «медиа-факт» анализируют не только представители меметики. Идея «вирулентности» как симптома постмодернистской культуры не раз обсуждалась Жаном Бодрийяром, особенно в эссе из сборника «Прозрачность зла» [Baudrillard, 2009]. Феномен «моды» вполне вписывается в объяснительные модели меметики.

Меметика как новая научная дисциплина, репрезентирует парадигмальный сдвиг в науке о разуме (*science of the mind*). Чтобы понять сущность этой новой науки необходимо изменить общепринятый угол зрения, считает Броуди. Тогда разум и культура будут пониматься иначе, намного точнее, чем они мыслились и были объяснены в старой парадигме мышления. Меметика одновременно и сама постигается в рамках новой парадигмы, и вносит свой вклад эписте-

мологический вклад в формирование этой эмерджентной парадигмы. Однако меметика постоянно балансирует между социальной теорией и социальным позитивизмом. Например, Роберт Онгер на основе теории Докинза, используя теоретические конструкты биоинформатики предлагает авторский вариант нейромеметики (*neuromemetics*), упрощая понимание того, что такое мемы до электрических импульсов в головном мозге [Aunger, 2002]. В «Психологии коммуникации» даётся такое расширенное определение меметики: «Если гены это биологические репликативные системы, благодаря которым происходит биологическая эволюция, то мемы представляют собой вторичную репликативную систему и благодаря их функционированию происходит культурная эволюция. Генетика это наука о генах, а меметика – наука о мемах» [Gardiner, 2008: 243]. Биология и теория культуры имеют общие проблемные поля, например, интерпретация поведения человека и ключевые поведенческие детерминанты.

По мнению Броуди меметика является прежде всего результатом пересмотра основоположений современного естествознания после так называемого «сдвига парадигмы» (*paradigm shift*) [Brodie, 2011: xv]. Здесь неявно указывается на широкоизвестную концепцию Томаса Куна из его работы «Структура научных революций» [Kuhn, 1996], где показаны исторические эпистемологические разрывы между уже давно функционирующими правилами производства научного знания и новыми, с большей объяснительной силой (новая научная парадигма). В связи с информаци-

онной революцией и развитием Интернет, как глобальной информационной сети, изменились онтологические характеристики повседневной коммуникации, медиасреды в целом и медиакультуры. Чтобы понять динамику и характер системных радикальных изменений необходимы новые базовые принципы теоретизирования. Наиболее важными триггерами здесь оказались: теория относительности Эйнштейна (специфически трактующая отношения пространства-времени, движения, энергии и материи) и тотальное внедрение в научно-исследовательскую деятельность эксперимента и экспериментального мышления [Brodie, 2008: xv]. Наиболее ясный пример смены парадигмы – это переход от геоцентрической картины мира к гелиоцентрической картине мира. После того как научное сообщество приняло новую парадигму, её влияние становилось всё больше в широких образованных кругах.

Для постижения сути парадигмального сдвига и роли меметики необходимо понять значение четырёх основных концептов, нужно знать, что такое: *мем, вирус, эволюция и эволюционная психология*. Первым ключевым понятием является мем (*meme*), используется как обозначение базисной структуры культурной деятельности. Здесь можно провести аналогию с геном, как краеугольным элементом жизни. Мемы это не только «строительные блоки» культуры, на широкой шкале, от национальных культур, языков и религий, но также на более узкой шкале – мемы формируют нашу умственную деятельность, «программируют»

наш ментальный «компьютер», продуцируют эмоции в ходе коммуникации. «Вирус» - термин, использующийся в биологии и компьютерных науках. В меметике понятие «культурного вируса» выражает множество первичных структур человеческой деятельности и выступает как элемент культуры. Третьим важным концептом является «эволюция». Это многозначное понятие и его коннотации необходимо тщательно проанализировать, чтобы избежать редукции к упрощённым формам понимания развития как такового. Наконец «эволюционная психология», новая и перспективная дисциплина занимается проблемами трансформации разума, неотделимыми от проблем выживания, адаптации и репродукции *homo sapience*. Здесь же стоит перечислить несколько ключевых терминов меметики. Это неологизмы: «*memotun*» (*memotype*), представляющий собой наличный информационный контент конкретного мема; «мемкомплекс», «*мемплекс*» (*meteplex*) это устойчивая группа мемов, сложившаяся на основе симбиотических отношений [Knutson, 2003]. Проще говоря, мемплекс это множество паттернов, которые взаимодополнительны и усиливают друг друга. По аналогии с ДНК это некий «культурный код». Как показывает Кейт Дистин, меметический «фатализм» вполне совместим со свободой творчества. Поэтому эволюция культуры происходит согласно некоему «меметическому аглоритму» независимому от воли человека и вместе с тем приобретает специфическую конфигурацию благодаря креативной интуиции индивидуумов [Distin, 2004]. Примером мемплекса, для

представителей меметики, является религия. Ещё один специфический термин – «*мемоид*» (*memeid*), это индивидуум, поведение которого напрямую зависит от воздействия мема (мемов), становится автоматическим и зависимым от принятого некритически меплекса [Bright, 2009: 220]. Отсюда – «синдром камикадзе» и любые другие ангажированные культурными установками нерелексивные действия. Понятие «меметическое равновесие», «*меметический баланс*» (*memetic equilibrium*) – аналогично по содержанию «биологическому равновесию». Это стремление к неконфликтному сосуществованию ценностей и артефактов на одной «культурной территории».

Меметика как научная теория, по мнению Броуди, позволяет нам рефлексивно относиться к тому как мы мыслим и что мы делаем, позволяет более эффективно контролировать наши интуиции, действия, цели и планы. То есть, наше знание «как работают мемы» делает мир вокруг нас более «прозрачным», рациональный способ мышления обеспечивает реалистическое отношение к действительности. Исходя из постулатов меметики все стереотипные мыслеформы, поведенческие и деятельностные «автоматизмы» являются «мемами», «вирусами разума» (*mind viruses*). К такому Ричард Броуди относит рекламные слоганы, религиозные формулы, сексуальные фантазии, ритуалы повседневности и другие мысленные и материализованные клише. Он пытается с помощью эволюционной биологии и эволюционной психологии, а также ин-

форматики показать, как «работают» мемы в жизни индивидуума и в культуре.

Что касается имитации простейших форм поведения или экспрессии, то здесь очевидно работают действительно эволюционные механизмы. Но если мы задумаемся о том, как и почему осуществляется «культурный дрейф» сложных, глубоких мифологических, научных, философских или эстетических идей, то должны будем отказаться от чрезмерных упрощений меметики. Например, редукционистский «крен» автора заставляет читателя подумать о том, чем же отличаются культурные исследования от эпидемиологических. «Когнитивные вирусы», «когнитивное инфицирование» весьма рискованные концепты, которые воспринимаются скорее как медицинские метафоры, а не понятия философии культуры. Существует ли «защита» от «когнитивной инфильтрации»? Те не менее, гипотеза «культурных мемов» на сегодня является весьма эвристичной и популярной концепцией описывающей культурную динамику в информационном обществе. По крайней мере для объяснения причин и характера скростного дрейфа культурных форм (жестов, эстетических экспрессий, знаков, короче говоря – «мемов») в Интернет-пространстве, на «территории киберкультуры», в медиасфере меметика даёт рациональные ответы.

6.5. МИМЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСМИССИЯ И БИО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Конкретизируя механизмы культурной меметической трансмиссии можно выделить её содержательные составляющие, распределённые в ключевых мемах. Артефакты, символы и знаки играли и продолжают играть генерирующую роль в производстве культурного опыта. Это такие артефакты как модная одежда, колесо, оружие («кинжал», «револьвер» как культурно-культовые объекты); трансконтинентальные культурные знаки – цифры, алфавит; «навязчивые» мелодии, музыкальные фразы (та-та-та-ТАМ); религиозные, философские и политические идеи. Не все мемы позитивно влияют на социальное и культурное развитие. Их репликация в известном смысле «автоматична». Здесь уместна метафора «мем машины», созданная Сьюзен Блекмор. Наиболее «живучие» мемы те, которые быстро имитируются и широко распространяются и таким образом «размножаются». Так происходит культурная экспансия «успешных» мемов. Это отнюдь не означает, что имеет место некий «культурно-меметический фатализм». Существуют индивидуальные и групповые системы ценностей, которые амбивалентны: будучи связаны с трансмиссией мемов, они, тем не менее, позволяют делать личностный выбор, предпочитая те или иные формы поведения и культурные смыслы. Индивидуальность человека собственно говоря и проявляется в том, что он в состоянии сам подобрать себе «меметический ансамбль», даже если это

происходит на уровне не креативной деятельности, а в результате осмысленной комбинаторики.

Актуален также вопрос связанный с идеологическими импликациями теории культурной трансмиссии мемов. Теоретические построения меметики дискуссионны были с самого начала, с момента публикации «Эгоистичного гена». Методологический редукционизм, применение специальных генетических концепций для объяснения более сложного и вероятностного процесса – формирования мировой культуры главная теоретическая проблема, которая пока не решена. Биологизаторство социальной деятельности, очевидный и неявный социал-дарвинизм всегда критиковались со стороны конкурирующих идеологий: «слева» (марксистами) и «справа» (консерваторами, креационистами). Наибольшее влияние на формирование биологического детерминизма при описании социальных взаимодействий в человеческом обществе в конце 70-х годов прошлого века произвели теории социобиологии. Основатель этого междисциплинарного научного направления Эдвард Уилсон выстраивает социобиологию как систематическую биологическую научную дисциплину, как необходимый теоретический базис для исследования социального поведения [Wilson 1980], [Wilson, 2000]. Социобиология, по крайней мере в интерпретации Уилсона, методологически и доктринально близка меметике, сама по себе была изначально объектом острой критики. То как «работает» культурная индустрия вначале исследовали представители Франкфуртской школы, Беньямин, Адорно и Хоркхай-

мер. Затем теории консюмеристского общества объясняли и объясняют действие политэкономических механизмов, возможно преувеличивая нерефлексивность потребления товаров и услуг. Ряд исследователей акцентирует внимание на агрессивной рекламе, работой с целевыми аудиториями и новых маркетинговых стратегиях. У меметики другая оптика, поскольку она имеет дело с устойчивыми, генетически фундаментальными психо-эмоциональными и биосоциальными этологическими аспектами функционирования культуры.

В основе эволюции заложен механизм биологической адаптации организмов к окружающей среде. У человека кроме энвайронментальной адаптации имеется потребность в культурной адаптации (лингвокоммуникативная деятельность в первую очередь и контактные паттерны поведения). Уже в социобиологии Уилсона заложена эвристическая идея относительно вертикального культурного трансфера, в результате которого происходит передача социокультурного опыта от одного поколения другому посредством трансмиссии знаков, символов, смыслов, ритуалов повседневности и форм поведения в негенетической форме (небиологическим образом). Таким образом, можно предположить, что продуктивная репликация мемов свидетельствует о «нормальном» механизме культурной адаптации. Хотя необходимо отметить, что меметическая трансмиссия может работать как на повышение «культурных индексов» («культурные революции»), так и на понижение

«культурных индексов» («наводнение» сленговыми выражениями обыденной речи). Безусловно, сложность и многоуровневость культурных процессов не должна рассматриваться упрощённо, но учитывая фактор ускорения глобализации медиасферы (как части инфосферы и ноосферы), новые подходы в понимании и объяснении механизмов культурной динамики позволяют уточнять и углублять объективное знание о культуре, коммуникации и человеке. Человеческая культура вероятно наиболее сложный объект междисциплинарных исследований. Единство биологического и социального в поведении и ритуалах требует соответствующих подходов и интеграции методологий «наук о природе» и «наук о культуре». Наиболее важную роль в меметических исследованиях играет дарвинизм и неodarвинизм. Этологический дискурс позволяет связать практики «необходимого» и «возможного», которые конституируют культурный опыт. В рамках эволюционной теории рассматриваются механизмы человеческого поведения и, опосредованным образом, механизмы культурной глобализации. Кэвин Лэланд и Джиллиан Браун используют широкий спектр методов для описания и понимания человеческого поведения [Laland, Brown, 2002]. Такие науки как эволюционная биология, эволюционная психология, поведенческая биология, социобиология, антропология позволяют объяснить наличие разнообразных отличительных черт в культурах и даже в пределах одной культуры. Спорные, но привлекательные методы ме-

метики для объяснения эволюции культуры авторы используют как релевантные способы интерпретации.

Меметика является оригинальной современной синтетической теорией, интерпретирующей механизмы культурной эволюции посредством трансфера мемов. Рациональное объяснение ускоренного переноса культурных форм из одних локальных культурных контекстов в другие, благодаря информационным потокам особенно актуально в условиях глобализирующегося мира. Некоторые упрощения и склонность к методологическому редукционизму, элементы биологизаторства и социал-дарвинизма компенсируются объяснительным потенциалом междисциплинарной репрезентации комплексных социо-культурных процессов.

Выводы. Особенностью социокультурной глобализации является повышенная мобильность людей, идей, образов и артефактов. Динамика культуры в эпоху глобализации характеризуется ускоренным горизонтальным трансфером культурных форм. Также интенсификацию межкультурного обмена в планетарном измерении обеспечивает глобальная информатизация коммуникативного пространства. Наиболее действенными механизмами ускорения социальных и культурных потоков являются меметические трансферные эффекты. Несмотря на редукционистские тенденции меметика является вполне релевантным методологическим инструментарием объяснения особенностей социокультурной динамики глобализирующегося мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущностной особенностью глобальных трансформаций является ускорение культурной динамики на локальном, региональном и планетарном уровнях. В режиме ускорения нарастают противоречия как на локально-региональном пространствах, так и во взаимодействии локального и глобального. Проявлены максимально несколько вариантов динамики современной культуры: 1) консервативная, ретроактивная стратегия, направленная на локализацию культурной деятельности, воспроизведение традиционных культурных форм и практик; 2) инновационная проективная стратегия, направленная на эффективность и увеличение оборота «культурного траффика» в мобильном, информатизированном, глобализирующемся мире; 3) конфронтация и «столкновение цивилизаций», в условиях многополярного мира, конфликт между отдельными этно-национальными культурами, либо столкновение традиционных культур с глобальной массивифицированной, коммерциализированной, консюмеристской и денационализированной культурой.

Характерными особенностями развития современной мировой культуры является ускорение её динамики, тенденция к гомогенизации глобального культурного пространства, усиление центробежных тенденций проявляющихся в максимах мультикультурализма и онтологического индивидуализма. Описан и определён ноосферный контекст глобальных изменений. Построена методологическая база исследования.

Глобализация отнюдь не однородное и одномерное явление. Это комплексный процесс, который имеет множество измерений. Здесь выделим такие измерения как: экономическое, технологическое, идеологическое, социальное, геополитическое, информационное и культурное. Выявлены специфические особенности глобализации культурного пространства в условиях современного информационного общества. Определены особенности и специфические качества конструирования глобального медиапространства и киберкультуры.

Глобальные трансформации имеют противоречивый характер и значительные риски, именно поэтому глобализационные процессы привлекают внимание исследователей, в особенности: социальных теоретиков, философов, социологов, экономистов, специалистов, изучающих международные отношения, политологов, культурологов, антропологов, а также представителей многих других дисциплин и научных направлений. Наиболее влиятельными идеологиями сегодня являются глобализм и антиглобализм. Глобалистский дискурс сформирован под доктринальным давлением неолиберальной идеологии. Антиглобалистский дискурс сконструирован из идейно-политических элементов идеологий неомарксизма, троцкизма, анархизма и алармистского эвайронментализма.

Определены принципы систематизации теоретических подходов, направленных на понимание феномена глобальных трансформаций как исторического многоуровневого, многомерного и динамического масштабного процесса. В ходе исследования выделен

такой парадокс: глобализация переформатировала международные отношения, якобы в пользу эффективности экономики и социального благополучия, тем не менее экономические, социальные и культурные противоречия между странами и регионами постоянно углубляются.

Как один из наиболее значимых факторов современного планетарного развития, проявленного в многочисленных измерениях, глобализация оказывается одновременно и привлекательным, и в то же время труднодоступным объектом исследования. Отмечено, что глобализация подразумевает отмирание национального государства, нарастание культурной гомогенизации. Показано, что в любом определении глобализации имеются дискуссионные моменты, поэтому, не входя в дискуссию о точной дефиниции, дано определение этого ключевого слова. Движущей силой глобализации является принцип эффективности, то есть, получение наибольшей экономической прибыли, обеспечение широты распространения и скорости дистрибуции товаров и услуг, в том числе «культурного продукта». Глобализация представляет собой комплексное, многоуровневое, противоречивое явление, это сложный темпорально и спационально организованный процесс, обладающий, тем не менее, базисными составляющими. Показано, что в области социологических, экономических, политических наук, в философских науках и антропологических исследованиях все больше внимания уделяется проблемам, связанным с противоречивостью процессов глобализации.

Глобальные трансформации неравномерно распределены во времени и пространстве. Показано, что начало исторической глобализации и тем более её периодизация представляют собой сложный и противоречивый процесс. Теоретические дискуссии возникают ввиду наличия различных противоречивых методологических подходов. Существование глобализации обусловлено наличием специфического объективируемого исторического явления. Существование множества взаимоисключающих версий происхождения и первопричин глобализации свидетельствует об отсутствии академического консенсуса относительно объекта и способов однозначного рационального познания изучаемого феномена.

Очевидно, что глобализация существует как специфическое объективируемое историческое явление. Следует говорить о более или менее сильных интерпретациях глобализации как исторического процесса. Среди многообразия концепций истории глобализации необходимо выделить одно общее положение, а именно: глобализация – это не новейшая и уникальная эпоха в мировой истории, но продолжение тенденций столкновения, взаимодействия этносов, а позднее и национальных государств в направлении достижения геополитического и социокультурного доминирования.

Глобальные трансформации проявлены в финансовой, экономической, технологической и культурной сферах. По всему планетарному периметру происходит ускорение движения денег, товаров, технологий, образов и идей. Такое ускоренное движение

обеспечивается всё большей проницаемостью государственных границ, благодаря стандартизации и минимизации таможенных правил, упрощению иммиграционного контроля, унификации программного обеспечения и протоколов передачи данных через Интернет, глобальные мобильные сети.

В исследовании представлен анализ феномена глобального гражданского общества в качестве концепта, идеи, полит-технологического конструкта. Доказано, что проекты создания глобального гражданского общества основаны на стремлении индивидуумов и общественных объединений в направлении оптимизации взаимоотношений с функционирующими легитимными (государственными) институтами и чиновниками, посредством создания прозрачных контрольных механизмов осуществления государственной власти. Показано как инструменты гражданского управления социально-политическими процессами с использованием межгосударственных связей, и надгосударственных институтов могут быть эффективными, отражая насущные интересы свободных индивидуумов. Описаны условия успешной реализации гражданских инициатив в современном мире на основе учёта трёх наиболее значимых объективных факторов: глобальных многоуровневых трансформаций («глобализации»), технологической инфраструктуры для успешной гражданской коммуникации – планетарной информационной сети (интеграция «Интернет» и мобильной телефонии) и экспоненциального развития национальных и транснациональных соци-

альных сетей. Рассмотрены и описаны ключевые факторы социальной глобализации: глобальные потоки труда и капитала, разветвлённая планетарная информационная сфера и гражданские инициативы, направленные на формирование демократической среды. Показано, как посредством социальных сетей обеспечены предпосылки формирования глобального гражданского общества. Доказано, что взаимодополнительность основных факторов создаёт позитивную динамику эволюции среднего класса через общественный контроль над властными структурами и гарантируют устойчивость социально-экономической платформы демократического общества.

Доказано, что экономические, технологические, политические и социальные процессы в современном мире во многом зависят от ускорения глобальных трансформаций, их направленности, интенсивности и широты. Весь этот сложный комплекс изменений именуется «глобализацией». Создание глобального гражданского общества более амбициозная и комплексная задача, которая выполнима при определённых условиях. Процесс создания глобального гражданского общества предполагает синхронизацию деятельности и намерений отдельных локальных общественных объединений. Это, пожалуй, одна из существенных причин, в силу которых «глобальное гражданское общество» пока что в большей степени проект, чем реальность. Единое глобальное информационное пространство увеличивает возможности реализации социальной активности граждан. Это существенная тех-

нологическая и коммуникационная предпосылка в направлении создания «глобального социума» со своими проблемами, нормами и практиками.

Выделена основная проблема функционирования глобального гражданского общества, риски его расширения, выявлены перспективы развития. Рассмотрена инфраструктурная компонента информационного общества – социальные сети, которые служат технологическим и коммуникативным потенциалом продвижения идеи гражданского общества и демократии. Раскрыта специфика построения глобального гражданского общества и изучены необходимые условия для его построения как правомочного, эффективного, легитимного и влиятельного общества. Выделено наиболее важное направление изучения развития институтов гражданского общества, каковым является исследование глобализированной информационной среды как основной детерминанты формирования глобального гражданского общества.

Обнаружена и эксплицирована значимость условий развития человека в условиях дальнейшей интенсификации экономических, политических, технологических, энвайронментальных и других трендов в глобальном пространстве. Описаны и конкретизированы концептуальные основания антропологических исследований в глобализированном культурном пространстве. Показано, что социально-экономическим, биополитическим, культурным базисом существования современного человечества является совокупность мно-

гообразных феноменов, зависимых от динамики глобальных трансформаций.

Определена ключевая специфическая особенность глобального гражданского общества, которая состоит в растущем коммуникативном ресурсе – развитии социальных сетей. Они успешно функционируют в глобальном информационном обществе. Понимание проблематики расширения глобального гражданского общества обусловлено знанием основ и тенденций развития «сетевого общества», представляющего собой фундамент современной экономики, политики и культуры. Основная цель исследования феномена глобального гражданского общества заключается в определении способов расширения практик гражданской независимой деятельности и планировании перспективных направлений развёртывания глобальных гражданских инициатив. Доказано, что наиболее значимым направлением изучения сетевого общества и социальных сетей в частности является исследование глобализированной информационной среды как основы конструирования глобального социального и культурного пространства.

Показано, что информационное общество это не только глобальное образовательное, научное, развлекательное пространство, но сегодня это уже мощная «политическая площадка» для развития стратегий и тактик социального активизма. Определено, что история развития демократических институтов и эволюция гражданского общества на протяжении последних столетий в Европе и мире показывает как гражданские свободы обретались мирными путями, а также были

получены в результате социально-политических революций. Показано, что высокие информационные технологии и экспоненциально развёртывающиеся социальные сети создают новые возможности для продвижения демократии и защиты гражданских прав. Определены условия, когда глобальное гражданское общество существует на стадии проекта, и затем оказывается реализованным благодаря инструментам информационной глобализации и усиливающимся ресурсам информационных технологий. Потенциал глобального гражданского общества может быть реализован путём усиления долговременных инициатив, через создание необходимых правовых, экономических, социальных, образовательных и культурных условий для самореализации индивидов.

Доказано, что информационно-коммуникативная революция в условиях ускорения глобализации создаёт новые возможности для более эффективного образовательного процесса. Показано, что образование в информационном обществе имеет особую специфику, что связано не только с изменением педагогической парадигмы, но также с появлением новейших высокотехнологичных инструментов интенсификации образования. Одним из важнейших изменений в эволюции современного образования является широкое применение дистанционных методов образования с применением Интернет-ресурсов и интернетизированной мобильной телефонии. Показано, что эти тенденции создают новые возможности для более эффективного использования имеющихся знаний, их закрепления и

педагогической апробации. Информационная революция накладывает специфический отпечаток на развитие глобальной педагогики. Возникают новые проблемы и появляются новые инструменты для их решения. Одной из ключевых проблем оказывается роль преподавателя в условиях экспоненциального роста глобализированных образовательных ресурсов и широкого доступа к ним. Другой важной особенностью глобальной педагогики является адаптация локальных методик к возросшей конкурентной среде в информационном образовательном пространстве.

Произведён анализ исторических обстоятельств и концептуальных подходов понимания такого феномена как «общество потребления». Общество потребления стремительно трансформируется в связи с ускоренным развитием глобализационных процессов в первом десятилетии двадцать первого века. Становление ценностей постэмоционального общества входит в противоречие с фундаментальными качествами природы человека, и негативные эффекты синдрома потребления могут быть преодолены путём утверждения системы постматериалистических ценностей.

В рамках развитого информационного общества формируется новая, информационная культура, что требует создания адекватных воспитательных и общеобразовательных программ, направленных на корректное получение и использование информации. Появляется такая дисциплина, как компьютерная этика. Информационная культура – это способность общества эффективно использовать информационные ресур-

сы и средства информационных коммуникаций. Киберкультура это наиболее динамичная часть современной глобализированной культуры, которая будет во многом определять генезис ноосферной реальности в недалёком будущем. Динамические глобальные процессы концептуально могут быть схвачены через такие понятия как «глобальные потоки» (*global flows*) (Аппадурай), сети, «текучесть», «гибкость, флексибельность» (Онг), «мобильность» (Урри) и «скорость культуры» (Томлинсон).

Наиболее масштабными культуuroобразующими факторами в условиях расширения современного информационного общества выступают: вертикальный культурный трансфер, который производится локально, линейно, «замедленно» (передача культурного опыта от поколения поколению) и деривативным способом – горизонтальный глобализированный культурный трансфер образов, символов, смыслов и артефактов, определяющийся структурой и частотой сетей, направленностью потоков и их скоростными характеристиками. Эти два диаметрально противоположных направления производства культуры рассматриваются как противоположные и в то же время как взаимозависимые составляющие социокультурной динамики. Доказано, что мобильность и скорость культуры являются в глобализированном мире фундирующими принципами формирования современного социума.

Выделены и определены характеристики биосоциальных детерминант формирования культуры. При этом описаны социобиологические подходы и ме-

метические интерпретации культурного развития. В качестве «мема» представлена элементарная структура передачи культурного опыта, показано, что мемы это культурные эквиваленты гена. С помощью базисных основоположений показано, что мем – это ключевая единица культурной трансмиссии. В глобальном контексте развития современной важную роль играют технологические характеристики информационной эпохи. Меметика сегодня является симбиотическим и релевантным теоретическим направлением для понимания глобализированных социокультурных процессов.

Доказано, что междисциплинарная ниша между социальной теорией, социальной психологией и историей культуры может быть занята синтетической теорией, адекватно описывающей культурную глобализацию. Поскольку глобальные трансформации являются многоуровневым сложным динамическим феноменом, то изучение отдельных сегментов, тем и проблематики планетарных изменений требует новых эвристических подходов, создания оригинальных интерпретаций глобализирующейся социокультурной действительности. Представленное исследование определяет методологические, тематические и терминологические параметры изучения масштабных тенденций, связанных с глобальностью социокультурных потоков, ускорением динамики обращения артефактов, символов и смыслов, фрагментацией и гибридизацией культурных форм.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов Г.П. Вернадский / Г.П. Аксенов.– М.: Молодая гвардия, 2010. – 565 с.

Альтбах Ф. Г. Возвышение псевдоуниверситетов / Ф. Г. Альтбах // *Alma Mater. Вестник высшей школы* – М.:2001– №12 – С. 39 – 41.

Альтбах Ф. Г. Высшее образование и WTO: безумие глобализации / Ф. Г. Альтбах // *Alma Mater. Вестник высшей школы* – М.:2001– №6 – С. 39 – 42.

Аристотель. Политика / Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура /Аристотель.– М.: Мысль, 1983 – С. 375 – 644 (830 с.).

Бабак В., Лузік Е. Фундаментальна підготовка в сучасному університеті: традиції та перспективи / В. Бабак, Е. Лузік // *Вища освіта України*. – К.: 2003. – № 1 – С. 78 – 83.

Багров Н.В. Вернадский, ноосферология, геополитика / Н.В. Багров // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь, 2001. – N17 – С. 9-11.

Багров Н. В., Ена В. Г., Лавров В. В. В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др.; – К. : Лыбидь, 2004. – 308 с.

Багров Н.В. География в информационном мире: научное издание / Н.В. Багров. – К. : Лыбидь, 2005. – 181с.

Багров Н.В. Устойчиво-ноосферное развитие региона. Проблемы. Решения. / Н.В. Багров. – Симферополь, Доля,2010. – 208с.

Базалук О.А. Происхождение человечества: новая космологическая концепция / Базалук О. А. – Дн., Пороги, 2003. – 144 с.

Базалук О.А. Философия образования в свете новой космологической концепции / О. А. Базалук. – Киев.: Кондор, 2010. – 458 с.

Берестовская Д.С. *Глобализация и культура* / Д.С. Берестовская // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь, 2003. – N46 – С. 100-102.

Бех В. П. Філософський аналіз походження соціальних проблем вищої школи / В. П. Бех // Вища освіта України. – К.: 2005. – № 3 – С. 13 – 20.

Білорус, О. Г. Економічна система глобалізму / О. Г. Білорус. – К.:КНЕУ, 2003. – 357 с.

Білорус, О. Г. Глобалізація і національна стратегія України / О. Г. Білорус. – Броди, Просвіта, 2001. – 300 с.

Білорус, О. Г., Мацейко Ю. М. Глобальна перспектива і сталий розвиток / О. Г. Білорус, Ю. М. Мацейко. – К.: МАУП, 2005. – 492 с.

Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры ; [пер. с фр. Е. А. Самарской] / Бодрийяр Жан – М. : Республика, 2006. – 269 с.

Бодрийяр Жан. Система вещей ; [пер. С. Н. Зенкина] / Бодрийяр Жан – М. : Рудомино, 1995. – 172 с.

Боков В. А. Парабола ноосферы или пределы роста / В. А. Боков // Географический факультет Таврического национального университета : настоящее и будущее. – Симферополь, Изд. ТНУ, 2009. – С. 227-244.

Боков В. А. Устойчивое развитие – стратегия развития Крыма в XXI веке / В. А. Боков [и др.]. – Симферополь, АПБЛРК, 2000. – 80 с.

Боков В. А. Устойчивый Крым. План действий / В. А. Боков.– Научные труды КИПКС. – К., Симферополь, 1999. – 400 с.

Буряк В. В. Феномен глобального гражданского общества / В. В. Буряк // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / [монография] Под научн. ред. И.И. Кального и А.В. Горбаня. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2011. – С. 440-454 (648 с.).

Буряк В. В. Виртуальные ландшафты в масс-медиа / В. В. Буряк // Электронные ландшафты гуманитарного образования. Материалы республиканской конференции. ТНУ им. В.И. Вернадского, 1 февраля 2005. – Симферополь, ДИАЙПИ, 2005. – С. 12 – 13.

Буряк В. В. Интернет как инструмент глобализации / В. В. Буряк // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Философия. Социология». – Симферополь. 2002 – Т.15 (54) № 2 – С. 85 – 91.

Буряк В. В. Историческая трансформация учения о ноосфере: эпистемологический аспект / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Серия «Философия. Социология». – Симферополь. 2006. – Т. 19 (58) № 2 – С. 30 – 41.

Буряк В. В. Концепт ноосферы В. И. Вернадского в контексте постинформационной эпохи / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского, Серия «Философия. Социология». Симферополь. 2002 – Т. 15 (54) № 1 – С. 67 – 72.

Буряк В. В. Методологические подходы к построению концептуального каркаса ноосферологии / В. В. Буряк // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. 2007. – №112 – С.101–106.

Буряк В. В. Ноосферный императив: от «археологий будущего» к преобразованию ближайшего космоса. // Космические путешествия: наука, образование, практика. Материалы Международной научно-практической конференции 2 декабря 2010 года, г. Киев. - К.: КУТЭП, 2011. – С. 104-127. (257 с.).

Буряк В. В. Техносфера, инфосфера, ноосфера: морфология рациональности / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) №1 – С. 121 – 138.

Буряк, В.В. Образование в информационном обществе / В.В. Буряк // Філософія освіти. – К.:2006 – №1 – С. 89 – 100.

Буряк, В. В. Культурное измерение глобализации // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2008 – № 829 – С. 3-11.

Буряк, В. В. Культурные противоречия глобализации // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского, Серия «Философия. Социология». – Симферополь, 2005 – Т.18(57) №1 – С. 39-47.

Буряк, В.В. Культура в глобальном пространстве: скорость и мобильность // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вер-

надского, Серия «Философия. Социология». – Симферополь, 2009 – Т. 22, (61) №3 – С. 23-32.

Буряк В. В. Основы вчення про ноосферу / В. В. Буряк. – Симферополь, ДІАЙПІ, 2010. – 126 с.

Вернадский В.И. Биосфера: Мысли и наброски: Сб. науч. работ / В.И. Вернадский // Неправительств. экол. фонд им. В.И. Вернадского, Гос. геол. музей им. В.И. Вернадского. – М., 2001. – 244 с.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере/ В.И. Вернадский. Наука и общество – М.: Импакт, 1989. – С. 69-76.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Мысль, 1991. – 271 с.

Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. Путиами русско-го космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной / Б. М. Владимирский, Л. Д. Кисловский. – М.: Либроком, 2011. – 144 с.

Габриелян О.А. Ноосферная концепция философии истории / О.А. Габриелян. – Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс», 2008. – С. 83-108

Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / [монография] Под научн. ред. И.И. Кального, А.В. Горбаня. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.

Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика / А. С. Запесоцкий. – М.: Наука, 2003. – 456 с.

Згуровський М. Основні завдання вищої освіти України щодо реалізації принципів Болонського процесу та забезпечення вимог сфери праці / М. Згуровський // Вища школа. – К.: 2004 – № 5 - 6. – С. 54 – 61.

Иноземцев В. Л. Необходимость постиндустриального мира. К вопросу о полярности современного мироустройства / В. Л. Иноземцев // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001 – С. 84 – 104

Кальной И.И. Гражданское общество: истоки и современность / Игорь Иванович Кальной. – Симферополь, Юридический центр Пресс 2006. – 490 с.

Кальной И.И. Планетарное мышление В.И. Вернадского / И.И. Кальной // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) №1 – С. 115-119

Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Иммануил Кант Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С.5-23(743 с.).

Кант, И. К вечному миру // Иммануил Кант Сочинения в шести томах. М.:Мысль, 1966. –Т. 6. – С.257-309 (743 с.).

Кизима В. В. От мироощущения современного человека к новому мировоззрению социума / В. В. Кизима // Человек и современная цивилизация (Сб., ст. под ред. Ф. В. Лазарева). – Симферополь, Доля, 2008 – С. 56 – 74.

Кизима В. В. Проблема идентификации человека как симптом цивилизационного кризиса и пути выхода из него/ В. В. Кизима // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского, Серия «Философия.Социология» – Симферополь, 2007. – Т. 20(59) №2 – С. 26 – 49.

Кислий О. Є. Деморафічний вимір історії / О. Є. Кислий – К.: Арістей, 2005. – 328 с.

Кізіма В. В. Сизигійна раціональність (єдність причинних дій і метапричинних впливів) / В. В. Кізіма // Totallogy – XXI. Постнекласичні дослідження (дев'ятий випуск). – Київ, 2003. – С. 55 – 187.

Ковальчук В. Ю. Модернізація педагогічної освіти: методологічні та соціальні аспекти проблеми / В. Ю. Ковальчук // Наука і освіта – К.: 2004 – № 4 - 5. – С. 54 – 61

Колин К. Информатизация образования: новые приоритеты / К. Колин // Alma Mater. Вестник высшей школы – М.:2002 – №2. – С. 16 – 23.

Кубышкин А. И. Канадский университет в структуре современного демократического общества / А. И. Кубышкин // США. Канада – М.: 2003 – № 1 – С. 100 – 113.

Лазарев Ф. В. Истина в гуманитарном знании / Ф. В. Лазарев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Философия. Социология». – Симферополь, 2009. –Т. 22 (61) №3– С. 12 - 22.

Лазарев Ф. В. Понятие относительности знания в интервальной эпистемологии / Ф. В. Лазарев // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2003. – №43 – С. 270-276.

Лазарев Ф.В. Научное наследие В.И. Вернадского в контексте XXI века / Ф.В. Лазарев // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) №1– С. 80 – 95.

Лазарев Ф.В., *Литтл Брюс А.* Вселенная культуры: стратегемы и ценности / Ф.В. Лазарев, *Брюс А. Литтл*. – Симферополь: Изд-во «Сонат», 2005. – 192с.

Лазарев, Ф. В. Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект // Человек и современная цивилизация (Сб., ст. под ред. Ф. В. Лазарева). – Симферополь: Доля, – Симферополь. Доля. 2008. – С. 11 – 42.

Лазарев, Ф. В. Человек в глобализирующемся мире: стратегемы выживания и возможные модели цивилизационного развития // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского, Серия: «Философия.Социология» – Симферополь, 2007 – Т. 20(59) №2 – С. 4 – 15.

Лоу Л. Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия / Л. Лоу // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 179 – 196.

Мазоха Д. Феномен європейської інтеграції педагогічної освіти / Д. Мазоха // Вища освіта України – К.: 2005 – № 2 – С. 82 – 87.

Марков Б. В. Цивилизационные последствия общества благоденствия / Б. В. Марков // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: Философия.Социология – Симферополь, 2007– Т. 20(59) №2 – С. 50 – 62.

Мид М. Культура и мир детства: Взросление на Самоа. Как растут на Новой Гвинее. Культура и преемственность / Маргарет Мид. – М.: Директ-Медиа, 2008 – 878 с.

Назаров А.Г. К истории возникновения понятия и термина «ноосфера» / А.Г. Назаров // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000. – М.: ИИЕТ РАН. – С. 228-229.

Наумов Г. Б. О понятии «ноосфера» / Г. Б. Наумов // Наукоеведение – М.: Наука, 2002. – №3(15). – С. 86 – 96.

Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. (Под ред. О.А. Габриеляна) – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс», 2008. – 462 с.

Платон. Государство. Законы. Политик / Платон – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

Роль интеллигенции в формировании среднего класса (Научн. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань) – Симферополь.: Синтагма, 2010. – 468 с.

Суходуб Т. Д. «Человек послушный» : трансформация массового сознания в эпоху глобализации / Т. Д. Суходуб // Человек и современная цивилизация (Сб., ст. под ред. Ф. В. Лазарева). – Симферополь: Доля, 2008. – С. 75 – 89.

Суходуб, Т. Д. Цивилизационные основания современного «антропологического кризиса»: поиск методологических основ преодоления / Т. Д. Суходуб // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского, Серия «Философия.Социология» – Симферополь, 2007 – Т. 20(59) №2 – С. 75 – 89.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. — 840 с.

Хамитов Н. В. Философская антропология. Словарь // Н. В. Хамитов (Ред.). – К.: КНТ, 2011. – 465 с.

Хамитов, Н. В. Философия человека: От метафизики к метаантропологии / Н. В. Хамитов – К.:Изд. Ника-Центр, М.:Изд.Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 336 с.

Хамитов, Н. В. Философия человека: поиск пределов / Н. В. Хамитов. – К.: Наукова думка, 1997. – 176 с.

Хорос В. Г. Постиндустриальный мир – ожидания и реальности / В. Г. Хорос // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001 – С. 10 – 24.

Цветков А. П. Ноосферология: ключевые понятия / А. П. Цветков . –Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс», 2008. – С.157-168

Цехмистро И. З. Научная картина мира последних двадцати лет : коренное изменение антропологической перспективы / И. З. Цехмистро // Totallogy – XXI. Постнекласичні дослідження (дев'ятий випуск). – Київ, 2003. – С. 188 – 202.

Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Цицерон / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1966. – 224 с.

Черванев И. Г., Боков В. А. Введение в инвайронментальную энергетику. Энергетика для устойчивого развития : учеб. пособие / И. Г. Черванев, В. А. Боков. – Харьков – Симферополь, Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2004. – 128 с.

Чёрный Е.В. Психология моделирования поликультурного образования / Е.В. Чёрный – Симферополь: Сонат, 2010. – 540 с.

Широков В.А. Ноосферные измерения информации и знания / В.А. Широков // Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс», 2008. – С. 229-247.

Шоркин А. Д. Гражданское общество как особый вид обществ // Гражданское общество: истоки и современность : Коллективная монография / науч.ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – С. 339-348.

Шоркин А.Д. Схемы универсумов культуры: Опыт структурной культурологи / А.Д. Шоркин. – Симферополь, 1996. – 216 с.

Шоркин А.Д. Фундаментальные проблемы научно-технической цивилизации ноосферы / Шоркин А.Д. // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) №1 – С. 96 – 114.

Aaker, J., Smith, A. The Dragonfly Effect: Quick, Effective, and Powerful Ways To Use Social Media to Drive Social Change /

Jennifer Aaker, Andy Smith. – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 240 p.

Abbate, J. Inventing the Internet (Inside Technology) / Janet Abbate. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 2000. – 272 p.

Adey, P. Aerial Life: Spaces, Mobilities, Affects (RGS-IBG Book Series) / Peter Adey. – Malden, MA.:Wiley-Blackwell, 2010. – 296 p.

Adey, P. Mobility (Key Ideas in Geography) / Peter Adey. – London.: Routledge; 2009. – 288 p.

Ahearne Jeremy. French Cultural Policy Debates: A Reader. – London: Routledge; 2002. – 240 p.

Anderson-Levitt, K. (Ed.). Local Meanings, Global Schooling: Anthropology and World Culture Theory / Kathryn Anderson-Levitt (Ed.). – NY.: Palgrave Macmillan; 2003. – 272 p.

Anheier H. K. Civil Society: Measurement, Evaluation, Policy / Helmut K. Anheier. – London.: Earthscan Publications Ltd., 2004. – 224 p.

Anheier, H. K. and Isar, Y. R. (eds.). Cultures and Globalization: Cultural Expression, Creativity and Innovation / editors : Helmut K Anheier and Yudhishtir Raj Isar. – Thousand Oaks: SAGE Publications Inc, 2009. – 488 p.

Anheier, H., Glasius, M., Kaldor, M. (eds.). Introducing global civil society / editors : Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor // Global Civil Society. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 3-22;

Appadurai Arjun (Ed.). The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. – Cambridge. Publisher: Cambridge University Press, 1988. – 352 p.

Appadurai, A. Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization (Public Worlds) / Arjun Appadurai. – Publisher: Univ Of Minnesota Press, 1996. – 248 p.

Appadurai, A. Public Culture: Globalization / Arjun Appadurai. – Durham, NJ.:Duke University Press Books, 2000. – 312 p.

Arnoe, R. F. Comparative Education: The Dialectic of the Global and the Local / Robert F. Arnoe. – Lanham, MD.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.; 2007. – 448 p.

Auge, M. In the Metro / Marc Auge. – Minneapolis, MN.: University of Minnesota Press, 2002. – 125 p.

Auge, M. Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity / Marc Auge. – London.: Verso, 2009. – 122 p.

Auletta, K. Googled: The End of the World As We Know It / Ken Auletta. – NY.: Penguin (Non-Classics), 2010. – 432 p.

Aunger, R. (Ed.). Darwinizing Culture: The Status of Metics as a Science / Robert Aunger (Ed.). – Oxford.: Oxford University Press, 2001. – 256 p.

Aunger, R. The Electric Meme: A New Theory of How We Think / Robert Aunger. – NY.: Free Press, 2002. – 400 p.

Baase, S. A Gift of Fire: Social, Legal, and Ethical Issues for Computing and the Internet / Sara Baase. – Upper Saddle River, New Jersey.: Prentice Hall, 2008. – 528 p.

Baerenholdt, J. O., Granas, B. (eds.). Mobility and Place / editors : Jorgen Ole Baerenholdt, Brynhild Granas. – Aldershot: Ashgate, 2008. – 272 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer, 2003. – 510 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer, 2006. – 396 p.

Bainbridge, W. S. Nanoconvergence: The Unity of Nanoscience, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / William Sims Bainbridge. – Upper Saddle River, New Jersey.: Prentice Hall, 2007. – 272 p.

Baker, D., Tendre, G. L. National Differences, Global Similarities: World Culture and the Future of Schooling (Stanford Social Sciences) / David Baker, Gerald LeTendre. – Stanford.: Stanford University Press, 2005. – 216 p.

Balkin, J. M. Cultural Software: A Theory of Ideology / J. M. Balkin. – New Haven, Connecticut.: Yale University Press, 2003. – 350 p.

Balsamo, A. Technologies of the Gendered Body: Reading Cyborg Women / Anne Balsamo. – Durham, North Carolina.: Duke University Press Books, 1995. – 232 p.

Barabasi, A.-L. Linked : How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means / Albert-Laszlo Barabasi. – NY. : Plume, 2003. – 304 p.

Barney, D. The Network Society (PKC - Polity Key Concepts series) / Darin Barney. – Oxford : Polity, 2004. – 216 p.

Bartelson, J. Three Concepts of Globalization / Jens Bartelson. - International Sociology, Vol. 15(2). – London, Thousand Oaks, CA and New Delhi, SAGE, 2000. – P. 180–196.

Battelle, J. The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture / John Battelle. – NY.: Portfolio Trade, 2006. – 336 p.

Baudrillard, J. The Gulf War Did Not Take Place / Jean Baudrillard. – Bloomington, IN.: Indiana University Press, 1995. – 96 p.

Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena (Radical Thinkers) / Jean Baudrillard. – London.: Verso; (1st ed., 1993), 2009. – 200 p.

Bauerlein, M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future(Or, Don't Trust Anyone Under 30) / Mark Bauerlein. – NY.: Tarcher, 2009. – 272 p.

Bauman, Z. Globalization. The Human Consequences / Zygmunt Bauman. – Cambridge: Polity Press. 1998 – P. 136.

Bauman Z. Liquid Modernity / Zygmunt Bauman. – Cambridge: Polity. 2000. – 240 p.

Bauman, Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds / Zygmunt Bauman . – Cambridge.: Polity, 2003. – 176 p.

Bauman, Z. Liquid Life / Zygmunt Bauman. – Cambridge.: Polity, 2005. – 224 p.

Bauman, Z. Liquid Fear / Zygmunt Bauman. – Cambridge.: Polity, 2006. – 188 p.

Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty / Zygmunt Bauman. – Cambridge: Polity. 2007. – 128 p.

Baylis, J. and Smith, S. (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / editors : John Baylis and Steve Smith. – NY.: Oxford University Press, 2001. – 720 p.

Bayly, C. A. *The Birth of the Modern World: 1780-1914* (Blackwell History of the World) / C. A. Bayly. – Malden, MA.: Wiley-Blackwell, 2003. – 568 p.

Baym, N. *Personal Connections in the Digital Age* (Digital Media and Society) / Nancy Baym. – Cambridge.: Polity, 2010. – 196 p.

Bell, D. *An Introduction to Cybercultures* / David Bell. – NY.: Routledge, 2001. – 256 p.

Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / Daniel Bell. – NY.: Basic Books, 1976. – 616 p.

Bentley, J., Ziegler, H., Salter, H. S. *Traditions & Encounters: A Brief Global History* / Jerry Bentley, Herbert Ziegler, Heather Streets Salter. – Columbus, OH.: McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages; 2006. – 752 p.

Bentley, J., Ziegler, H. *Traditions & Encounters: A Global Perspective on the Past* / Jerry Bentley, Herbert Ziegler. – Columbus, OH.: McGraw-Hill, Humanities/Social Sciences/Languages; 2010. – 1024 p.

Berners-Lee, T. *Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web* / Tim Berners-Lee. – NY.: Harper Paperbacks, 2000. – 256 p.

Blackmore, S. *The Meme Machine* / Susan Blackmore. – Oxford.: Oxford University Press, 2000. – 288 p.

Blumauer, A. and Pellegrini, T. (eds.). *Social Semantic Web: Web 2.0 - Was nun?* / editors : Andreas Blumauer and Tasilo Pellegrini. – Berlin.: Springer; 2008. – 509 p.

Böhme, G. and Stehr, N. (eds.). *The Knowledge Society: The Growing Impact of Scientific Knowledge on Social Relations* (Sociology of the Sciences Yearbook) / editors : Gernot Böhme and Nico Stehr. – Publisher: Springer, 1986. – 224 p.

Bolter, J. D., Gromala, D. *Windows and Mirrors: Interaction Design, Digital Art, and the Myth of Transparency* (Leonardo

Book Series) / Jay David Bolter, Diane Gromala. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 2005. – 194 p.

Bonk, C. J. The World Is Open: How Web Technology Is Revolutionizing Education / Curtis J. Bonk. – Hoboken, NJ.: Jossey-Bass, 2009. – 480 p.

Bordo, M. D., Taylor, A. M., Williamson, J. G. (eds.). Globalization in Historical Perspective (National Bureau of Economic Research Conference Report) / editors : Michael D. Bordo, Alan M. Taylor, Jeffrey G. Williamson. – Chicago .: University Of Chicago Press, 2005. – 597 p.

Bouwman, H. Information and Communication Technology in Organizations : Adoption, Implementation, Use and Effects / Harry Bouwman, Bart van den Hooff, Lidwien van de Wijnngaert, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 240 p.

Braudel, F. (a) Civilization and Capitalism, 15th-18th Century, Vol. I: The Structure of Everyday Life / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles.: University of California Press, 1992. – 623 p.

Braudel, F. (b) The Wheels of Commerce (Civilization and Capitalism: 15Th-18th Century -Volume 2) / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles.: University of California Press, 1992. – 670 p.

Braudel, F. (c) The Perspective of the World: Civilization and Capitalism 15Th-18th Century, Vol. 3 / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles.: University of California Press; 1992. – 699 p.

Braudel, F. A History of Civilizations / Fernand Braudel. – Middlesex.: Penguin, 1995. – 640 p.

Bright, E. Religiovirology: Meme Mechanics, Virology of Religion, and Refutation of Supernaturalism / Eric Bright. – Lincoln, NE.: iUniverse, 2009. – 376 p.

Brodie, R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme / Richard Brodie. – Carlsbad, CA .: Hay House, 2011. – 256 p.

Brook, T. and Frolic B. M. (eds.). Civil Society in China (Studies on Contemporary China) / editors : Timothy Brook and B. Michael Frolic. – NY.: M.E. Sharpe, 1997. – 244 p.

Brook, T. Collaboration: Japanese Agents and Local Elites in Wartime China / Timothy Brook. – Cambridge, Massachusetts.: Harvard University Press, 2007. – 302 p.

Brousseau, E. and Curien, N. (eds.). Internet and Digital Economics: Principles, Methods and Applications / editors : Eric Brousseau and Nicolas Curien. – Cambridge.: Cambridge University Press; 2007. – 822 p.

Bruner, O., Bruner, K. Playstation Nation: Protect Your Child from Video Game Addiction / Olivia and Kurt Bruner. – NY.: Center Street Press, 2006. – 192 p.

Bryant, R. C. Turbulent Waters: Cross-Border Finance and International Governance / Ralph C. Bryant. – Washington.: Brookings Inst Pr., 2003. – 501 p.

Bryman, A. The Disneyization of Society / Alan Bryman. – London.: Sage Publications Ltd; 2004. – 200 p.

Brzezinski, Z. The Grand Chessboard : American Primacy And Its Geostrategic Imperatives / Zbigniew Brzezinski. – N.Y. : Basic Books, 1998. – 240 p.

Burgett Bruce, Hendler Glenn. Keywords for American Cultural Studies. – Publisher: NYU Press, 2007. – 288 p.

Buzan, B. From International to World Society? / Barry Buzan. – NY.: Cambridge University Press, 2004. – 320 p.

Campbell Kean American Cultural Studies: An Introduction to American Culture. – London.: Routledge, 2006. – 344 p.

Canzler, W. (Ed.), Kaufmann, V. (Ed.), Kesselring, S. (Ed.). Tracing Mobilities: Towards a cosmopolitan perspective / Weert Canzler (Ed.), Vincent Kaufmann (Ed.), Sven Kesselring (Ed.). – Aldershot. : Ashgate, 2008. – 208 p.

Carr, N. The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company; 2009. – 304 p.

Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company, 2011. – 280 p.

Carr-Chellman, A. A. (ed.). *Global Perspectives on E-Learning: Rhetoric and Reality* / editor :Alison A. Carr-Chellman. – *Thousand Oaks, CA* .: Sage Publications, Inc; 2004. – 288 p.

Cash, H., Mcdaniel, K., Lucas, K. (eds.). *Video Games & Your Kids: How Parents Stay in Control* / editors : Hilarie Cash, Kim Mcdaniel, Ken Lucas. – London.: Issues Press; 2008. – 191 p.

Cassell, J., Jenkins, H. (eds.). *From Barbie® to Mortal Kombat: Gender and Computer Games* / editors : Justine Cassell, Henry Jenkins. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2000. – 380 p.

Castells, M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process* / Manuel Castells. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1991. – 402 p.

Castells, M. *The Information Age : Economy, Society and Culture (The Rise of the Network Society ; Vol. 1.)* / Manuel Castells. – Malden, MA.: Wiley-Blackwell, 2000. – 594 p.

Castells, M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society (Clarendon Lectures in Management Studies)* / Manuel Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 304 p.

Castells, M. (ed.). *The Network Society : A Cross-Cultural Perspective* / editor : Manuel Castells. – Northampton, Massachusetts.: Edward Elgar Publishing, 2004. – 464 p.

Castells, M. *Communication Power* / Manuel Castells. – Oxford .: Oxford University Press, 2009. – 608 p.

Castle Gregory. *Postcolonial Discourses: An Anthology*. – Malden, MA .: Wiley-Blackwell, 2001. – 552 p.

Castronova, E. *Exodus to the Virtual World: How Online Fun Is Changing Reality* / Edward Castronova. – Basingstoke.: Palgrave Macmillan, 2008. – 256 p.

Castronova, E. *Synthetic Worlds: The Business and Culture of Online Games* / Edward Castronova. – Chicago.: University Of Chicago Press, 2006. – 344 p.

Césaire Aimé. *Discourse on Colonialism*. – Publisher: Monthly Review Press, 2001. – 102 p.

Chase-Dunn, C., Babones, S. J. (eds.). *Global Social Change: Historical and Comparative Perspectives* / editors :Christopher Chase-Dunn, Salvatore J. Babones. – Baltimor, Marilend.: The Johns Hopkins University Press; 2006. – 384 p.

Chen, B. X. *Always On: How the iPhone Unlocked the Anything-Anytime-Anywhere Future – and Locked Us In* / Brian X. Chen. – Cambridge, MA.: Da Capo Press, 2011. – 256 p.

Christakis, N. A., Fowler, J. H. *Connected : The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives – How Your Friends' Friends' Friends Affect Everything You Feel, Think, and Do* / Nicholas A. Christakis, James H. Fowler. – NY.:Back Bay Books, 2011. – 368 p.

Christopher David P. *British Culture: An Introduction.* – London.: Routledge; 2006. – 320 p.

Clark, N., Scott, P. S. *Game Addiction: The Experience and the Effects* / Neils Clark, P. Shavaun Scott. – Jefferson, North Carolina.: McFarland, 2009. – 211 p.

Cleave, R. G. V. *Unplugged: My Journey into the Dark World of Video Game Addiction* / Ryan G. Van Cleave. – Deerfield Beach, Florida.: HCI; 2010. – 324 p.

Colas, D. *Civil Society and Fanaticism: Conjoined Histories* / Dominique Colas. – Stanford.: Stanford University Press,1997. – 512 p.

Colas, A. *Global civil society: analitical category or normative concept* / Alejandro Colas // *Global Civil Society: Contested Futures* / Ed., Baker, G., Ed., Chandler D. – NY., L.: Routledge; 2005. – P. 17–33.

Collins, A., Halverson, R. *Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling in America (Technology, Education-Connections, the Tec Series)* / Allan Collins, Richard Halverson. – NY.: Teachers College Press, 2009. – 192 p.

Comm, J. Robbins, A. *Twitter Power 2.0: How to Dominate Your Market One Tweet at a Time* / Joel Comm, Anthony Robbins. – Indianapolis, Indiana.: Wiley, 2010. – 268 p.

Compaine, B. M. *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* (MIT Press Sourcebooks) / Benjamin M. Com-

paine. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2001. – 340 p.

Compaine, B. M., Gomery, D. Who Owns the Media? Competition and Concentration in the Mass Media Industry (Routledge Communication Series) / Benjamin M. Compaine, Douglas Gomery. – NY.: Routledge, 2000. – 632 p.

Cowen, N. Global History: A Short Overview / Noel Cowen. – Malden Massachusetts.: Polity, 2001. – 224 p.

Cresswell, T. On the Move: Mobility in the Modern Western World / Tim Cresswell. – NY.: Routledge, 2006. – 344 p.

Crossley, P. K. What is Global History? / Pamela Kyle Crossley. – Malden, Massachusetts.: Polity, 2008. – 152 p.

Cwerner, S., Kesselring, S., Urry, J. (eds.). Aeromobilities (International Library of Sociology) / editors: Saulo Cwerner, Sven Kesselring, John Urry. – NY.: Routledge; 2009. – 272 p.

Darwin, J. After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400-2000 / John Darwin. – London .: Bloomsbury Press, 2009. – 592 p.

Dave Paul. Visions of England: Class and Culture in Contemporary Cinema. – Oxford: Berg Publishers, 2006. – 288 p.

Davis, J., Miller, G. J., Russell, A. Information Revolution : Using the Information Evolution Model to Grow Your Business / Jim Davis, Gloria J. Miller, Allan Russell. – Hoboken, NJ.: Wiley; 2006 – 224p.

Dawkins, R. The Selfish Gene: 30th Anniversary Edition--with a new Introduction by the Author / Richard Dawkins. – Oxford.: Oxford University Press, 2006. – 384 p.

Deibert, R. J., Palfrey, J. G., Rohozinski, R., Zittrain, J. Access Controlled : The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace / editors : Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski, Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2010. – 656 p.

Dennett, D. C. Darwin's Dangerous Idea : Evolution and the Meanings of Life / Daniel C. Dennett. – NY.: Simon & Schuster, 1996. – 586 p.

Deth, J. W. van and Scarbrough, E. (eds). *The Impact of Values (Beliefs in Government)* / editors : Jan W. van Deth and Elinor Scarbrough. – NY.: Oxford University Press, USA, 1998. – 608 p.

DeWiel, B. *A Conceptual History of Civil Society: From Greek Beginnings to the End of Marx* / Boris DeWiel. – Past Imperfect, Vol. 6, 1997. – Edmonton, AB.: University of Alberta. – pp.3 – 42.

Diamond, J. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed* / Jared Diamond. – L.: Penguin (Non-Classics); 2011. – 608 p.

Dictionary.com / Режим доступа:
<http://dictionary.reference.com/browse/culture>

Diggins John Patrick. *Thorstein Veblen: theorist of the leisure class*. – Princeton, New Jersey.: Princeton University Press, 1999. – 310 p.

Dijk, J. A. G. M. van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA.: Sage Publications Ltd, 2005. – 248 p.

Dijk, J. A. G. M. van. *The Network Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.

Dijk, J. A. G. M. van. *The Network Society: Social Aspects of New Media* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 304 p.

Dini, K. *Video Game Play and Addiction: A Guide for Parents* / Kourosh Dini. – Bloomington, Indiana.: iUniverse, 2008. – 166 p.

Distin, K. *The Selfish Meme: A Critical Reassessment* / Kate Distin. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2004. – 240 p.

Dowd Douglas. *Thorstein Veblen*. – New Jersey.: Transaction Publishers, 2000. – 205 p.

Drane, J. *The McDonaldization of the Church* / John Drane. – London.: Darton, Longman & Todd Ltd, 2000. – 192 p.

Duch, R. M., Taylor, M. A. *Postmaterialism and the Economic Condition* / Raymond M. Duch, Michael A. Taylor. – Published by: Midwest Political Science Association.: American Jour-

nal of Political Science, Vol. 37, No. 3, Aug. 1993. – pp. 747-779.
Режим доступа: Stable URL:
<http://www.jstor.org/stable/2111573>

Easley, D., Kleinberg, J. Networks, Crowds, and Markets : Reasoning About a Highly Connected World / David Easley, Jon Kleinberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 744 p.

Eberly D. The Rise of Global Civil Society: Building Communities and Nations from the Bottom Up / Don Eberly. – NY.: Encounter Books, 2008. – 300 p.

Edgell Stephen. Veblen in Perspective: His Life and Thought. – Armonk NY.: Publisher: M.E. Sharpe, 2001. – 207 p.

Edwards, R., Usher, R. Globalisation and pedagogy: space, place and identity / Richard Edwards, Robin Usher. – NY.: Routledge, 2007. – 191 p.

Elsner, P. A., Boggs, G. R., Irwin, J. T. (eds.). Global Development of Community Colleges, Technical Colleges, and Further Education Programs / editors: Paul A. Elsner, George R. Boggs, Judith T. Irwin. – Washington, DC .: Community College Press, 2008. – 295 p.

Eriksen, T. H. Globalization: The Key Concepts / Thomas Hylland Eriksen. – NY.: Berg Publishers, 2007. – 192 p.

Ervin J., Smith Z. A. Globalization: A Reference Handbook (Contemporary World Issues) / Justin Ervin, Zachary A. Smith. – Oxford: ABC-CLIO, 2008. – 293 p.

Evans, D. Social Media Marketing: An Hour a Day / Dave Evans. – Indianapolis, Indiana.: Sybex; 2008. – 409 p.

Fanon Frantz. A Dying Colonialism. – NY.: Grove Press, 1994. –181 p.

Fanon Frantz. Black Skin, White Masks. – NY.: Grove Press, 2008. – 240 p.

Featherstone, M., Burrows, R. (eds.). Cyberspace/Cyberbodies/Cyberpunk: Cultures of Technological Embodiment (Theory, Culture & Society) / editors: Mike Featherstone, Roger Burrows. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications Ltd; 1996. – 288 p.

Feldman, M. W., Laland, K. N. Gene-culture coevolutionary theory / Marc W. Feldman Kevin N. Laland. Trends in Ecology & Evolution. Volume 11, Issue 11, November 1996, P. 453-457.

Feldmann, V. Leveraging Mobile Media: Cross-Media Strategy and Innovation Policy for Mobile Media Communication (Information Age Economy) / Valerie Feldmann. – Berlin, NY.: Physica-Verlag HD, 2005. – 281 p.

Forbes Jill, Kelly Michael (eds.). French Cultural Studies: An Introduction / editors: Jill Forbes, Michael Kelly. – Oxford .: Oxford University Press, 1996. – 352 p.

Fountain, J. E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change / Jane E. Fountain. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001. – 256 p.

Fouts, J. Social Media Success!: Practical advice and real world examples for social media engagement using social networking tools like LinkedIn, Twitter, Blogging and more / Janet Fouts. – Cupertino, CA.: Happy About, 2009. – 162 p.

Friedman, T. L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization / Thomas L. Friedman. – NY.: Anchor; 2000. – 490 p.

Friedman, T. L. The World Is Flat 3.0: A Brief History of the Twenty-first Century / Thomas L. Friedman. – NY.: Picador, 2007. – 660 p.

Fromm Erich. Man for Himself. – Robbinsdale, Minnesota.: Fawcett, 1981. – 256 p.

Gardiner, W. L. The Psychology of Communication / W. Lambert Gardiner. – Bloomington, IN .: Trafford Publishing, 2008. – 298 p.

Gardner, K., Lewis, D. Anthropology, Development and the Post-modern Challenge. – London.: Pluto Press, 1996. – 208 p.

Gibson, W. Johnny Mnemonic / William Gibson. – Bel Air, CA.: Ace Trade; 1995. – 164 p.

Gibson, W. Neuromancer / William Gibson. – NY .: Ace; 1984. – 288 p.

Gills, B., Thompson, W. R. (eds). Globalization and Global History (Rethinking Globalizations) / editors : Barry Gills, William R. Thompson. – NY.: Routledge, 2006. – 320 p.

Giovannetti, E., Kagami, M. and Tsuji, M. (eds). The Internet Revolution: A Global Perspective (Department of Applied Economics Occasional Papers) / editors : Emanuele Giovannetti, Mitsuhiro Kagami and Masatsugu Tsuji. – NY.: Cambridge University Press, 2003. – 292 p.

Girard, B. The Google Way: How One Company Is Revolutionizing Management as We Know It / Bernard Girard. – San Francisco, California.: No Starch Press; 2009. – 256 p.

Gleick, J. The Information: A History, a Theory, a Flood / James Gleick. – NY.: Pantheon, 2011. – 544 p.

Global Civil Society 2001 / Centre for Civil Society and Centre for the Study of Global Governance LSE. – Oxford.: Oxford University Press, 2001. – 348 p.

Goggin, G. Cell Phone Culture: Mobile Technology in Everyday Life / Gerard Goggin. – L., NY.: Routledge; 2006. – 240 p.

Goyal, S. Connections : An Introduction to the Economics of Networks / Sanjeev Goyal. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2009. – 304 p.

Graham, I. Internet Revolution (Science at the Edge) / Ian Graham. – Portsmouth, NH.: Heinemann Library, 2002. – 64 p.

Gray, C. The Cyborg Handbook / Chris Gray. – London.: Routledge; 1995. – 568 p.

Greenspan, A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World / Alan Greenspan. – London.: Penguin Press HC, 2007. – 544 p.

Greer, J. M. The Ecotechnic Future: Envisioning a Post-Peak World / John Michael Greer. – Gabriola Island, Canada: New Society Publishers, 2009. – 288 p.

Grove Laurence. Text/image Mosaics in French Culture: Emblems and Comic Strips (Studies in European Cultural Transition). – London: Ashgate Publishing, 2006. – 187 p.

Grupp, J. Corporatism: The Secret Government of the New World Order / Jeffrey Grupp. – NY.: Banned Books; 2009. – 412 p.

Guillen Mauro F. The Limits of Convergence: Globalization and Organizational Change in Argentina, South Korea, and Spain / Mauro F. Guillen. – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2003. – 304 p.

Hafner, K. CYBERPUNK: Outlaws and Hackers on the Computer Frontier, Revised / Katie Hafner. – NY.: Simon & Schuster; 1995. – 400 p.

Hafner, K. Where Wizards Stay Up Late: The Origins Of The Internet / Katie Hafner. – NY.: Simon & Schuster, 1998. – 304 p.

Hallberg P., Wittrock B. From koinonia politike to societas civilis: Birth, Disappearans and First Renaissance of the Concept, Peter Wagner The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / Peter Wagner (Ed.). – New York.: Berghahn Books, 2006. – P. 28-53.

Hannum, E., Park, H., Butler, Y. G. (eds.). Globalization, Changing Demographics, and Educational Challenges in East Asia (Research in Sociology of Education) / editors: Emily Hannum, Hyunjoon Park, Yuko Goto Butler. – Bingley, WA. United Kingdom.: Emerald Group Publishing Limited, 2010. – 352 p.

Harasim Linda M. (ed.) Global Networks: Computers and International Communication / editor: Linda M. Harasim. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 1993. – 424 p.

Hart, T., Greenfield, J. M., Haji, S. D. People to People Fundraising: Social Networking and Web 2.0 for Charities / Ted Hart, James M. Greenfield, Sheeraz D. Haji. – Hoboken, New Jersey.: Wiley; 2007. – 288 p.

Hayes, D., Wynyard, R. (eds.). The McDonaldization of Higher Education (GPG) (PB) / editors: Dennis Hayes, Robin Wynyard. – Charlotte, North Carolina.: IAP LLC, 2006. – 236 p.

Hayles, N. K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics / N. Katherine Hayles. – Chicago.: University Of Chicago Press; 1999. – 364 p.

Heinberg, R., Lerch, D. (eds.). The Post Carbon Reader: Managing the 21st Century's Sustainability Crises / editors: Richard Heinberg, Daniel Lerch. – Berkeley, CA.: University of California Press; 2010. – 552 p.

Heinberg, R. Peak Everything: Waking Up to the Century of Declines / Richard Heinberg. – Gabriola Island, BC, Canada.: New Society Publishers; 2010. – 240 p.

Heinrich, V. F. CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 1: Country Profiles / V. Finn Heinrich. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.

Heinrich, V. F., Fioramonti, L. CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 2: Comparative Perspectives / V. Finn Heinrich; Lorenzo Fioramonti. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.

Heitzman, J. Network City : Planning the Information Society in Bangalore / James Heitzman. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 372 p.

Heywood, A. Global Politics (Palgrave Foundations) / Andrew Heywood. – London, NY.: Palgrave Macmillan, 2011. – 448 p.

Hillstrom, K. The Internet Revolution (Defining Moments) / Kevin Hillstrom. – Detroit, MI : Omnigraphics Inc., 2005. – 203 p.

Hindman, M. The Myth of Digital Democracy / Matthew Hindman. – Princeton, New Jersey.: Princeton University Press, 2008. – 198 p.

Hintz, A. Civil Society Media and Global Governance: Intervening into the World Summit on the Information Society (Medien & Politik) / Arne Hintz. – Munster.: Lit Verlag, 2010. – 320 p.

Hoge, J. F. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations? The Debate / James F Hoge, Samuel P Huntington. – Tampa, FL.: Foreign Affairs, 2010. –134 p.

Holmes, D. (ed.). Virtual Politics: Identity and Community in Cyberspace (Politics and Culture series) / David Holmes (Ed.). – London.: Sage Publications Ltd, 1998. – 256 p.

Hopkins, A. G. (ed.). Globalization in World History / editor : A. G. Hopkins. – London: Pimlico, 2002. – 352 p.

Hovenden, F., Janes, L., Kirkup, G., Woodward, K. (eds.). The Gendered Cyborg: A Reader / editors : Fiona Hovenden, Linda Janes, Gill Kirkup, Kathryn Woodward – London.:Routledge, 1999. – 344 p.

Howard, P. E. N. and Jones, S. (eds). *Society Online: The Internet in Context* / editors : Philip E. N. Howard and Steve Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc, 2004. – 384 p.

<http://www.foreignaffairs.com/articles/48950/samuel-p-huntington/the-clash-of-civilizations>

Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* / Samuel P. Huntington. – NY.: Simon & Schuster; 1998. – 368 p.

Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations?* / Samuel P. Huntington. // *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3, Summer, 1993. – P. 22-49.

Inglehart Ronald. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. – Princeton, New Jersey: Publisher: Princeton Univ. Press, 1977. – 482 p.

Inglehart, R. F. *Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006* / Ronald Inglehart. – *West European Politics*, Vol. 31, Nos. 1-2, – L.: Routledge, January–March 2008, – pp.130 – 146.

Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart, Christian Welzel. – NY.: Cambridge University Press, 2005. – 344 p.

Iniewski, K. (ed.). *Convergence of Mobile and Stationary Next-Generation Networks* / editor : Krzysztof Iniewski. – Hoboken, NJ.: Wiley, 2010. – 790 p.

Jackson, M. O. *Social and Economic Networks* / Matthew O. Jackson. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2010. – 520 p.

Jahn-Sudmann, A., Stockmann, R. (eds.). *Computer Games as a Sociocultural Phenomenon: Games Without Frontiers, Wars Without Tears* / editors: Andreas Jahn-Sudmann, Ralf Stockmann. – Basingstoke.: Palgrave Macmillan; 2008. – 288 p.

James, Mr. P. W. (ed.). *Globalization and Culture (Central Currents in Globalization)* (v. 1) / editor : Mr. Paul W. James. – London.: Sage Publications Ltd; 2009. – 1720 p.

James, Mr. P. W. Globalism, Nationalism, Tribalism / Mr. Paul W. James. – London.: Sage Publications Ltd, 2006. – 392 p.

Jarboe, G. YouTube and Video Marketing: An Hour a Day / Greg Jarboe. – Indianapolis, Indiana.: Sybex, 2009. – 504 p.

Jenkins, H. (a). Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press; 2008. – 336 p.

Jenkins, H. (b). Fans, Bloggers, and Gamers: Media Consumers in a Digital Age / Henry Jenkins . – NY.: NYU Press, 2008. – 304 p.

Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press, 2008. – 336 p.

Jenkins, H., Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K., Robison, A. J. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century (The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Reports on Digital Media and Learning) / Henry Jenkins, Ravi Purushotma, Margaret Weigel, Katie Clinton, Alice J. Robison. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2009. – 145 p.

Jensen J., Miszlivetz F. Global Civil Society: from Dissident Discourse to World Bank Parlance, / Jody Jensen, Ferenc Miszlivetz // Wagner, P. (ed.). The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / Peter Wagner. – New York: Berghahn Books, 2006. – P. 177-205.

Jones, A. Globalization : Key Thinkers / Andrew Jones. – Malden, Massachusetts .: Polity. 2010. – 224 p.

Jones, S. (ed.). Cybersociety 2.0: Revisiting Computer-Mediated Community and Technology (New Media Cultures) / editor: Steve Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc; 1998. – 256 p.

Jones, S. (ed.). Virtual Culture: Identity and Communication in Cybersociety / editor: Steve Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications Ltd; 1997. – 272 p.

Journal of Memetics - Evolutionary Models of Information Transmission [<http://cfpm.org/jom-emit/>]

Kaarbo, J., Ray, J. Global Politics / Juliet Kaarbo, James Ray. – Florence, Kentucky .: Wadsworth Publishing; 2010. – 608 p.

Kaldor, M. *Global Civil Society: An Answer to War* / Mary Kaldor. – Malden, Massachusetts.: Polity, 2003. – 200 p.

Kaldor, M. *Idea of Global Civil Society* / Mary Kaldor. – *International Affairs* 79, 3 (2003). – P. 583 – 593.

Kanter, B., Fine, A. *The Networked Nonprofit: Connecting with Social Media to Drive Change* / Beth Kanter, Allison Fine, Randi Zuckerberg – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 224 p.

Kaplinsky, R. *Globalization, Poverty and Inequality: Between a Rock and a Hard Place* / Raphael Kaplinsky. – L. NY.: Polity, 2007. – 216 p.

Keane, J. *Civil Society: Old Images, New Visions* / John Keane. – Stanford.: Stanford University Press, 1999. – 201 p.

Keane, J. *Global Civil Society?* / John Keane. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2003. – 236 p.

Kelley Larry D. *Advertising Media Planning: A Brand Management Approach*. – Armonk NY. Publisher: M.E. Sharpe, 2003. – 152 p.

Kennedy, B. M., Bell, D. (eds.). *The Cybercultures Reader* / editors: Barbara M. Kennedy, David Bell. – London.: Routledge; 2000. – 800 p.

Kenneth L. H., Dijk, J. A. G. M. Van (eds.). *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice* / editors : Kenneth L. Hacker, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2000. – 240 p.

Kidd William, Reynolds Sian (eds.). *Contemporary French Cultural Studies* / editors : William Kidd, Sian Reynolds. – Publisher: A Hodder Arnold Publication, 2000. – 336 p.

Kilduff, M., Wenpin Tsai. *Social Networks and Organizations* / Martin Kilduff, Wenpin Tsai. – London : Sage, 2003. – 172 p.

Kirkwood-Tucker, T. F. (ed.). *Visions in Global Education (Complicated Conversation: a Book Series of Curriculum Studies)* / editor : Toni Fuss Kirkwood-Tucker. – NY.: Peter Lang; 2009. – 372 p.

Kizza, J. M. Ethical and Social Issues in the Information Age (Texts in Computer Science) / Joseph Migga Kizza. – Dordrecht. : Springer; 2010. – 335 p.

Kluer, J. Kluer, C. Evolution, modernization, and globalization: A theoretical and mathematical model / Jurgen Kluer, Christina Kluer // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge, 2008. – P. 400 – 414.

Knight, W. A., Keating, T. Global Politics / W. Andy Knight, Tom Keating. – Oxford.: Oxford University Press, 2010. – 448 p.

Knutson, J. Cultural Vision: A Memeplex for the Cultural Evolution / Jeffrey Knutson. – Lincoln, NE.: iUniverse, Inc., 2003. – 248 p.

Kogut, B. (ed.). The Global Internet Economy / editor : Bruce Kogut – Cambridge, Massachusetts. : The MIT Press; 2004. – 536 p.

Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolutions / Thomas S. Kuhn. – Chicago.: University Of Chicago Press; 3rd ed., 1996. – 226 p.

Laland, K. N., Brown, G. Sense and Nonsense: Evolutionary Perspectives on Human Behaviour / Kevin N. Laland, Gillian Brown. – Oxford.: Oxford University Press, 2002. – 384 p.

Lanier, J. You Are Not a Gadget: A Manifesto / Jaron Lanier. – NY.: Vintage; 2011. – 240 p.

Larsen, J., Urry, J., Axhausen, K. Mobilities, Networks, Geographies (Transport and Society) / Jonas Larsen, John Urry, Kay Axhausen. – Aldershot, Hampshir.: Ashgate Publishing, 2006. – 165 p.

Lash, S., Urry, J. Economies of Signs and Space / Scott Lash, John Urry. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc.; 1994. – 368 p.

Latour, B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies / Bruno Latour. – Cambridge.: Harvard University Press, 1999. – 336 p.

Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / Bruno Latour. – Oxford.: Oxford University Press, 2007. – 328 p.

Latour, B. We Have Never Been Modern / Bruno Latour. – Cambridge.: Harvard University Press, 1993. – 168 p.

Lechner Frank J., Boli J. (eds.). The Globalization Reader / editors: Frank J. Lechner, John Boli. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2007. – 520 p.

Lechner Frank J. Globalization: The Making of World Society / Frank J. Lechner. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. – 336 p.

Levi-Strauss, C. The Raw and the Cooked: Mythologiques, Volume 1 (Raw & the Cooked) / Claude Levi-Strauss. – Chicago.: University Of Chicago Press, 1983. – 402 p.

Levy, P. Cyberculture (Electronic Mediations) / Pierre Levy. – Minneapolis, MN.: Univ. Of Minnesota Press; 2001. – 280 p.

Levy, S. In The Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives / Steven Levy. – New York.: Simon & Schuster, 2011. – 432 p.

Ling, R. The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society (Interactive Technologies) / Rich Ling. – San Francisco, CA.: Morgan Kaufmann; 2004.– 244 p.

Lister, M. New Media: A Critical Introduction / Martin Lister, Jon Dovey, Seth Giddings, Iain Grant, Kieran Kelly. – NY.: Routledge; 2009. – 464 p.

Loader, B. D. (ed.). Cyberspace Divide: Equality, Agency and Policy in the Information Society / editor : Brian D. Loader. – NY.: Routledge; 1998. – 288 p.

Loomba Ania. Colonialism / Postcolonialism / Ania Loomba. – NY.: Routledge, 2005. – 263 p.

Lynch, A. Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society: The New Science Of Memes (The Kluwer international series in engineering & computer science) / Aaron Lynch. - NY.:Basic Books;1996. - 208 p.

MacDonald, C., Korczynski, M. (eds.). *Service Work: Critical Perspectives* / editors: Cameron MacDonald, Marek Korczynski. – NY.: Routledge, 2008. – 216 p.

MacGillivray, A. *A Brief History of Globalization: The Untold Story of our Incredible Shrinking Planet* / Alex MacGillivray. – NY.: Running Press, 2006. – 320 p.

Macionis John J. Plummer, Ken. *Sociology: A Global Introduction* / John J. Macionis, Ken Plummer. – Edinburg: Prentice Hall, 2008. – 1000 p.

Mackinnon D., Cumbers A. *An Introduction to Economic Geography: Globalization, Uneven Development and Place* / Danny Mackinnon, Andrew Cumbers. – Edinburg: Prentice Hall, 2007. – 376 p.

Maier, B. (eds.). *HELP! My Child Is Hooked on Video Games (Focus on the Family: Help!)* / editor : Bill Maier. – Carol Stream, IL.: Tyndale House Publishers, Inc., 2006. – 96 p.

Manning Robert D. *Credit Card Nation: The Consequences of America's Addiction to Credit* / Robert D. Manning. – NY.: Basic Books; 2001. – 416 p.

Markoff, J. *What the Dormouse Said: How the Sixties Counterculture Shaped the Personal Computer Industry* / John Markoff. – London.: Viking, Penguin, 2005. – 336 p.

Martenson, C. *The Crash Course: The Unsustainable Future Of Our Economy, Energy, And Environment* / Chris Martenson. – Hoboken, NJ.: Wiley; 2011. – 317 p.

Massumi, B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation (Post-Contemporary Interventions)* / Brian Massumi. – Durham, North Carolina.: Duke University Press Books, 2002. – 336 p.

Meyer B., Geschiere P. (eds.). *Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure (Development and Change Special Issues)* / editors: Birgit Meyer, Peter Geschiere. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 1999. – 344 p.

Mazlish, B. *The New Global History* / Bruce Mazlish. – NY.: Routledge, 2006. – 144 p.

Mazlish, B., Buultjens, R. Conceptualizing Global History / Bruce Mazlish, Ralph Buultjens. – Boulder, CO.: Westview Press, 1993. – 253 p.

McElroy, A., Townsend. P. K. Medical Anthropology in Ecological Perspective: Fifth Edition / Ann McElroy, Patricia K. Townsend. – Boulder, Colorado.: Westview Press; 2008. – 520 p.

McGrew A., Held D. Globalization Theory: Approaches and Controversies / Anthony McGrew, David Held. – Malden, MA: Polity, 2007. – 288 p.

Memmi Albert. The Colonizer and the Colonized. – Boston, MA.: Beacon Press, 1991. –169 p.

Memmi Albert. Decolonization and the Decolonized. – Minneapolis.: University of Minnesota Press, 2006. – 160 p.

Mestrovic Stjepan. Postemotional Society. – L.: Sage Publications Ltd, 1997. – 192 p.

Micek, D., Whitlock W. Twitter Revolution: How Social Media and Mobile Marketing Is Changing the Way We Do Business & Market Online / Deborah Micek, Warren Whitlock. – Las Vegas.: Xeno Press, 2008. – 257 p.

Miller, D. A Theory of Shopping / Daniel Miller. – NY.: Cornell University Press, 1998. – 180 p.

Miller, F. P., Vandome, A. F., McBrewster, J. Memetics / Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster. – Saarbrücken.: VDM Publishing House Ltd., 2009. - 96 p.

Miller, M. YouTube for Business: Online Video Marketing for Any Business / Michael Miller. – Canada.: Que;2011. – 368 p.

Mirzoeff, N. (ed.). The Visual Culture Reader / editor: Nicholas Mirzoeff. – NY.: Routledge; 2002. – 776 p.

Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / editors: George Modelski, Tessaleno Devezas, William R. Thompson. – NY.: Routledge; 2008. – 464 p.

Modelski, G. Globalization as evolutionary process / George Modelski // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G.,

Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). –NY.: Routledge; 2008. – P. 11-29.

Morley David, Robins Kevin (eds.). *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / editors: David Morley, Kevin Robins. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 544 p.

Morozov, E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom* / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs, 2011. – 432 p.

Moschovitis, C. J. P., Poole, H., Schuyler, T., Senft, T. M. *History of the Internet: A Chronology, 1843 to the Present* / Christos J. P. Moschovitis, Hilary Poole, Tami Schuyler, Theresa M. Senft. – Santa Barbara, California.: ABC-CLIO, 1999. – 312 p.

Mossberger, K., Tolbert, C. J., Stansbury, M. *Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide (American Governance and Public Policy)* / Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert, Mary Stansbury. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2003. –160 p.

Mothe, J. de la and Foray, D. (eds). *Knowledge Management in the Innovation Process (Economics of Science, Technology and Innovation)* / editors : John de la Mothe and Dominique Foray. – NY.: Springer; 2001. – 280 p.

Murray, W. E. *Geographies of globalization* / Warwick E. Murray. – London.: Routledge, 2006. – 392 p.

Musser, J. *Web 2.0 Principles and Best Practices (O'Reilly Radar)* / John Musser. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media, 2006. – 101 p.

Nayar, P. K. *Virtual Worlds: Culture and Politics in the Age of Cybertechnology* / Pramod K. Nayar. – London.: Sage, 2004. – 343 p.

Nayar, P. K. (a). *An Introduction to New Media and Cybercultures* / Pramod K. Nayar. – Malden, MA.: Wiley-Blackwell; 2010. – 224 p.

Nayar, P. K. (Ed.) (b). *The New Media and Cybercultures Anthology* / Pramod K. Nayar. – Malden, MA.:Wiley-Blackwell; 2010. – 568 p.

Newman, M. *Networks : An Introduction* / Mark Newman. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 720 p.

Nordstrom, C. *Global Outlaws: Crime, Money, and Power in the Contemporary World* (California Series in Public Anthropology) / Carolyn Nordstrom. – Los Angeles.: CA.: University of California Press; 2007. – 256 p.

Norris, P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide* (Communication, Society and Politics) / Pippa Norris. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2001. – 320 p.

Norris, P., Inglehart, R. F. *Cosmopolitan communications: Cultural diversity in a globalized world* / Norris, Pippa, and Ronald F. Inglehart. – New York.: Cambridge University Press, 2009. – 446.

O'Neill Maggie. *Prostitution and Feminism: Towards a Politics of Feeling*. – Cambridge.: Polity, 2000. – 240 p.

Ober, J. The Athenian Revolution: essays on ancient Greek democracy and political theory / Josiah Ober. – Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1998. – 224 p.

Okin, J. R. *The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web* / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press, 2005. – 352 p.

O'Meara, P., Mehlinger, Howard & Carolee, Krain, M. (eds.). – *Globalization and the Challenges of a New Century: A Reader* / editors: Patrick O'Meara, Howard & Carolee Mehlinger, Matthew Krain. – .: Indiana University Press, 2000. – 520 p.

O'Neill, E. R. *Dromoscopy, or The Ecstasy of Enormities* / Edward Robert O'Neill. – *Wide Angle* – Volume 20, Number 3, July 1998, – The Johns Hopkins University Press, 1998. – pp. 11–22.

Ong Aihwa. *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality* / Aihwa Ong. – Durham, NC.: Duke University Press, 1999. – 322 p.

Ong, A., Collier, S, J. (eds.). *Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems* / editors: Aihwa Ong, Stephen J. Collier. – Wiley-Blackwell Publishing, 2004. – 494 p.

Onuf, N. G. *The Republican Legacy in International Thought* (Cambridge Studies in International Relations) / Nicho-

las Greenwood Onuf. – Cambridge. : Cambridge University Press, 1998. – 304 p.

Osterhammel, J., Petersson, N. P. Globalization: A Short History / J. Osterhammel, N. P. Petersson,– Princeton University Press. 2005. – 182 p.

Pariser, E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / Eli Pariser. – Publisher: Penguin Press HC, 2011. – 304 p.

Patsouras Louis. Thorstein Veblen and the American Way of Life / Louis Patsouras. – Montréal.: Black Rose Books, 2004. – 380 p.

Paulson, H. M. On the Brink: Inside the Race to Stop the Collapse of the Global Financial System / Henry M. Paulson. – NY.: Business Plus; 2010. – 512 p.

Pavlichev, A. and Garson, G. D. (eds). Digital Government: Principles and Best Practices / editors : Alexei Pavlichev and G. David Garson. – Hershey, PA.:IGI Global, 2003. – 394 p.

Peacock, J. L. Grounded Globalism: How the U.S. South Embraces the World / J. L. Peacock. – Publisher: University of Georgia Press, 2007. – 296 p.

Pearce, C. Communities of Play: Emergent Cultures in Multiplayer Games and Virtual Worlds / Celia Pearce. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 2009. – 344 p.

Peck Jamie A., Wai-Chung Yeung H. (eds.). Remaking the Global Economy: Economic-Geographical Perspectives / editors: Jamie A Peck, Henry Wai-Chung Yeung. – London: Sage, 2003. – 288 p.

Pellegrini, T., Auer, S., Tochtermann, K. and Schaffert, S. (eds). Networked Knowledge – Networked Media: Integrating Knowledge Management, New Media Technologies and Semantic Systems (Studies in Computational Intelligence) / editors : Tassilo Pellegrini, Sören Auer, Klaus Tochtermann, Sebastian Schaffert. – NY.: Springer; 2009. – 352 p.

Porter, A., Read, W. H. The Information Revolution: Current and Future Consequences / Alan Porter, Walter H. Read. – Westport, Connecticut.: Praeger, 1998. – 308 p.

Rabinow Paul. Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary. – Princeton.: Princeton University Press, 2007. – 176 p.

Rabinow Paul, Dan-Cohen Talia. A Machine to Make a Future: Biotech Chronicles. – Princeton.: Princeton University Press, 2004. – 224 p.

Rabinow Paul, Marcus George E., Rees Tobias. Designs for an Anthropology of the Contemporary. – Durham, North Carolina.: Duke University Press, 2008. – 152 pages

Rabinow Paul. Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment / Paul Rabinow. – Princeton.: Princeton University Press, 2003. – 152 p.

Rennstich, J. K. Is globalization self-organization? Joachim Karl Rennstich // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge, 2008. – P. 87-107.

Reuveny, R. On forecasting globalization using world models / Rafael Reuveny P. // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge; 2008. – P. 380-399.

Rheingold, H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / Howard Rheingold. – Cambridge.: Basic Books, 2002. – 288 p.

Ricardo, F. J. (ed.). Cyberculture and New Media / editor: Francisco J. Ricardo. – NY.: Rodopi, 2008. – 324 p.

Ricardo, F. J. Literary Art in Digital Performance: Case Studies in New Media Art and Criticism / Francisco J. Ricardo. – NY.: Continuum, 2009. – 200 p.

Rigby, B. Mobilizing Generation 2.0: A Practical Guide to Using Web 2.0: Technologies to Recruit, Organize and Engage Youth / Ben Rigby. – San Francisco CA.: Jossey-Bass; 2008. – 288 p.

Ritzer, G. The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions / George Ritzer. – London.: Sage Publications Ltd; 1997. – 224 p.

Ritzer George. Explorations in the Sociology of Consumption: Fast Food, Credit Cards and Casinos. – London.: Sage Publications Ltd; 2001. – 272 p.

Ritzer George. The Globalization of Nothing. – Thousand Oaks, California.: Pine Forge Press, 2007. – 264 p.

Ritzer George. The McDonaldization of Society. – Thousand Oaks, California.: Pine Forge Press, 2007. – 320 p.

Ritzer, G. The McDonaldization of Society 5 / George Ritzer. – London.: Pine Forge Press; 2007. – 320 p.

Ritzer, G. (ed.). Enchanting a Disenchanted World: Continuity and Change in the Cathedrals of Consumption / editor: George Ritzer. – London.: Pine Forge Press; 2009. – 272 p.

Ritzer, G. Globalization: A Basic Text / George Ritzer – Hoboken, NJ, .: Wiley-Blackwell, 2009. – 608 p.

Ritzer, G. The McDonaldization of Society 6 / George Ritzer. – London.: Pine Forge Press; 2010. – 328 p.

Ritzer, G., Atalay, Z. (eds.). Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates / editors: George Ritzer, Zeynep Atalay. – Malden. MA.: Wiley-Blackwell; 2010. – 488 p.

Ritzer, G. Globalization: The Essentials / George Ritzer. – Malden. MA.: Wiley-Blackwell; 2011. – 368 p.

Roberts, K. Cyber Junkie: Escape the Gaming and Internet Trap / Kevin Roberts. – Center City, MN.: Hazelden Publishing, 2010. – 204 p.

Robertson, R. (ed.). Mapping the Global Condition: Globalisation as the Central Concept / editor: Ronald Robertson // Globalization: Social Theory and Global Culture. Robertson R. (ed.). – London.: Sage Publications Ltd. – 1990. – P. 15 – 30.

Robertson, R. The Three Waves of Globalization: A History of A Developing Global Consciousness / Robbie Robertson. – London.: Zed Books; 2003. – 288 p.

Robinson, M. B. McDonaldization of America's Police, Courts, and Corrections / Matthew B. Robinson // McDonaldization: The Reader / editor : G. Ritzer. – London. : SAGE, 2002. – P. 77–90.

Salamon, L. M., List R., Sokolowski, S. W. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 1* / Lester M. Salamon, Regina List, S. Wojciech Sokolowski and Associates, Stefan Toepler, Helmut K. Anheier. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press. 1999. – 511p.

Salamon, M. and Sokolowski, S. W. (eds). *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 2* / editors : Lester M. Salamon and S. Wojciech Sokolowski. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press. 2004. – 368 p.

Saldívar Jose David. *Border Matters: Remapping American Cultural Studies*. – Publisher: University of California Press, 1997. – 298 p.

Sanders, T., Nelson, S., Morillo, S., Ellenberger, N. *Encounters in World History: Sources and Themes from the Global Past, Volume One* / Thomas Sanders, Samuel Nelson, Stephen Morillo, Nancy Ellenberger. – Columbus, OH.: McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages; 2005. – 480 p.

Saul, J. R. *The Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World*. – NY.: Overlook Hardcover, 2005. – 224 p.

Savicka, A. *Postmaterialism and globalisation : the specificity of value change in the post-communist milieu* / Savicka, Aida. – Vilnius.: Research Institute of Culture, Philosophy and Arts, 2004. – 163 p.

Schepp, B., Schepp, D. *How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site* / Brad Schepp, Debra Schepp. – NY.: McGraw-Hill, 2009. –240 p.

Schnabel A. and Scholte J. A. (eds). *Civil Society and Global Finance (Warwick Studies in Globalisation)* / editors : Albrecht Schnabel and Jan Aart Scholte. – NY., L.: Routledge, 2002. – 320 p.

Schuler, D. and Day, P. (eds). *Shaping the Network Society: The New Role of Civil Society in Cyberspace* / editors : Douglas Schuler and Peter Day. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2004. – 443 p.

Schumaker John F. *The Age of Insanity: Modernity and Mental Health*. – Santa Barbara, California.: Praeger Publishers, 2001. – 240 p.

Shih, C. The Facebook era: tapping online social networks to build better products, reach new audiences, and sell more stuff / Clara Shih. – Upper Saddle River, New Jersey.: Prentice Hall, 2009. – 236 p.

Shiva, V. Monocultures of the mind: perspectives on biodiversity and biotechnology / Vandana Shiva. – London.: Zed Books, 1993. – 184 p.

Shuen, A. Web 2.0: A Strategy Guide: Business thinking and strategies behind successful Web 2.0 implementations / Amy Shuen. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media; 2008. – 272 p.

Slevin, J. The Internet and Society / James Slevin. – Cambridge.: Polity; 2000. – 265 p.

Spindler Michael. Veblen and Modern America: Revolutionary Iconoclast. – Ann Arbor.: University of Michigan Press; Pluto Press. 2002. – 182 p.

Spivak Gayatri Chakravorty. A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present. – Cambridge, Massachusetts.: Harvard University Press, 1999. – 464 p.

Stearns Peter. Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire / Stearns Peter. – London. : Routledge, 2001. – 160 p.

Stearns, P. N. Globalization in World History (Themes in World History) / Peter N. Stearns. – London.: Routledge; 2009. – 176 p.

Steger M. B. Globalization: A Very Short Introduction / Martin Steger. – Oxford.: Oxford University Press, 2003. – 168 p.

Steger, M. B. Globalisms: The Great Ideological Struggle of the Twenty-first Century. – Lanham, Maryland.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2008. – 236 p.

Steger, M. B. Globalization: The Greatest Hits, a Global Studies Reader / Manfred B. Steger. – *Boulder*, Colorado. : Paradigm Publishers, 2010. – 320 p.

Stehr, N. and Meja, V. (eds). Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science / editors : Nico Stehr and Volker Meja. – Piscataway, New Jersey.: Transaction Publishers; 2005. – 451 p.

Stehr, N. Knowledge Politics: Governing the Consequences of Science and Technology (Political Economy of the World-System Annuals) / Nico Stehr. – Boulder CO.: Paradigm Publishers, 2006. – 252 p.

Stehr, N. (ed.). The Governance of Knowledge / editor: Nico Stehr. – Piscataway, New Jersey.: Transaction Publishers, 2003. – 299 p.

Stein, L. Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World / Lee Stein. – Teaneck, NJ.: Paradoxical Press, 2011. – 60 p.

Steinbock, D. The Nokia Revolution : The Story of an Extraordinary Company That Transformed an Industry / Dan Steinbock. – NY.: AMACOM; 2001. – 352 p.

Steinbock, D. The Mobile Revolution: The Making of Mobile Services Worldwide / Dan Steinbock. – London.: Kogan Page, 2007. – 304 p.

Steinbock, D. Winning Across Global Markets: How Nokia Creates Strategic Advantage in a Fast-Changing World / Dan Steinbock. – San Francisco, CA.: Jossey-Bass, 2010. – 304 p.

Storry Michael, Childs Peter (eds.). British Cultural Identities / editors: Storry Michael, Childs Peter. – NY.: Routledge; 2007. – 320 p.

Stromquist, N. P. Education in a Globalized World: The Connectivity of Power, Technology, and Knowledge / Nelly P. Stromquist. – Lanham, MD.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2002. – 240 p.

Stross, R. Planet Google: One Company's Audacious Plan To Organize Everything We Know / Randall Stross. – New York.: Free Press, 2008. – 288 p.

Suarez-Orozco, M. (ed.). Learning in the Global Era: International Perspectives on Globalization and Education / editor: Marcelo M. Suarez-Orozco. – Los Angeles.: University of California Press; 2007. – 335 p.

Suarez-Orozco, M., Qin-Hilliard, D. B. (eds.). Globalization: Culture and Education in the New Millennium / editors: Marcelo Suarez-Orozco, Desiree B. Qin-Hilliard. – Los Angeles.: University of California Press; 2004. – 290 p.

Surowiecki, J. *The Wisdom of Crowds* / James Surowiecki. – NY.: Anchor, 2005. – 336 p.

Sutherland Max. *Advertising and the Mind of the Consumer: What Works, What Doesn't, and Why.* – Bel Air, CA.: Allen & Unwin, 2009. – 352 p.

Tainter, J. A. *The Collapse of Complex Societies* (New Studies in Archaeology) / Joseph A. Tainter. – Cambridge.: Cambridge University Press; 1990. – 264 p.

Taylor, P. J. *World City Network : A Global Urban Analysis* / Peter J. Taylor. – London ; NY. : Routledge, 2003. – 256 p.

Taylor, T. L. *Play Between Worlds: Exploring Online Game Culture* / T.L. Taylor. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 2009. – 205 p.

Thomas, D., Brown, J. S. *A New Culture of Learning: Cultivating the Imagination for a World of Constant Change* / Douglas Thomas, John Seely Brown. – Seattle, WA.: CreateSpace, 2011. – 140 p.

Thomases, H. *Twitter Marketing: An Hour a Day* / Hollis Thomases. – Indianapolis, Indiana.: Sybex, 2010. – 504 p.

Thomsen, T. U. *Mobility Research – a Growing Field of Social Enquiry.* // Thomsen Thyra Uth, Nielsen Lise Drewes, Gudmundsson Henrik (eds.). *Social Perspectives On Mobility* / editors: Thomsen Thyra Uth, Nielsen Lise Drewes, Gudmundsson Henrik. – Aldershot. Publisher: Ashgate Publishing, 2005. – P. 1-10.

Thomsen, T. U., Nielsen, L. D., Gudmundsson, H. (eds.). *Social Perspectives On Mobility* / editors: Thyra Uth Thomsen, Lise Drewes Nielsen, Henrik Gudmundsson. – Aldershot. Publisher: Ashgate Publishing, 2005. – 221 p.

Toffler, A. *Future Shock* / Alvin Toffler. – NY.: Bantam; (First ed.,1971),1984. – 576 p.

Tomlinson, J. *Globalization and Culture* / John Tomlinson. – Chicago.: The University of Chicago Press, 1999. – 248 p.

Tomlinson, J. *The Culture of Speed. The Coming of Immediacy* / John Tomlinson. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications Ltd., 2007. – 180 p.

Treadaway, C., Smith, M. Facebook Marketing: An Hour a Day / Chris Treadaway, Mari Smith. – Indianapolis, Indiana. : Sybex; 2010. – 312 p.

Trouillot, M.-R. Global transformations: anthropology and the modern world. – Basingstoke, Hampshire.: Palgrave Macmillan, 2003. – 178 p.

Turkle, S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / Sherry Turkle. – NY.: Basic Books, 2011. – 384 p.

Turkle, S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet / Sherry Turkle. – New York.: Simon & Schuster, 1997. – 352 p.

Turkle, S. The Second Self: Computers and the Human Spirit / Sherry Turkle. – Cambridge, MA.: The MIT Press; 2005. – 386 p.

Turkle, S., Clancey, W. J., Helmreich, S., Loukissas, Y. A., Myers, N. Simulation and Its Discontents (Simplicity: Design, Technology, Business, Life) / Sherry Turkle, William J. Clancey, Stefan Helmreich, Yanni A. Loukissas, Natasha Myers. – Cambridge, MA.: The MIT Press; 2009. – 231 p.

Turner Graeme. British Cultural Studies: An Introudction / Graeme Turner. – NY.: Routledge, 2002. – 272 p.

Turner, B. S. McCitizens: Risk, coolness and irony in contemporary politics // B. Smart (ed.), Resisting McDonaldization (261p.). London: Sage Ltd. 1999. – pp. 83-100.

Turner, F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism / Fred Turner. – Chicago.: University Of Chicago Press; 2006. – 354 p.

Urry, J. Mobilities / John Urry. – Cambridge.: Polity Press, 2007. – 336 p.

Urry, J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century (International Library of Sociology) / John Urry. – London.: Routledge; 2000. – 272 p.

Vaidhyathan, S. The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry) / Siva Vaidhyathan. – Berkeley, CA.: University of California Press; 2011. – 280 p.

Vattimo, G. A Farewell to Truth / Gianni Vattimo.– New York.: Columbia University Press, 2011. – 192 p.

Vattimo, G. The Transparent Society (Parallax: Re-visions of Culture and Society) / Gianni Vattimo. – Baltimore, Maryland.: The Johns Hopkins University Press, 1992. – 136 p.

Veblen Thorstein. The Theory of the Leisure Class. Whitefish / Thorstein Veblen. – Montana.: Kessinger Publishing, 2004. – 228 p.

Virilio, P. Desert Screen: War at the Speed of Light (Athlone Contemporary European Thinkers) / Paul Virilio. – NY. London.: Continuum International Publishing Group. 2002. – 148 p.

Virilio, P. Negative Horizon: An Essay in Dromoscopy (Continuum Impacts) / Paul Virilio, Michael Degener. – NY. London.: Continuum, 2008. – 224 p.

Virilio, P. Speed and Politics (Semiotext(e) / Foreign Agents) / Paul Virilio. – Los Angeles, CA.: Semiotext(e); 2007. – 174 p.

Virilio, P. The Information Bomb / Paul Virilio. – NY. London.:Verso Books, 2000. – 145 p.

Virilio, P. The Original Accident / Paul Virilio. – Malden, MA.: Polity, 2007. – 128 p.

Vise, D. A. The Google Story: For Google's 10th Birthday / David A. Vise. – Buena Park, CA.: Delta, 2008. – 352 p.

Vogel B. The formation of active civil societies in post-communist States: The challenges and opportunities of a political foundation / Bernhard Vogel // European View. Volume 7, Number 1, 2008. – P. 129-138.

Wagner, P. (ed.).The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / editor : Peter Wagner. – New York: Berg-hahn Books, 2006. – 258 p.

Wallerstein, I. (ed.). The Modern World-System in the Longue Durée (Fernand Braudel Center Series) / editor: Immanuel Wallerstein. – Boulder, Colorado.: Paradigm Publishers, 2005. – 256 p.

Wallerstein, I. M. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System (Studies in Modern Capitalism) /

Immanuel Maurice Wallerstein. – NY.: Cambridge University Press, 1991. – 252 p.

Wallerstein, I. M. World-Systems Analysis: An Introduction (A John Hope Franklin Center Bo) / Immanuel Maurice Wallerstein. – Durham, North Carolina.: Duke University Press Books, 2004. – 128 p.

Warschauer, M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide / Mark Warschauer. – Cambridge, Massachusetts.:The MIT Press; 2004. – 274 p.

Waters, M. Globalization (Key Ideas) / Malcolm Waters. – London, Routledge, 2001. – 272 p.

Weert, T. J. van (ed.). Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances in Information and Communication Technology) / editor: Tom J. van Weert. – NY.: Springer; 2004. – 306 p.

Wheeler, B., Wheeler, G., Church, W. It's All Connected: A Comprehensive Guide to Global Issues and Sustainable / Solutions Benjamin Wheeler, Gilda Wheeler, Wendy Church. – Seattle WA.: Facing the Future: People and the Planet, 2005. – 150 p.

Wiarda, H. J. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism" (Comparative Politics) / Howard J. Wiarda. – Armonk, NY.: M E Sharpe Inc, 1996. – 199 p.

Williams S. J. Bendelow Gillian. The Lived Body / Simon Johnson Williams. – L.: Routledge, 1998. – 261 p.

Williams, S. J. «Capitalising» on Emotions? Rethinking the Inequalities in Health Debate / Simon J. Williams // Sociology. – February, 1998. – Vol. 32. – № 1. – P. 121-139.

Williamson, P. J. Varieties of Corporatism: A Conceptual Discussion / Peter J. Williamson. – Cambridge. : Cambridge University Press; 2010. – 256 p.

Wills, J. E. 1688: A Global History / John E. Wills Jr. – NY.: W. W. Norton & Company, 2002. – 352 p.

Wilson, E. O. Sociobiology: The Abridged Edition / Edward O. Wilson. – Harvard.: Belknap Press of Harvard University Press, 1980. – 378 p.

Wilson, E. O. Sociobiology: The New Synthesis, Twenty-Fifth Anniversary Edition / Edward O. Wilson. – Harvard.: Belknap Press of Harvard University Press, 2000. – 720 p.

Winograd, M., Hais, M. D. Millennial Makeover: MySpace, YouTube, and the Future of American Politics / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2008. – 336 p.

Winograd, M., Hais, M. D. Millennial Momentum: How a New Generation Is Remaking America / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2011. – 296 p.

Year of Dialogue Among Civilizations (1998). Режим доступа: <http://www.un.org/Dialogue/background.html>

Young, K. S., Abreu, C. N. De. Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment / Kimberly S. Young, Cristiano Nabuco de Abreu. – Hoboken, New Jersey.: Wiley; 2010. – 312 p.

Zarrella, D. The Social Media Marketing Book / Dan Zarrella. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media, 2009. – 240 p.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

БУРЯК Віктор Володимирович

**Динаміка культури в епоху
глобалізації: ноосферний контекст**

Монографія

(російською мовою)

Відповідальний за випуск: *В. В. Буряк*

Коректор: *С. С. Мінчік*

Верстка: *Д. Л. Штогрін*

Підп. до друку 2.09.2011 р. Формат 60х84/16. Ум. друк. арк. 26,85.

Замов. № Д-1011480. Тираж 300 прим.

Видавництво «ДІАЙПІ»

м. Сімферополь, пр. Кірова, 17 тел./факс (0652) 248-178, 711-687.

dip@diprint.com.ua, www.diprint.com.ua

Свідоцтво про державну реєстрацію ДК №1744 від 8.04.2004 р.

Віддруковано з готового оригінал-макету в поліграфцентрі «CUBE»
95000, м. Сімферополь, пр. Кірова, 82. Тел. 050 4971790